

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Д. В. ШАПОЧКИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Монография

2-е издание, переработанное и дополненное

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2019

УДК 81'42
ББК Ш105.51
Ш242

Автор:

Д. В. Шапочкин — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Рецензенты:

Н. В. Лабунец — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Л. А. Нефедова — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета

Шапочкин, Д. В.

Ш242 Политический дискурс: когнитивный аспект : монография / Д. В. Шапочкин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — 2-е изд., перераб. и доп. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 292 с.

ISBN 978-5-400-01519-9

Исследование представляет собой выявление и описание релевантных когнитивных аспектов политического дискурса и их сопоставление в разных лингвокультурах. При этом в монографии важной предстает общность когнитивных основ политического речепроизводства в разных культурах, что, безусловно, обеспечивает возможность взаимопонимания: одинаковые основания и приемы текстопроизводства способствуют успешности межкультурного общения, которое реализуется прежде всего в политических речах высших государственных чиновников. Речи на разных языках оказываются понятными в мировых лингвокультурах, в том числе и в силу того обстоятельства, что они создаются по одинаковым законам, именно это убедительно демонстрирует в работе проводимый когнитивно-дискурсивный анализ.

Монография носит междисциплинарный характер и адресована студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям вузов, а также широкому кругу специалистов.

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ISBN 978-5-400-01519-9

© Тюменский государственный университет, 2018
© Шапочкин Д. В., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ	9
1.1. Становление когнитивной лингвистики. Историография	9
1.2. Возможности когнитивного подхода в решении лингвистических проблем	14
1.3. Ключевые понятия когнитивной лингвистики	18
1.3.1. Понятие «разум»	19
1.3.2. Понятие «сознание»	21
1.3.3. Понятие «язык»	23
1.3.4. Понятие «репрезентация»	28
1.3.5. Понятия «концепт» и «концептуализация»	30
1.3.6. Понятие «категоризация»	32
1.3.7. Понятие «восприятие»	34
1.4. Специфика когнитивного анализа дискурса и перспективы его применения в научных исследованиях	38
2. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	47
2.1. Понятие «дискурс»	47
2.1.1. Виды дискурса	54
2.1.2. Характеристика политического дискурса	57
2.1.3. Политкорректность в политическом дискурсе	61
2.2. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе: подходы к выявлению и описанию	64
2.2.1. Когнитивная модель политического дискурса	66
2.2.2. Языковая личность в политическом дискурсе	71
2.2.3. Прагматический потенциал политического дискурса: категории эксплицитности и имплицитности	79

3. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ БРИТАНСКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕЙ	91
3.1. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике.....	91
3.2. Общее описание исследуемого материала	104
3.2.1. Когнитивно-дискурсивный анализ британской публичной политической речи	105
3.2.2. Когнитивно-дискурсивный анализ американской публичной политической речи	129
3.2.3. Когнитивно-дискурсивный анализ немецкой публичной политической речи	145
3.3. Когнитивные аспекты британского, американского и немецкого публичного политического дискурса: сопоставительный анализ.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	176
ПРИЛОЖЕНИЯ	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография посвящена сопоставительному исследованию британского, американского и немецкого политического дискурса (на материале публичных политических выступлений). Исследование лежит в русле таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистика текста, анализ дискурса.

За последние десятилетия появилось достаточное количество научных зарубежных и отечественных работ, посвященных проблемам когнитивной лингвистики (Т. А. ван Дейк, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Л. Талми, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Ченки, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Белозерова, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, В. Б. Касевич, А. Е. Кибрик, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, Л. А. Нефедова, Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов и др.). Все чаще упоминается о когнитивном подходе к языку, который открывает широкий спектр возможностей и позволяет его исследователям взглянуть на те или иные существующие в языке явления совершенно под другим углом зрения, а именно познавательных (когнитивных) механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека.

В центре внимания когнитивной лингвистики оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство — *единство языка и человека*, действующего в реальном мире, мыслящего и познающего, обучающегося с себе подобными. Поэтому неудивительно, что коммуникативный подход к языку можно определить как подход *антропологический*, что показывает, в частности, анализ

научной литературы по когнитивным исследованиям и их результатам, где, несмотря на разнородность точек зрения авторов, наблюдается нечто общее и объединяющее, причем в явном виде не всегда и не всеми авторами признаваемое, а именно *антропоцентричность* языка [Cienki 1995; Crane, Richardson 1999; Kirkeby 1994; Ungerer, Schmid 1996; Кравченко 2001; Кубрякова 1999; Рахилина 1998; Рябцева 2000; Сергеев 1987; Ченки 1997 и многие другие].

Введение в лингвистику антропологического подхода к языку активизировало интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Вследствие этого у многих исследователей дискурс стал пристальным объектом изучения.

Кроме того, в связи с расширением и возрастанием роли средств массовой информации в современном мире усилились политическое воздействие и манипуляция общественным сознанием. Политизация общественных масс, а именно *политический дискурс* (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), становится неотъемлемым компонентом «информационной жизни» человека. Поэтому анализ политического дискурса, как мы считаем, необходим для изучения его внутреннего содержания, его истинных интенций, (т. е. всего того, что обеспечивает понимание речи и существующих намерений политического деятеля), которые заключаются в его публичных высказываниях.

Проблема исследования когнитивных аспектов политического дискурса является одной из проблем когнитивной теории языка, коммуникативной прагматики и теории дискурса. Исследователю политической коммуникации в любом случае необходимо знать, насколько правильно говорящие и слушающие понимают друг друга. Направленность на понимание есть фундаментальное условие человеческого общения. При этом успешное понимание осуществляется не только тогда, когда люди пытаются понять значение слов и словосочетаний в политическом высказывании, но и, прежде всего, тогда, когда они сосредоточены на интенциях собеседника, на том, что он хочет выразить, какое речевое действие производит.

Исходя из вышесказанного, наше исследование является *актуальным* и во многом *перспективным* относительно исследования когнитивных аспектов в политической коммуникации.

Итак, *актуальность* настоящей работы определяется следующими факторами:

- существует насущная необходимость дальнейшего развития когнитивной лингвистики, когнитивной теории языка, поскольку, как отмечает Е. С. Кубрякова, несмотря на то, что когнитивное направление исследований в лингвистике получает все большее распространение, широко обсуждается как за рубежом, так и у нас в стране на различного рода встречах и конференциях, достижения его нередко либо вообще игнорируются, либо явно недооцениваются. Между тем с когнитивной наукой и когнитивной лингвистикой связано новое понимание языка, а это влечет за собой и вопрос о том, чем же все-таки должна заниматься теоретическая лингвистика [Кубрякова 2004: 6];
- в современной лингвистике на первый план выходит человеческая личность, говорящий, пишущий. Именно говорящий, пишущий, «...сообщая собеседнику определенную информацию и выражая свое отношение к ней, отбирает необходимые языковые средства, рассчитывая на коммуникативный эффект» [Жоноваленко 1997: 1]. При этом, как мы полагаем, осуществляется реализация когнитивных аспектов в языке;
- политическая лингвистика относится к числу областей науки, в которой особенно много «белых пятен». Исследование когнитивных аспектов в политическом дискурсе будет способствовать более точному осмыслению закономерностей политической коммуникации;
- сопоставительный когнитивно-дискурсивный анализ британских, американских и немецких публичных политических речей поможет в совокупности установлению определенных сходств и различий в политическом дискурсе в целом.

Объектом нашего исследования является британский, американский и немецкий политический дискурс, в частности публичные выступления премьер-министров Великобритании и президентов США XX века, а также федеральных президентов и канцлеров Германии второй половины XX века, опубликованные и запечатленные в звучании в зарубежных документальных изданиях.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что:

- для интерпретации политического дискурса в целом требуется построение его когнитивной модели;
- когнитивная модель политического дискурса является важным составляющим компонентом при обнаружении критериев когнитивно-дискурсивного анализа;
- когнитивно-дискурсивный анализ публичных политических речей способствует выявлению, описанию и сопоставительному исследованию когнитивных аспектов британского, американского и немецкого политического дискурса.

Таким образом, политический дискурс заслуживает детального исследования с когнитивной точки зрения, поскольку оно может приоткрыть завесу над эксплицитными и имплицитными интенциями отдельно взятого политического деятеля, охарактеризовав его как языковую личность.

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

1.1. Становление когнитивной лингвистики. Историография

Когнитивная лингвистика — одна из немногих молодых научных дисциплин, которая по праву заслужила внимание со стороны многих ученых.

Зарождение когнитивной науки и распространение когнитивного направления в конце XX века явилось знаменательным событием в становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины. В настоящий момент многие зарубежные и отечественные лингвисты уже проявили интерес, занимаясь научными исследованиями в рамках когнитивной лингвистики (Т. А. ван Дейк, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Л. Талми, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Ченки, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Белозерова, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, В. Б. Касевич, А. Е. Кибрик, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов и др.).

Цель данного параграфа — дать общее историографическое представление о становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины в рамках когнитивной науки.

В истории науки так называемое «когнитивное» направление возникло в Америке в 1970–80-х годах. В дальнейшем данное направление нашло свое продолжение во многих странах, в том числе и в России.

В целом, положительно оценивая данное направление, отечественные лингвисты зачастую высказывали диаметрально

противоположные мнения. Так, например, В. Б. Касевич утверждает, что оно не является новым ни по предмету исследования, ни по методу [Касевич 1998: 14]. В то же время в ряде других работ подчеркиваются некая оригинальность и новизна общего подхода [Кубрякова 1994в; 2002].

Отметим пять следующих характеристик, которые, по мнению Е. С. Кубряковой, являются симптоматичными для всей *когнитивной науки*:

1) убеждение в том, что, описывая когнитивные способности человека, предполагается существование особого уровня ментальных репрезентаций, который надлежит изучать в известном отвлечении, с одной стороны, от его биологических и нейрологических особенностей, а с другой — от социальных и культурологических;

2) признание центральной роли электронных компьютеров для понимания устройства человеческого разума; компьютеры считаются при этом не только незаменимым средством проведения целого ряда специальных исследований, но и служащими моделью функционирующего мозга;

3) стратегически и методологически (в американской когнитивной науке) считается возможным намеренно отвлекаться от некоторых факторов, которые, несомненно, воздействуют на когнитивные процессы, но их включение в программу исследования повлекло бы за собой ее чрезвычайное усложнение (в первую очередь это эмоциональные, исторические и культурологические факторы);

4) вера в междисциплинарный характер программы когнитивной науки и возможность в отдаленном будущем выработать концепцию такой единой науки, внутри которой границы между прежними дисциплинами будут стертыми;

5) признание того, что за вопросами, встающими сегодня перед когнитивной наукой, существует огромная традиция, начало которой положено в Античности [Кубрякова 1994в: 34].

Данная наука, с одной стороны, проявила особый интерес, как отмечают авторы Краткого словаря когнитивных терми-

нов — Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина, к исследованию исключительно сложных и важных феноменов — *ментальных процессов*, которые выделили человека как разумное существо, и на постижение результатов этой деятельности — *знания*. С другой стороны, вырабатывая постепенно все время усложняющуюся программу своих научных интересов, когнитивная наука объединяла под своей эгидой все те дисциплины, которые, так или иначе, были связаны с *изучением человеческого мозга и его работой* [КСКТ¹ 1997: 3].

По мере формирования своего междисциплинарного характера когнитология включила в себя, *во-первых*, старые традиционные фундаментальные науки — математику, философию, *лингвистику* и психологию; *во-вторых*, она стремилась подключить к себе новые и даже параллельно развивающиеся науки и теории — теорию информации, разные методы математического моделирования, компьютерную науку, нейронауки.

Особое место в становлении когнитивной науки занимает *лингвистика*. Ее взаимосвязь с этой быстро формирующейся наукой явилась объектом пристального изучения как зарубежных, так и отечественных лингвистов [Jackendoff 1997; Lakoff 1982; Talmy 1988; Арутюнова 1999; Дейк 1989; Демьянков 1994; Кибрик 1992; Кравченко 2001; Кубрякова 1994в и др.].

В результате слияния когнитологии с лингвистикой сформировалась совершенно новая область исследования — *когнитивная лингвистика* (англ. cognitive linguistics; нем. kognitive Linguistik; фр. linguistique cognitive). Данное слияние дисциплин обусловлено тем, что в *центре внимания когнитивной науки* стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, планирование, решение проблем, рассуждение, научение, а также приобретение, представление и использование знаний [Lepore, Pylyshyn 1999].

При этом, как отмечает А. В. Кравченко, естественная языковая способность человека оказывается альфой и омегой в том

¹ КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов.

смысле, что без обращения к языку нельзя надеяться понять суть других когнитивных способностей, т. е. язык оказывается важнейшим объектом когнитивной науки, ее эпицентром. Подход к языку с таких позиций привел к *формированию новой парадигмы* в науке о языке, получившей название *когнитивной лингвистики* [Кравченко 2001: 3].

Непосредственно, само начало когнитивной лингвистики выпадает на 80-е годы прошлого столетия. К этим годам относится также симпозиум в Луйсбурге, организованный Рене Дирвеном в 1989 году, и, конечно же, создание Международной когнитивной лингвистической ассоциации, участвующей ныне в выпуске специальных изданий по когнитивной лингвистике.

В целом когнитивная лингвистика — это направление, которое зародилось в США, где его чаще называют «*когнитивная грамматика*» [Langacker 1991; Talmy 1988 и др.], что объясняется расширенным пониманием термина «грамматика» в англоязычной лингвистике, в то время как в России нередко используется термин «*когнитивная семантика*» [Баранов, Добровольский 1997; Рахилина 2000; Селиверстова 2002 и др.], указывающий на один из источников данного исследовательского начинания.

Итак, *когнитивная лингвистика* — это направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [КСКТ 1997: 53]. Если сравнивать когнитивную лингвистику с другими дисциплинами когнитивного цикла, то можно отметить ее *существенную особенность* — рассмотрение когнитивных структур и процессов, свойственных человеку как “*homo loquens*” («человеку мыслящему»), что подразумевает, в свою очередь, системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов [Felix, Kanngiesser, Rickheit 1990: 1–2].

Важно также отметить, что перед современной лингвистикой как *когнитивно ориентированной наукой* ставятся в настоящее время три главных проблемы: *о природе языкового знания, о его усвоении* и о том, *как его используют* [Кубрякова 1997: 150].

В качестве *центральной задачи* когнитивной лингвистики отмечают описание и объяснение языковой способности и (или) знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего/слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей [Wunderlich, Kaufmann 1990: 223] и соотносящая языковую информацию на различных уровнях [Демьянков 1994: 21].

Таким образом, мы отразили общее историографическое представление о становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины в рамках когнитивной науки. История развития когнитивной лингвистики может быть охарактеризована главным образом сменой научных парадигм, а также методологическим изменением познавательных установок (эвристик) — исходных представлений об объекте исследования и допустимых способах его изучения (моделирования) [Баранов, Добровольский 1997: 11]. Следовательно, на данный момент мы застаем тот период развития лингвистики, где прослеживается влияние когнитивной науки, которое характеризуется, прежде всего, распространением таких терминов, как «когнитивная лингвистика», «когнитивная семантика», «когнитивная грамматика» и т. д.

Кроме этого, в связи с последовательным развитием когнитивной лингвистики все чаще используется *когнитивный подход*, который открывает для современных ученых широкий спектр возможностей для последовательного и более тщательного исследования языка. Соответственно, *когнитивная лингвистика* — это новая научная дисциплина, позволяющая исследователям, взглянуть на те или иные существующие явления в языке совершенно под другим углом зрения, а именно с точки зрения познавательных (когнитивных) механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека.

Поэтому мы считаем необходимым проследить возможности когнитивного подхода в решении лингвистических проблем, о них пойдет речь в следующем параграфе нашего исследования.

1.2. Возможности когнитивного подхода в решении лингвистических проблем

Несмотря на то что когнитивная лингвистика нашла многих последователей в лице зарубежных и отечественных лингвистов, некоторые моменты в ней до сих пор остаются недостаточно проясненными. В частности, как в российском языкознании, так и в зарубежной лингвистике, отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, мы не знаем работ, которые содержали бы в эксплицитном виде комплекс методологических оснований когнитивного подхода к языку [Баранов, Добровольский 1997: 11]. В. Б. Касевич, Т. Г. Скребцова отмечают отсутствие у когнитивной лингвистики нового метода [Касевич 1998: 14; Скребцова 2000: 18].

С точки зрения Р. М. Фрумкиной, при выходе науки за пределы освоенного возникает потребность в новой инструментари, но методы, как правило, не сочиняются заново, а заимствуются из смежных наук [Фрумкина 1995: 84].

Так или иначе, в настоящее время когнитивный подход находит свое применение во многих областях лингвистики.

Целью данного параграфа является ознакомление в общих чертах с возможностями когнитивного подхода в решении лингвистических проблем. Для этого нам необходимо:

- представить общую ситуацию в описании когнитивного подхода в языкознании;
- выявить внутри когнитивной лингвистики разделы, где когнитивный подход к языку находит свое широкое применение.

Когда языковые данные выступают как материал для анализа и моделирования ментальных процессов, на их основе исследуются механизмы продуцирования и восприятия речи, взаимодействие говорящего и слушающего, организация памяти и ее роль в процессе коммуникации. Когнитивная семантика преимущественно основывается на *анализе языковых единиц в динамике*, т. е. в речи, и ориентируется на экспериментальные данные. В последнем отношении она тесно взаимодействует

с когнитивной психологией и традиционными психолингвистическими исследованиями.

Следовательно, центральная задача *когнитивного подхода*, как мы полагаем, состоит в изучении процессов порождения и восприятия (понимания) речи, в нашем же случае британской, американской и немецкой политической речи.

Когнитивный подход проникает также и в *более статичные области изучения языковых единиц* — в анализ единиц в парадигматике. Например, в лексикологии описываются лексические прототипы, фразеологические концепты, элементы процедурной семантики вносятся в анализ фразеологических единиц. Лексические и фразеологические единицы рассматриваются на этнокультурном фоне, на основе анализа их семантики реконструируются фрагменты языковой картины мира, носителем которой является тот или иной народ, исследуется проявление национального менталитета и проводится его сопоставительный анализ.

На данном этапе развития когнитивной лингвистики, возможно предположить, только А. Е. Кибрик сформулировал в явном виде требования к когнитивному подходу в языкознании [Кибрик 1983; 1992]. Постулаты А. Е. Кибрика являются уникальными, но они суммируют представления о сущности когнитивно ориентированной лингвистики, относящиеся к началу 1980-х годов.

Помимо этого, наблюдаются отдельные направления когнитивной лингвистики, например:

- когнитивный подход к анализу дискурса, предложенный Т. А. ван Дейком [1989], который мы возьмем за основу в нашей работе при сопоставлении когнитивных аспектов британского, американского и немецкого политического дискурса;
- когнитивная теория метафоры в интерпретации Дж. Лакоффа [Lakoff 1987];
- когнитивно ориентированные исследования в области семантической типологии Л. Талми [Talmy 1983];
- когнитивная грамматика Р. Лангакера [Langacker 1987; 1991].

Когнитивная лингвистика, первоначально объединяемая лишь познавательными установками и исходной гипотезой об объяснительной силе обращения к мыслительным категориям, постепенно обрела свой предмет, свою внутреннюю структуру и свой категориальный аппарат. В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что внутри когнитивной лингвистики представлены следующие разделы, где *когнитивный подход* к языку находит широкое применение. Охарактеризуем кратко данные разделы:

1. *Исследование процессов производства и понимания естественного языка.*

Этот раздел исторически является наиболее ранним, а также во многом сформировавшимся благодаря участию специалистов по компьютерному моделированию понимания и порождения текстов. Наиболее значимых результатов в этой области достиг один из ведущих лингвистов когнитивного профиля У. Чейф, разработавший категории текущего сознания и активации, а также ряд производных от них понятий [Чейф 1982].

2. *Исследование принципов языковой категоризации.*

Исследованию вышеуказанных принципов уделил значительное внимание Дж. Лакофф [Лакофф, Джонсон 1987], который развил идеи Элеоноры Рош [Rosch 1975], показавшей неадекватность традиционных (восходящих еще к Аристотелю) представлений о категориях как множествах с четкими границами, которым некий объект может либо принадлежать, либо не принадлежать, причем все члены некоторой категории имеют одинаковый статус. Эксперименты показывают, что в действительности границы категорий размыты, а сами категории имеют внутреннюю структуру: некоторые их элементы представляют категорию лучше, чем другие, т. е. являются *прототипическими* ее членами. Например, прототипическая птица — это для англоязычной картины мира малиновка, а для русскоязычной — воробей, тогда как пингвин или страус находятся на периферии категории. Понятие *прототипа* имеет очень широкую применимость: оно использовалось для интерпретации соотношения фонемы и аллофона, для описания морфологи-

ческих и синтаксических процессов, опираясь на него, можно предложить интуитивно приемлемое разграничение понятия языка и диалекта и др. Внутри категории члены могут быть связаны различными отношениями, которые также были изучены. Более того, сами категории тоже неодинаковы: было показано, что среди них есть привилегированные, которым соответствуют так называемые *концепты базового уровня* категоризации. Названия, соответствующие этому уровню, охотнее используются, легче припоминаются, раньше усваиваются детьми, обычно лингвистически более простые, имеют большую культурную значимость и обладают еще рядом примечательных свойств: так, например, концепт *'собака'* по сравнению с вышележащим концептом *'животное'* и нижележащим концептом *'пудель'* [Rosch 1975].

3. *Исследование типов понятийных структур и их языковых соответствий.*

В данный раздел входят работы, которые начаты в рамках искусственного интеллекта (Р. Абельсоном, Р. Шенком, М. Минским — авторами таких популярных категорий, как «фрейм» и «сценарий»), однако впоследствии адаптированы для нужд лингвистического исследования Ч. Филлмором [1988]. В исследованиях подобного типа когнитивная лингвистика взаимодействует с социологией и культурологией.

4. *Исследование когнитивно-семантических суперкатегорий.*

Данное исследование связано, прежде всего, с Л. Талми, который предпринял попытку определить набор иерархически упорядоченных *образоформирующих систем* — категорий, посредством которых естественный язык осуществляет концептуальное структурирование представлений о действительности (это категории когнитивного состояния, конфигурационной структуры, динамики сил, распределения внимания и др., каждая из них имеет свою сложную структуру) [Талми 1999]. Сходный круг проблем несколько по-другому рассматривается в работах Дж. Лакоффа и Р. Лангакера [Lakoff 1982; Langacker 1987].

5. Исследование пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке.

Указанное исследование является той точкой, в которой пересекаются почти все основные программы когнитивной лингвистики. Дж. Лакоффом было разработано понятие *образной схемы* и рассмотрены некоторые важные типы схем (вместилище, часть/целое, путь, связь) и их языковые соответствия; среди образформирующих схем Л. Талми наиболее подробно разработана категория *конфигурационной структуры*, в рамках которой рассматриваются такие грамматически зафиксированные понятийные категории, как количество, разделенность, протяженность, ограниченность, членение пространства и др.; подробно рассматривается пространственное сознание в многочисленных публикациях Р. Джэкендоффа и Р. Лангакера [Jackendoff 1992; Langacker 1991].

Таким образом, когнитивный подход к языку позволяет в рамках когнитивной лингвистики, в зависимости от того или иного ее раздела, решать поставленные перед лингвистами проблемы.

В когнитивной лингвистике существует также ряд проблем, связанных с выявлением ее ключевых понятий и обнаружением взаимосвязи между ними. Для этого обратимся к следующему параграфу нашей работы.

1.3. Ключевые понятия когнитивной лингвистики

Говоря о проблемах в когнитивной лингвистике, следует подчеркнуть тот факт, что все чаще в ней выступает в качестве центральной темы круг вопросов, связанный с установлением зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке **«разум (сознание) — язык — репрезентация — концептуализация — категоризация — восприятие»** [Кравченко 2001: 4]. Зачастую данная взаимосвязь ведет к смыканию когнитивной лингвистики с когнитивной психологией, философией, эпистемологией и теорией сознания.

Поскольку понятия в данной когнитивной цепочке являются ключевыми для когнитивной теории языка, к тому же имеющими свою специфическую трактовку в когнитивной лингвистике, значительно отличающуюся от других наук, а также нам придется

соприкастаться с ними в исследовании, мы считаем необходимым в нижеследующих подпунктах заострить наше внимание на специфике данных понятий (*разум (сознание) — язык — репрезентация — концептуализация — категоризация — восприятие*).

1.3.1. Понятие «разум»

Цель данного подпункта — представить в общих чертах понятие *разум* в когнитивной лингвистике.

Когнитивная наука определяется, прежде всего, как *наука о человеческом разуме* [КСКТ 1997: 153].

Понятие «разум», несмотря на то что является одним из самых сложных понятий в науке, предстает как исходное и ключевое для всего когнитивного направления, включая когнитивную лингвистику. Кроме того, даже если когнитивную науку определяют как изучающую *когницию* (познание) или мышление или ментальные процессы и т. п., все эти понятия тоже содержат понятие разума [Fromkin 1991: 82] и требуют его объяснения как *исходного для всего когнитивного анализа*.

Кроме того, многие ученые указывают на то, что наука о разуме вырастает из попыток решения некоторых конкретных проблем современной науки в рамках *трех* ее более старых *дисциплин*, — *физики* с ее стремлением выяснить роль наблюдателя в проведении астрономических и аналогичных им экспериментальных исследований, *медицины* с ее направленностью на лечение безумия и изучение для этого физиологических основ мозга и его состояний в норме и, наконец, *философии*, давно ставившей своей целью установить источники знаний [Bever, Carroll, Miller 1984: 4].

Значительную трудность при определении разума составляет также его многочисленная синонимия: *рассудок, ум, интеллект, мозг, сознание, дух*. Нетрудно заметить, что данные слова достаточно разнообразны и не всегда легко сопоставимы с понятием разума.

Так, например, в Философском словаре под редакцией И. Т. Фролова понятия *разум* и *рассудок* трактуются одновременно следующим образом:

Разум и *рассудок* — понятия, выражающие две взаимно необходимые стороны развития научного познания, а также

нравственного и художественного мышления, две взаимно помогающие друг другу способности.

Рассудочная способность отличается тем, что в ее пределах понятия не находятся в процессе преобразования и сохраняют устойчивую форму; они выступают как готовые теоретические «мерила» для эмпирического материала, для конструирования результатов. Отсюда — отвлеченный характер рассудочных операций и результатов, дающий почву для культа абстракций и формализмов, для приписывания им самодовлеющей созидательной роли. Вооруженный одним лишь *рассудком*, человек и самую свою жизнь делает все более рассудочной — сферой утилитарной рациональности.

Разумная способность отличается, напротив, тем, что здесь понятия ввергаются в процесс преобразования. Цели и ценности берутся в их изменении, и теоретический процесс ориентирован на конкретный идеал, ведущий к развитию и самого субъекта знания, ценностей и т. п. Если научное исследование, основанное лишь на рассудочной способности, резко расходится с нравственностью и искусством, *разум* создает атмосферу их содружества [ФС² 1991: 382]

Проблема исследования разума и рассудка настолько сложна, что пронизывает всю европейскую историю философии. Многие философы и ученые по-своему подходили к данной проблеме [Аристотель 1976; Гегель 1974; Кант 1963; Кузанский 1979; Лейбниц 1982; Маркс, Энгельс 1996; Платон 1971; Спиноза 1957; Фихте 1993; Шеллинг 1966].

Когнитивная наука также сделала немало для объяснения и описания понятия «разум», сделала она немало и для того, чтобы внести в дефиницию разума еще больше сложностей.

Как подчеркивает Б. Экардт, в настоящий момент когнитивная наука вырабатывает нечто вроде единого подхода к исследованию разума и, хотя в ней предполагают не столько то, что *разум* или *сознание* — это некий механизм, перерабатывающий информацию, а то, что подобное предположение может пролить

² ФС — Философский словарь.

свет на работу мозга и его надо всячески проверить [Eckardt 1993: 4], поскольку многие исследования сосредоточиваются на сравнении мозга и компьютера.

В когнитивной науке признается, однако, тот факт, что главным ее отличительным признаком был *отход от бихевиоризма к ментализму*, который и потребовал обращения к ментальной деятельности человека и ко всем ментальным или когнитивным способностям, которые эту деятельность обеспечивают. Как писал Р. Джэкендофф, *разум* представляет объединение разных когнитивных способностей человека, связанных между собой системой коррелирующих эти способности правил, каждое из которых имеет дело с особыми ментальными репрезентациями [Jackendoff 1992: 366–367].

В целом феномен разума изучается в когнитивной науке в системе разных оппозиций: разума и созерцания, разума и сознания, души и тела, разума и мозга и т. п. Все они подчеркивают какой-либо важный аспект деятельности разума (ментальной деятельности) и (или) особые области существования и функционирования интеллекта, но единой теории разума все же до сих пор не создано.

Но мозг связан с сознанием, сознание человека — с эмоциями, желаниями и интенциями (об эксплицитной и имплицитной интенциях политического дискурса мы будем говорить особо в главе 2 настоящей монографии), а, следовательно, разум нельзя изучать, не обращаясь к этим феноменам человеческой психики. Соответственно, из вышесказанного вытекает необходимость рассмотрения понятия «сознание», к которому мы обратимся в следующем подпункте.

1.3.2. Понятие «сознание»

Целью данного подпункта являются рассмотрение понятия *сознание* и его общее представление в рамках когнитивной лингвистики.

Итак, остановимся на следующем, немаловажном и вытекающем из вышепредставленного подпункта, понятии «сознание».

Как отмечает А. Г. Спиркин, сознание является одной из форм проявления нашей души, при этом очень существенной формой, преисполненной глубокого содержания [Спиркин 2002: 350]. В повседневной жизни мы часто употребляем понятия «душа» и «сознание» как синонимы. Однако понятие «душа» выглядит намного шире понятия «сознание». К примеру, чувства — это состояние души. Их нельзя отождествлять с сознанием.

Какое же наиболее приемлемое определение возможно дать понятию «сознание»? Таковым нам представляется определение А. Г. Спиркина: *«сознание³ — это высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтроле поведения человека»* [Там же].

Не менее значимым предстает также понятие сознания, предлагаемое Кратким словарем когнитивных терминов: *«сознание (англ. consciousness; нем. Bewußtsein) — особое свойство такой высокоорганизованной материи, как мозг; отличительная характеристика человека как разумного существа, способного не только чувствовать и рассуждать, но и говорить об этих мыслях в ощущениях; способность переживать и осознавать окружающую действительность, воспринимать ее, останавливать внимание на определенных объектах внешнего или внутреннего мира, возможность контролировать поступление информации и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности, наконец, способность знать что-то»* [КСКТ 1997: 175].

Важно подчеркнуть, что в современной философской и когнитивной литературе понятия *сознания, разума, интеллекта и мышления* чаще всего употребляются недифференцированно, неразличение этих понятий и даже их прямое отождествление носят постоянный характер. Это также относится к переводам на русский язык терминов *mind* и *consciousness*. Данное неразличение имеет немало оснований, в первую очередь потому, что

³ Здесь и далее по тексту подчеркивание и курсив наши. — Д. Ш.

содержания всех указанных понятий частично пересекаются и налагаются друг на друга, а также жесткое их противопоставление отчасти невозможно.

И все же в определенном отношении и зачастую интуитивно указанные понятия различаются; так, скорее *сознание* представляет собой определенное *состояние* человека, скорее *сознание* включает представления о чувствах, эмоциях и ощущениях человека (хотя тоже, конечно, в репрезентированном их виде), скорее *сознание* развивается под влиянием мышления и, следовательно, следуя эволюции интеллекта [КСКТ 1997: 176].

Интересно в то же время отметить, что современных ученых характеризует разное отношение к самой проблеме сознания, ибо если одними исследователями утверждается невозможность решения этой проблемы как выходящей за пределы когнитивных способностей человека, то другими, напротив, она считается одной из наиболее существенных проблем не только в философии, но и для представителей самых разных конкретно-научных дисциплин — от нейрофизиологов до культурологов [Иванов 1994: 82; Horgan 1994: 94].

Хотя соотношение понятий *сознания*, *разума* и *мышления* в когнитивной науке понимается по-разному, сближение позиций можно отметить в том факте, что все три указанные феномена неизменно изучаются по их связям с *языком* и что в эволюции всех трех феноменов детерминирующим фактором считается возникновение и (или) развитие языка.

Поэтому выглядит вполне разумным и логичным в качестве следующего подпункта остановиться на рассмотрении понятия «язык».

1.3.3. Понятие «язык»

Цель данного подпункта — представление понятия *язык*, которое в когнитивной лингвистике является центральным и основополагающим.

Как отмечает А. Р. Лурия, одним из решающих факторов, который определяет переход от поведения животного к созна-

тельной деятельности человека, является *возникновение языка* [Лурия 1998: 22].

В процессе общественно разделяемого труда у людей и появилась необходимость тесного общения, обозначения той трудовой ситуации, в которой они участвуют, что и привело к возникновению языка. На первых порах этот язык был тесно связан с жестами, и нечленораздельный звук мог означать и «осторожнее», и «напрягись» и т. п. — значение этого звука зависело от практической ситуации, от действия, жеста и тона.

В результате рождение языка привело к тому, что постепенно возникла целая система кодов, которые обозначали предметы и действия; позже эта система кодов стала выделять признаки предметов и действий и их отношения и, наконец, образовались сложные синтаксические коды целых предложений, которые могли формулировать сложные формы высказывания [Там же: 23].

Поэтому вполне справедливо утверждение Г. Хармана, что «*язык* — главная тема в когнитивной науке. Частично это происходит потому, что язык *отражает* познание, выступая как основное средство выражения мысли, так что изучение языка — это косвенное изучение познания. Возможно также, что язык *воздействует* на познание, ибо влияет на то, какие есть у нее или у него понятия и какие мысли придут в голову ей или ему» [Harman 1988: 259].

Вместе с тем широко известно, что **язык** является основным объектом изучения языкознания. Под *языком* подразумевается, прежде всего, *естественный* человеческий язык, выступающий в оппозиции к искусственным языкам и языку животных. Возникновение и существование естественного языка неразрывно связано с возникновением и существованием человека (*homo sapiens*).

Термин «язык», как отмечает А. Е. Кибрик, имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных значения:

1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем;

2) конкретный язык, так называемый этнический, или «идиоэтнический», язык — некоторая реально существующая знаковая

система, используемая в некотором социуме в некоторое время и в некотором пространстве [Языкознание. БЭС⁴ 2000: 604].

Язык в первом значении — это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков.

Конкретные языки — это многочисленные реализации свойств языка вообще.

Существенно, что *язык*, обладая внутренней целостностью и единством, является *полифункциональной системой*. Среди его функций важнейшими можно считать те, которые связаны с основными операциями над информацией (знаниями человека о действительности) — *созданием, хранением и передачей информации*. Как подчеркивает А. Е. Кибрик, именно эти функции обуславливаются когнитивной деятельностью [Кибрик 1998: 158].

Поэтому, на наш взгляд, вполне разумно, что в когнитивной лингвистике главную роль играют три функции: *эпистемическая, познавательная* (или собственно *когнитивная*), а также *коммуникативная*.

Эпистемическая функция подразумевает, что язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. формой хранения знаний о действительности.

Познавательная (когнитивная) функция характеризует язык как средство получения нового знания о действительности.

Эпистемическая функция связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека).

Познавательная (когнитивная) функция связывает язык с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуются структура и динамика мысли), т. е. языковые единицы приспособлены как для *номинации* элементов действительности (и, далее, хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса.

⁴ БЭС — Большой энциклопедический словарь.

В то же время язык является основным средством человеческого общения (*коммуникативная функция*), средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату). Это свойство языка естественным образом согласовано с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения, так как общественная, в том числе трудовая, деятельность человека невозможна без обмена информацией.

Поэтому приходится согласиться с А. Е. Кибриком, что использование языка есть один из видов целенаправленной деятельности человека, пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т. е. *когнитивной способностью человека* [Кибрик 1998: 157].

Помимо этого, звуковая (акустическая) природа языка также накладывает значительные ограничения на общие свойства языка, в частности предопределяет наличие незнаковых единиц (фонем/звуков) и линейную организацию знаковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений).

Таким образом, *язык* вообще есть естественно (на определенной стадии развития человеческого общества) возникающая и закономерно развивающаяся *семиотическая (знаковая) система*, обладающая свойством социальной предназначенности, — это система, существующая, прежде всего, не для отдельного индивида, а для определенного социума. Кроме того, на эту знаковую систему наложены ограничения, связанные с ее функциями и используемым субстанциональным звуковым материалом [Языкознание. БЭС 2000: 604].

Первоначально общие принципы *семиотики* как «науки о знаках» были подмечены на основе наблюдений над естественным языком, одновременно и независимо, в работах Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра.

Чарльз Сандерс Пирс, как отмечает Р. О. Якобсон, проводит резкое различие между «*материальными качествами*», т. е. означающим любого знака, и его «*непосредственной интерпретацией*», т. е. означаемым [Якобсон 2001: 113].

Знаки (или, по терминологии Ч. С. Пирса, *representamina*) обнаруживают три основных вида знакообозначения, три различных *репрезентативных свойства*, которые основаны на различных взаимоотношениях между означающим и означаемым. Это различие позволяет Ч. С. Пирсу выделить *три основных типа знаков*:

1. Действие *иконического знака* основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например рисунка какого-то животного и самого животного; первое заменяет второе «просто потому, что оно на него похоже».

2. Действие *индекса* основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого; «с точки зрения психологии, действие индекса зависит от ассоциации по смежности», например дым есть индекс огня, и подтвержденное пословицей знание того, что «нет дыма без огня», позволяет человеку, интерпретирующему появление дыма, сделать заключение о наличии огня, безотносительно к тому, был или не был огонь зажжен намеренно, чтобы привлечь чье-то внимание; то, что обнаружил Робинзон Крузо, было индексом: его означающим был отпечаток ноги на песке, а установленным по нему означаемым — присутствие на этом острове человека. По Ч. С. Пирсу, индексом является ускорение пульса как возможный симптом жары, и в этих случаях его семиотика фактически сливается с исследованием симптомов болезней в медицине, которое называют семиотикой, семиологией, или симптоматологией.

3. Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи «состоит в том, что она является правилом» и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности. При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому и просто потому, что известно это правило. Первоначально слово *символ* употреблялось в сходном смысле также Ф. де Соссюром и его учениками, но позже он возражал против употребления этого термина, потому что в традиционном

понимании последнего предполагается некоторая естественная связь между означающим и означаемым (например, весы как символ правосудия), и в заметках Ф. де Соссюра было предложено для условных знаков, входящих в условную знаковую систему, название *сема*, в то время как Ч. С. Пирс использовал термин «сема» для особой, совершенно отличной цели. Достаточно сопоставить употребление Ч. С. Пирсом термина «символ» с различными значениями слова «символизм», чтобы осознать, что здесь имеется опасность досадных двусмысленностей; но за неимением лучшего мы вынуждены сохранить термин, введенный Ч. С. Пирсом [Якобсон 2001: 114].

Таким образом, исходя из вышесказанного, становится очевидной взаимосвязь семиотики с исследованием *репрезентаций*. Следующий подпункт нашей работы посвящен понятию «репрезентация».

1.3.4. Понятие «репрезентация»

Термин *репрезентация* представляет собой одно из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Целью данного подпункта является его детальное рассмотрение.

Понятие «репрезентация» относится как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах [КСКТ 1997: 157].

Очевидно, что приведенное определение указывает на знаковый или символический характер *репрезентации* и связывает исследование репрезентации с семиотикой [Jorna 1990: 17], т. е. заставляет предположить существенность для данной единицы не только ее содержания, но и способа ее представления в психике человека.

Первый период в истории когнитивной науки был особенно тесно связан с полемикой о том, в какой форме «существуют» репрезентации в *памяти* человека и о каких типах репрезентаций может идти речь при их описании. Прежде всего, многие

ученные начинают классифицировать репрезентации по способу их представления (*вербальному*, или *образному*).

При этом значительный промежуток времени описывалась деятельность с использованием ментальных структур в психологии как имеющая дело с отраженными языковыми (*вербальными*) структурами.

Признание *образных репрезентаций* было связано с именем А. Пейвио, в многочисленных работах которого выдвинута теория двойного кодирования мира. Согласно А. Пейвио, все репрезентации могут быть расклассифицированы на *картиноподобные* (когда для представления чего-то используются картинки, образы, рисунки, схемы и т. п. — например, репрезентации в голове знакомых нам лиц и предметов и даже целых сцен) и *языкоподобные* (это все репрезентации языковых единиц — слов, их частей, предложений, клишированных конструкций, но главное пропозиций) [Paivio 1971; 1986].

Наряду с классификацией репрезентаций по способу их представления (*вербальному*, или *образному*) вводится также представление о *модальных* и *амодальных* репрезентациях.

К *модальным* репрезентациям относятся все представления о наших ощущениях (зрительных, слуховых, тактильных и пр.), а к *амодальным* — все символические, вербальные репрезентации. По мнению Р. Джэкендоффа, все эти репрезентации могут быть выведены и выводятся на один уровень — уровень ментальных репрезентаций, уровень *концептуальной структуры*, где информация, полученная по разным каналам (сенсорная, моторная и т. п.), оказывается сопоставимой с информацией вербальной [Jackendoff 1984: 54; 1993: 17].

Кроме того, иногда также различают просто *аналоговые* репрезентации, в большей или меньшей степени редуцированные изображающие фрагменты мира, и *символические*, условные, поскольку считается, что репрезентации — это особые когнитивные модели объектов и событий, воспроизводящие лишь часть сведений о них, иногда сведенную до конвенционального минимума [Rickheit, Strohner 1993: 15–17].

Понятие *репрезентация* указывает на то, что существует нечто репрезентируемое и нечто репрезентированное. Согласно

такому взгляду, *язык* — это особая *репрезентационная система*, ибо он тоже кодирует в знаковой форме нечто, стоящее за его собственными пределами. Слова и прочие языковые единицы — языковые репрезентации, активизирующие те сущности, знаковыми заместителями которых они являются, и возбуждающие в памяти человека связанные с ними *концепты* [Anisfeld 1984: 7].

Таким образом, совокупность репрезентаций образует то, что называется *памятью*, а поэтому и в ней различают словесную и образную, или эпизодическую (событийную) память; совокупность вербальных репрезентаций называют *ментальным лексиконом*, и, наконец, совокупность всех концептуальных репрезентаций (т. е. смыслов аналоговых и символических репрезентаций) именуется *концептуальной системой*, или же концептуальной моделью (картиной) мира [КСКТ 1997: 158].

Итак, из вышеизложенного следует, что понятие «репрезентация» тесно взаимодействует с другим немаловажным понятием «концепт» или таким явлением, как «концептуализация». Поэтому рассмотрим значимость данных понятий для когнитивной лингвистики в следующем подпункте нашей работы.

1.3.5. Понятия «концепт» и «концептуализация»

Целью данного подпункта является представление понятий *концепт* и *концептуализация* в рамках когнитивной лингвистики.

С одной стороны, *концепт* — это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека.

С другой стороны, *концепт* — это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Там же: 90].

Понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые

отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» *знания*. Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта *информация* может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира [Павиленис 1983: 101–102].

Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом *категории* и классы. Два и более разных объектов получают возможность их рассмотрения как экземпляров и представителей одного класса/категории [Ellis, Hunt 1993: 204; Schwarz 1992: 94].

Рассматривая концепты, также приходится иметь дело с таким явлением, как *концептуализация*. Если бы было нужно назвать ключевое понятие когнитивной лингвистики, подчеркивают когнитологи, им было бы понятие концептуализации [Lakoff 1987: 303; Rudzka-Ostin 1988; 1993].

Под *концептуализацией* подразумевается понятийная классификация, один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему *информации* и приводящий к образованию *концептов*, концептуальных структур и всей *концептуальной системы* в мозгу (психике) человека [Кликс 1983: 97].

Нередко *концептуализация* рассматривается как некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц. Каждый отдельный акт концептуализации представляет собой пример решения проблемы и в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (*инференции*) и другие логические операции [Концептуализация и смысл 1990].

Таким образом, важно подчеркнуть, что процесс *концептуализации* тесно связан с другим немаловажным процессом *категоризации*: являя собой классификационную деятельность, они *различаются* вместе с тем по конечному результату и (или) цели деятельности.

Процесс концептуализации направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении.

Процесс категоризации направлен на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды [КСКТ 1997: 91].

Итак, остановимся на наиболее детальном рассмотрении понятия «категоризация» в следующем подпункте нашего исследования.

1.3.6. Понятие «категоризация»

Целью данного подпункта является представление понятия *категоризация* в когнитивной лингвистике.

В узком смысле понятие «категоризация» означает подведение явления, объекта, процесса под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категоризации, но в более широком смысле — процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченного представления разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также — результат классификационной (таксономической) деятельности [Там же: 42].

Категоризация является одним из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанным едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с отождествлением, установлением сходства и подобия и т. п. Хотя способность к категоризации, а, следовательно, способность классифицировать явления и распределять явления, воспринимаемые как идентичные

или в чем-либо сходные, в одни группировки, а также способность определять, относится ли вновь обнаруживаемая реалья к установленным прежде группировкам, проявляется у человека очень рано, несомненно, что с возрастом она изменяется и приобретает более совершенный характер с накоплением опыта, а, главное, с усвоением языка. В связи с этим иногда утверждают, что *явление категоризации — это лингвистическое явление*, поэтому о нем следует говорить как о *лингвистической категоризации* [Taylor 1989].

С развитием когнитивного подхода взгляды на сущность процесса категоризации были подвергнуты радикальному пересмотру. Хотя в их основе лежит новое понимание категории и, следовательно, оспариваются сложившиеся концепции, исходящие из трактовки категории в аристотелевском духе, для разного понимания самого категоризационного процесса важными оказываются нетождественные аспекты и способы его осуществления.

Так, Т. Гивон отмечает, например, что новая трактовка указанного процесса начинается работами Ч. С. Пирса, который, описывая одну категорию — знак, — считал тем не менее важным выделить внутри нее три разных типа знаков — иконические, индексальные и символические, как бы имплицитно этим, во-первых, что в составе одной и той же категории могут наблюдаться не вполне идентичные величины, а, во-вторых, что хотя принципы противопоставления и критерии различения знаков разного типа вполне ясны, жестких границ между этими типами не существует [Givon 1989: 21–22].

Р. Якобсон продемонстрировал, что отношения знака к объектам вне знака могут быть различными, а, следовательно, как указывает Ю. С. Степанов, знакам разного типа присущи «разные степени знаковости» [Степанов 1971: 82]. К тому же «каждый символический акт может содержать в себе комбинации всех трех типов отношений (иконические, произвольные и индексальные)» [Бейтс 1984: 79].

Таким образом, становится очевидным, что при таком подходе к категоризации подчеркивается известная условность

решений, принимаемая относительно членства в той или иной категории: нерядоположенность статуса этих единиц, но наличие критериальных свойств для отличия одного типа от другого не отрицается. Очевидно и то, что классическому определению категории это явно противоречит: входящие в одну категорию единицы не могут различаться своим статусом.

В следующем подпункте исследования рассмотрим ключевое понятие «восприятие».

1.3.7. Понятие «восприятие»

Другим не менее важным понятием в когнитивной лингвистике, взаимосвязанным с понятиями *концептуализация* и *категоризация*, является *восприятие*. *Цель* данного подпункта — рассмотрение и представление понятия «восприятие».

Понятие «восприятие» является, прежде всего, одним из фундаментальных понятий психологии вообще и когнитивной психологии и когнитивной науки (лингвистики) в частности. Вместе с тем оно рассматривается и в философии, и в физиологии, и в нейронауках и т. п., имеет длительные традиции своего исследования, но не имеет общепринятого толкования. Понятие «восприятие» охватывает широкий круг явлений и процессов, начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит (спонтанное восприятие), до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности и в образе мира и его отдельных фрагментов.

Вполне справедливо утверждение А. В. Кравченко, что в настоящее время предстоит переосмыслить многие теоретические положения традиционного языкознания, основываясь на новых данных когнитивной науки о характере механизмов взаимодействия человека с окружающим миром посредством языка. Важную роль при этом играет изучение того, как именно человек *воспринимает* и *концептуализирует* действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют определяющее значение в формировании картины мира

определенным этносом [Кравченко 1996: 16]. При этом одной из центральных проблем следует признать проблему зависимости строения и организации языка (как в его генезисе, так и в его реальном синхронном состоянии и функционировании) от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием [Кубрякова 1992: 31].

Физиология и психология *восприятия* имеют непосредственное отношение к тому, как в языке отражается то или иное видение мира [Кравченко 1996: 16].

С одной стороны, *восприятие*, членение и *концептуализация* мира отражаются в существовании универсальных понятийных *категорий*, свойственных разным языкам. Эти *категории* отражают то, *что мы видим*. Именно эта универсальность делает в конечном счете возможным овладение иностранными языками. Языки, которые мы способны выучить, не так уж сильно отличаются от языков, данных нам врожденно, и предложения, которые мы в состоянии понять, не так уж отличны от тех формул, которые их репрезентируют внутри нас [Fodor 1975: 156].

С другой стороны, в каждом отдельном языке имеется система специфических понятий, свойственных именно этому языку и несвойственных другим. В этих понятиях, как правило, отражается то, *как мы видим мир*.

В *первом случае* мы имеем дело с *восприятием* (в широком смысле, или, по Ж. Пиаже, перцептивной деятельностью) как психофизиологическим процессом объективного порядка [Пиаже 1994].

Во *втором случае* речь идет о субъективном процессе наложения концептуальных структур (своеобразной модельной рамки) на *воспринимаемые предметы* и отношения действительности.

Иначе говоря, имеется два уровня категоризации действительности: *конкретно-предметный* и *абстрактно-системный*. Первый уровень категоризации в общих чертах представлен в лексиконе естественного языка, второй — в его грамматическом строе.

Лексикон естественного языка можно рассматривать как более или менее объективированную таксономическую систему,

в основе которой, независимо от типа языка, лежит относительно последовательная классификация мира на предметно-бытийные сущности. Независимость *физиологии восприятия* от принадлежности человека к тому или иному этносу проявляется в том, что ядро лексикона в различных языках образуют слова, выражающие универсальные в своей общности понятия (вряд ли есть языки, в которых нет слов «человек», «животное», «земля», «вода», «огонь», «дождь» и т. п.). Словарный состав того или иного языка может быть беднее или богаче, отраженная в нем классификация предметов и явлений — проще или сложнее, но исходный принцип ее организации остается неизменным: это членение мира на предметные сущности (реальные или мнимые), *доступные восприятию*. Этим в конечном счете объясняется сама возможность составления двуязычных и многоязычных словарей, в которых отдельные универсальные понятия соотносятся с различными формами их выражения.

Написать же грамматический словарь чрезвычайно трудно, поскольку, будучи системой абстрактных отношений, *грамматический строй языка* отражает субъективированную картину мира, в которой *концептуализация* и *категоризация* межпредметных связей и отношений происходят в тесной зависимости от географических, исторических, социальных и т. п. условий бытия данного этноса. Помимо этого, субъективированный характер такой картины не означает полное отсутствие в ней определенного объективного начала, ибо в таком случае понимание и овладение грамматическим строем неродного языка были бы в принципе невозможными.

Исходя из вышесказанного, главным образом и во многом осознанно вырисовывается взаимосвязь понятий «концептуализация» и «категоризация» с понятием «восприятие».

Но если мы попытаемся обособленно рассмотреть понятие «восприятие» в когнитивной лингвистике, то наиболее очевидным станет его следующее описание.

Согласно определению Н. К. Рябцевой, *восприятие* включает в себя: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, которые являются не самостоятельными и не независимыми процедурами, вы-

полняемыми автономными «органами», просто «передающими сигналы в мозг», а гораздо больше. Это внешний выход мозга, его неотъемлемая часть, неотторжимая собственность, неотделимая принадлежность, источник «перцептивного знания и опыта» (причем независимо от того, осознаются они или нет), условие распознавания, осознания, понимания и интерпретации происходящих в мире событий. Иными словами, информация, которую мозг получает благодаря восприятию — материал для его работы, «сырье», исходный продукт, без которого ему не за чем и не с чем работать, без которых он не был бы мозгом [Рябцева 2000: 2].

При этом Н. К. Рябцева отмечает, что главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека, во всем, что он делает, играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать «ориентированными на наглядность» (*visually oriented*), «перцептивно мотивированными». Осознание этого факта позволяет более определенно интерпретировать многие явления в языке.

Итак, *зрение* — главный ориентир человека в мире, а зрительная информация — главная из всех ее видов, ср.: *Seeing is believing; Лучше один раз увидеть...* Зрительная информация обрабатывается мозгом быстро (точнее, моментально, «сразу»), в основном на подсознательном уровне (в норме не требует специальных умственных усилий и рефлексии, более того, происходит нередко даже как бы помимо или наперекор воле человека, ср.: *глаза бы мои не видели*), объемно, целостно и многоаспектно: человек воспринимает предъявляемый ему предмет одновременно во всех его внешних «измерениях», проявлениях и отношениях: *его форму, размеры, цвет, фактуру, вес, положение, расположение, строение, фон, сопряженные предметы и их взаимосвязь* [Там же]. Соответствия этому явлению находятся и в языке, в частности в принципах языковой мереологии (объясняющих, почему мы не говорим **высокая тарелка, *короткое озеро* и т. п.) [Рахилина 1999: 18].

Но «ситуация зрительного восприятия» не сводится только к понятиям «видеть» и его производным, она охватывает чрезвычай-

чайню большую сферу разнообразных физических явлений: свет, цвет, (о)краску, размеры, форму, количество, пространство, расстояние, перспективу, положение наблюдателя (ср.: до, после, перед, сзади, над, под), состояние среды, через которую воспринимается предмет (ср.: туман, облачность, пелена, завеса — ясный, четкий, яркий), наличие преград (загораживать, скрывать, прикрывать), силу и состояние зрительной способности (близорукий, дальнорезкий, бельмо на глазу, не видеть дальше своего носа), а также идентификацию, сравнение и различение самих физических предметов, действий и явлений [Рябцева 2000].

Однако необходимо подчеркнуть, что знания о мире, полученные *зрительным* (и вообще перцептивным) путем, принципиально отличаются от знаний, получаемых *дискурсивно*: в процессе коммуникации, прослушивания речей, обучения, чтения и пр. Поэтому в нашем случае, при исследовании политического дискурса следует особо заострить внимание именно на знаниях, получаемых дискурсивным путем, а именно на основе применения когнитивного анализа дискурса при исследовании британской, американской и немецкой публичной политической речи.

Руководствуясь вышесказанным, следующий параграф нашей работы целесообразно посвятить специфике когнитивного анализа дискурса.

1.4. Специфика когнитивного анализа дискурса и перспективы его применения в научных исследованиях

Из вышеизложенного следует, что помимо знаний, получаемых зрительным (перцептивным) путем, существуют отличные от них знания, получаемые дискурсивно, т. е. в процессе коммуникации.

В данном параграфе мы поставили перед собой цель — отразить специфику когнитивного анализа дискурса.

Для ее достижения нам необходимо решение следующих задач:

- установить взаимосвязь когнитивной лингвистики с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса;
- охарактеризовать в целом специфический характер когнитивного анализа дискурса и доказать перспективность его дальнейшего применения.

Из вышерассмотренного, а именно из понятия восприятия, становится очевидной взаимосвязь когнитивной лингвистики с *коммуникативной прагматикой* и *теориями дискурса*. Таким образом, в центре внимания когнитивной лингвистики оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство — *единство языка и человека*, действующего в реальном мире, мыслящего и познающего, обучающегося с себе подобными.

Согласно Концепции образовательной программы «Когнитивные исследования», языковая прагматика, опирающаяся на когнитивную лингвистику, исходит от *человека*, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель «второй» роли [КОПКИ⁵ 2003: 1–2].

И такие дисциплины, как анализ дискурса и развивающий-ся внутри него анализ разговора (т. е. спонтанной устной речи) ориентируются на установки *деятельностной* парадигмы. В данном случае язык предстает онтологически и эпистемически включенным в человеческую деятельность, являясь и одним из важнейших ее инструментов, и одним из ценнейших ее продуктов. Таким образом, коммуникативный подход к языку можно определить как подход *антропологический*, что показывает, в частности, анализ научной литературы по когнитивным исследованиям и их результатам, где, несмотря на разнородность точек зрения авторов, наблюдается нечто общее и объединяющее, причем в явном виде не всегда и не всеми авторами признаваемое, а именно *антропоцентричность* языка [Cienki 1995; Crane,

⁵ КОПКИ — Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования».

Richardson 1999; Kirkeby 1994; Ungerer, Schmid 1996; Кравченко 2001; Кубрякова 1999; Рахилина 1998; Рябцева 2000; Сергеев 1987; Ченки 1997 и др.].

Введение в лингвистику антропологического подхода к языку активизировало интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Стало ясно, что реализация и интерпретация определенных стратегий речевого общения не могут осуществляться без учета многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса. С позиций современных подходов, а именно согласно дефиниции дискурса, предложенной В. В. Петровым и Ю. Н. Карауловым, однако включающей воззрения на дискурс Т. А. ван Дейка [Dijk 1983; 1988; 2000; Дейк 1994], которому, в свою очередь, принадлежит весомый приоритет в описании дискурса: «...*дискурс* — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текстов, еще и *экстралингвистические* факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8].

Как же учитываются в коммуникативной прагматике *когнитивные процессы*? В естественном языковом общении — при огромном и бесконечном разнообразии определяющих его факторов — число возможных «ходов» просто не может быть просчитано. Сложнейшая задача их исчисления упрощается лишь за счет выявления некоторых повторяющихся, наиболее типичных структур, вызывающих определенные *когнитивные* реакции. В целом в когнитивном анализе дискурса прослеживаются два основных аспекта — *структуры представления знаний* и *способы его концептуальной организации*.

Вместе с тем исследователю коммуникации необходимо знать, что именно способствует правильному восприятию слушающим интенции говорящего, — а это во многом все то, что остается *за пределами вербального выражения* и тем не менее оказывается неотъемлемой частью высказывания. Это остающееся «за кадром» содержание относится и к индивидуальному опыту участвующих в коммуникации индивидов, и к тому «фону» знаний, который их объединяет или, наоборот, разъединяет.

Общепризнан также тот факт, что для различных типов языковых сообществ и социально-культурных слоев общества характерно своеобразие использования языка.

В процессе овладения контекстом произведения речи участника речевого события должны иметь общие *фоновые знания* как языкового, так и исторического, культурного, социально-го характера. И. В. Гюббенет определяет фоновые знания как *социально-культурный фон*, характеризующий воспринимаемую речь [Гюббенет 1981].

В настоящее время в исследовании дискурса выделяются шесть основных направлений: *теория речевых актов, интеракциональная социолингвистика, этнография коммуникации, прагматика, конверсационный анализ и вариационный анализ*. Источниками формирования моделей понимания и методов анализа дискурса в перечисленных подходах (при всем множестве различий между ними) стали достижения таких дисциплин, как лингвистика, антропология, социология, философия, теория коммуникации, социальная психология и искусственный интеллект [КОПКИ 2003].

Несмотря на различия в этих подходах, их объединяет *антропоцентричность* языка, которая присуща всем когнитивно ориентированным лингвистическим исследованиям.

Установив взаимосвязь когнитивной лингвистики с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса, сконцентрируем наше внимание на когнитивном анализе дискурса.

При рассмотрении специфики когнитивного анализа дискурса наиболее уместной и аргументированной, как нам представляется, является позиция Т. А. ван Дейка.

Т. А. ван Дейк в своей исследовательской работе “Cognitive Discourse Analysis” [2000] («Когнитивный анализ дискурса») отмечает наличие дискурсивного анализа и его многих отраслей (стилистический, риторический, нарративный или аргументационный анализ, как и синтаксический, семантический или прагматический анализ и, конечно же, конверсационный анализ), но «когнитивный анализ», по его мнению, является

малоизвестным, нестандартным путем рассмотрения текста или разговора [Dijk 2000: 1].

Итак, если мы говорим о когнитивном анализе, по Т. А. ван Дейку, то это — «нечто», что мы должны изобрести для себя самих. И мы должны показать, почему это «нечто» является уместным для нашего понимания дискурса.

Аргументом для такой попытки является то, что текст и разговор не существуют в изоляции. Наиболее очевидно, что дискурсивный анализ многие годы подчеркивает уместность изучения контекста для нашего понимания многих аспектов дискурса. Уместными в таких контекстах являются социальная область (например, образование, в нашем же случае это политика, поскольку мы занимаемся исследованием британского, американского и немецкого политического дискурса), глобальный акт, частично совершенный текстом или разговором (например, законодательство, обучение и т. д.), участники и их различные коммуникативные, социальные и профессиональные роли, отношения между участниками (такие как власть), установка (время, местоположение) и, возможно, некоторые другие социальные или взаимодействующие свойства коммуникативного события [Ibid].

Частью контекста, однако, являются также некоторые из «когнитивных» свойств участников, такие как: их цели, верования, знания и мнения.

Другими словами, не только из-за «ментальной» цели, чтобы понять процессы фактического понимания дискурса или производства, но также и для важных контекстных причин, изучение когнитивных аспектов коммуникации является высоко уместным.

В течение более чем двадцати пяти лет когнитивная психология была активно задействована в изучении процессов производства и понимания дискурса. Исходя из психолингвистического изучения обработки предложения в 1960-х и 1970-х годах, этот подход подчеркнул, что ментальные процессы понимания не должны быть ограничены изолированными предложениями. Люди производят и понимают емкие дискурсы, и даже обра-

ботка слов, выражений и предложений должна изучаться как объединенная часть процессов, вовлеченных в производство или понимание дискурса.

В целом *когнитивное изучение дискурса* довольно отличается от более формального, грамматического или (скажем) стилистического, нарративного или аргументационного анализа. Оно не имеет дело с абстрактными категориями и правилами, подразумевающими описание «структур» дискурса, но взаимодействует с фактическими ментальными репрезентациями (умственными представлениями) и процессами пользователей языка.

Таким образом, в когнитивном анализе интерпретация является ни статической, ни абстрактной процедурой, как в лингвистической семантике, а динамическим, продолжающимся процессом (сначала экспериментально) назначаемых значений и функций к единицам дискурса.

Когнитивный анализ дискурса, однако, — не одно и то же, что психологическое исследование обработки дискурса. Психология сосредоточивается на структурах и процессах ментальных репрезентаций и имеет дело, например, с экспериментами, или использованием других форм, свидетельствующими, что фактически происходит в мозге человека. Когнитивный же анализ не собирается измерять чтение или временную реакцию, или любой другой метод, который используют психологи, чтобы проверить их гипотезы.

Когнитивный анализ сосредоточивается на дискурсе и его структурах, но получает свои понятия из теории обработки дискурса. Например, чтобы определить условия когеренции дискурса — т. е. существенно необходимую собственность (семантической) структуры дискурса — мы нуждаемся в когнитивных понятиях, таких как ментальные модели и знание. В этом случае мы не можем определить, насколько меньше или больше такой анализ является лингвистическим или психологическим, потому что значение и его свойства просто являются объектом обоих, и мы, таким образом, работаем в пограничной области, где лингвистика и психология частично совпадают.

Следовательно, когнитивный анализ, по Т. А. ван Дейку, является анализом тех свойств дискурса, которые объясняются в терминах когнитивных понятий, таких как различные типы ментальной репрезентации. Помимо этого, все значения дискурса и обработка дискурса основаны на знании, но знание является не лингвистической, а когнитивной категорией. Другими словами, многие из интересных свойств дискурса требуют когнитивного анализа.

Таким образом, в центре внимания когнитивного анализа в лингвистике предстает понятие «дискурс». Поэтому мы считаем вполне уместным и во многом перспективным применение когнитивного анализа относительно исследования политического дискурса.

Выводы по главе 1

Представленный в данной главе теоретический материал, посвященный историографическим аспектам когнитивной лингвистики и ее ключевым понятиям, позволяет сделать следующие выводы:

Появление когнитивной науки и распространение когнитивного направления в конце XX века явилось знаменательным событием в становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины. Когнитивная лингвистика — направление, в центре внимания и исследования которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации.

С последовательным развитием когнитивной лингвистики становится закономерным использование когнитивного подхода к языку, о чем свидетельствуют отдельные исследовательские направления когнитивной лингвистики:

1) когнитивный подход к анализу дискурса, предложенный Т. А. ван Дейком, который мы берем за основу в нашей работе

при сопоставлении британского, американского и немецкого публичного политического дискурса;

2) когнитивная теория метафоры в интерпретации Дж. Лакоффа;

3) когнитивно ориентированные исследования в области семантической типологии Л. Талми;

4) когнитивная грамматика Р. Лангакера.

Кроме этого, внутри когнитивной лингвистики существуют разделы, где когнитивный подход также находит свое широкое применение, а именно:

- при исследовании процессов производства и понимания естественного языка;
- исследовании принципов языковой категоризации;
- исследовании типов понятийных структур и их языковых соответствий;
- исследовании когнитивно-семантических суперкатегорий;
- исследовании пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке.

В качестве ключевых понятий когнитивной лингвистики выделяют те понятия, которые обнаруживают между собой взаимосвязь в когнитивной цепочке: *«разум (сознание) — язык — репрезентация — концепт и концептуализация — категоризация — восприятие»*. Зачастую данная взаимосвязь ведет к смыканию когнитивной лингвистики с когнитивной психологией, философией, эпистемологией и теорией сознания.

Когнитивная лингвистика, исходя из теории восприятия, является также взаимосвязанной с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса. Таким образом, в центре внимания когнитивной лингвистики оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство — *единство языка и человека*, действующего в реальном мире, мыслящего и познающего, обучающегося с себе подобными. В данном случае язык предстает онтологически и эпистемически включенным в человеческую

деятельность, являясь и одним из важнейших ее инструментов, и одним из ценнейших ее продуктов. Таким образом, коммуникативный подход к языку можно определить как подход *антропологический*. Введение в лингвистику антропологического подхода к языку, в свою очередь, активизировало интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего, которые наиболее ярко проявляются в процессе коммуникации в дискурсе.

При рассмотрении дискурса целесообразно применение когнитивного анализа. Когнитивный анализ, по мнению ведущего зарубежного лингвиста, исследователя дискурса Т. А. ван Дейка, является малоизвестным, нестандартным путем рассмотрения текста и разговора.

Другими словами, не только из-за «ментальной» цели, чтобы понять процессы фактического понимания дискурса или производства, но также и для важных контекстных причин *изучение когнитивных аспектов коммуникации является высоко уместным.*

2. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1. Понятие «дискурс»

Тема нашего исследования предполагает рассмотрение такого базисного понятия, как «*дискурс*». Термин *дискурс* в последнее время стал широкоупотребительным, встречающимся во многих областях знаний (лингвистика, политология, философия, психология, педагогика, журналистика, культурология, искусствоведение, математика). Неудивительно, что, имея такую широкую сферу применения, «дискурс», соответственно, может быть интерпретирован учеными совершенно по-разному, в зависимости от той или иной научной концепции.

Неоднократная эксплуатация понятия «*дискурс*» современной лингвистикой, как отмечает Г. Г. Слышкин, привела к тому, что данный термин приобрел статус модного, что, в свою очередь, вызвало некоторую расплывчатость его понимания и беспорядочность употребления, поскольку модный термин часто выполняет в научной работе не столько информативную, сколько парольную функцию [Слышкин 2000: 38].

Целью данного параграфа являются рассмотрение многозначности понятия «*дискурс*» и выявление наиболее приемлемого для нашего исследования его определения.

А. П. Булатова отмечает *две главные особенности дискурса*:

- *Дискурс*, в отличие от текста или речи, включает понятие сознания независимо от того, как его определяют пользователи.
- *Дискурс* не является линейной и завершенной последовательностью, *дискурс* — это все то, что высказано [Булатова 1999: 34].

Истоки теории дискурса, с точки зрения Т. А. ван Дейка, восходят к античным трактатам по риторике и поэтике более чем двухтысячелетней давности [Дейк 1989: 113]. Однако, что касается современного развития направления, то его принято датировать серединой 60-х годов XX века.

Трактовки понятия *дискурс* в значительной степени менялись на протяжении последних лет. Следует отметить, что в русский язык слово *дискурс* вошло как термин через работы лингвистов и философов — структуралистов и постструктуралистов (Э. Бенвениста, Дж. Серля, Т. А. ван Дейка, М. Халлидея, М. Фуко и др.).

Говоря о многозначности понятия *дискурс*, следует отметить работу Н. Н. Белозеровой «Парадоксы дискурса», в которой анализируются этимология и трансформация значения слова *дискурс* начиная со средних веков и до наших дней [Белозерова 2002]. В латинском языке это слово обозначало «уклонение от курса», «убегание прочь» и т. п. Но постепенно номинация физического действия преобразовалась в номинацию *речевого действия*. И уже французское слово “discours” получило первоначальное значение «диалогическая речь» [Миронова 1997а: 52]. Но немного позднее, уже в XIX веке это слово стало полисемичным и обозначало в Словаре немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма (“Deutsches Wörterbuch”, 1860): 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция. Именно в значении «речь» слово *дискурс* часто фигурирует в современных западных лингвистических трудах (oral discourse, free indirect discourse).

Вместе с тем при ознакомлении со статьей «Дискурс», опубликованной Н. Д. Арутюновой в Большом энциклопедическом словаре по языкознанию, можно сделать следующий вывод, что термину *дискурс* предписывается, прежде всего, сема говорения, поскольку указывается его происхождение от французского *discours* — «речь» [Языкознание. БЭС 1998: 136]. В целом термин *дискурс* в вышеуказанном словаре Н. Д. Арутюнова рассматривает с трех позиций:

- *Дискурс* — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами.

- *Дискурс* — это текст, взятый в событийном аспекте.
- *Дискурс* — это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Помимо этого, Н. Д. Арутюнова рассматривает *дискурс* как «речь, “погруженную в жизнь”» [Языкознание. БЭС 1998].

В целом в трактовке Н. Д. Арутюновой термина *дискурс* прослеживается взаимосвязь таких понятий, как *дискурс* — *речь* — *текст*. В этом отношении, на наш взгляд, прав В. В. Богданов: *речь* и *текст* — это две неравнозначные стороны дискурса. *Дискурс* понимается как все, что нами говорится и пишется, иначе говоря, как языковой материал, по Л. В. Щербе, в любой его репрезентации — звуковой, графической или закрепляющей языковую информацию другим физическим способом. *Текст* узко понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе ... с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [Богданов 1993: 5]. Тем самым подчеркивается обобщающий характер понятия *дискурс*, снимая всякую ограниченность бинарными признаками *устный/письменный; монологический/диалогический*.

Следовательно, термин *дискурс* удобен как родовой, объединяющий все виды использования языка. При этом ядерным элементом дискурса является *текст*, и изучение дискурса в любом случае предполагает изучение текста (статика). В то же время *дискурс* определяется через понятие *речь*, что указывает на его динамический характер.

Так или иначе, исследователям понятия «дискурс» приходится в большинстве случаев вносить ряд комментариев относительно соотношения понятий *дискурс* и *текст*. Как подчеркивает Е. С. Кубрякова, с позиции когнитивной лингвистики разграничение текста и дискурса «представляется вполне естественным, поскольку соответствует противопоставлению

когнитивной деятельности и ее результата» [Кубрякова 1997: 191]. То есть, согласно данному высказыванию, под «*дискурсом*» подразумевается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под «*текстом*» — конечный результат процесса речевой деятельности.

Так, например, многие исследования строятся на противопоставлении *дискурса* и *текста* по ряду оппозиционных критериев [Макаров 1995: 4]:

- Функциональность — Структурность
- Динамичность — Статичность
- Процесс — Продукт
- Актуальность — Виртуальность

Дискурс — понятие не только более широкое, но и качественно отличное от текста. Закономерно, что отечественная теория дискурса опирается, прежде всего, на идеи М. М. Бахтина о внутренней диалогичности слова и о произведении как единстве текста и контекста [Бахтин 1986]. Соответственно, *дискурс* — это наиболее полное аналитическое видение текста, единство когнитивных и языковых структур.

Одним из наиболее полных и развернутых предстает понятие «дискурс» у В. З. Демьянкова, который основывается на новых работах по языкознанию: «Discours — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса, — это точка зрения “этнографии речи”... Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т. е.

- а) обстоятельства, сопровождающие события;
- б) фон, поясняющий события;
- в) оценка участников события;
- г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьян-ков 1982: 7].

Не вызывает сомнения, что исходной точкой в понимании термина *дискурс* является его *лингвистический смысл* [Дворцова 2000: 5].

Эмиль Бенвенист в своем труде «Общая лингвистика» на смену соссоровской диаде *язык–речь* утверждает триаду *язык–дискурс–речь*. По его мнению, *дискурс* — это процесс обращения языка в речь «*присвоения языка говорящим*» [Бенвенист 1974: 298–299]. Э. Бенвенист особо отмечает, что *пространство дискурса* — это пространство дискретных и всякий раз неповторимых актов, «*посредством которых говорящий актуализирует язык в речь*» [Там же: 295].

Т. А. ван Дейк, являясь ведущим исследователем в описании дискурса [Dijk 1983; 1988; Дейк 1994], принял во внимание понимание дискурса Э. Бенвенистом и положил его в основу *дискурсивного анализа* как междисциплинарного направления. В понимании Т. А. ван Дейка, *дискурс* — это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В *дискурсе* отражаются менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная [Dijk 1988]. Вполне закономерно, что данная трактовка дискурса Т. А. ван Дейком в значительной степени расширила семантический объем термина. Соответственно, термин *дискурс* стал часто применяться в социологии, политологии, социальной семиотике, где употреблялся для обозначения *дискурсивной практики* (данное понимание принадлежит М. Фуко) [Фуко 1996: 35].

М. Фуко отмечал также, что *дискурс* следует рассматривать не как некое тематическое единство, а как «*игру правил*», «*как способ манипулирования концептами*» [Там же: 35; 71].

Вместе с тем термин «дискурс» широко использовал в своих трудах известный немецкий философ Юрген Хабермас. Он представляет дискурс как вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни. Одна из его известных работ называется «Комментарии к этике дискурса» (“Erläuterungen zur Diskursethik”, 1992).

Поэтому в условиях современности приходится учитывать многозначность термина *дискурс* в аспекте его семантического варьирования. Понимание термина, как объективно подчеркивает Н. Н. Белозерова, в значительной мере обуславливается областью исследования [Белозерова 2002: 4]. Весьма интересна и объемна классификация Стефа Слемброука, в которой перечислены различные дисциплины, использующие слово *дискурс* в качестве *лингвистического термина*. Приведем его классификацию в переводе Н. Н. Белозеровой [Slembroke 2001; Белозерова 2002]:

1. Аналитическая философия:

- Теория речевых актов.
- Принципы обмена информацией.

2. Лингвистика:

- Структурная лингвистика.
- Общая стилистика и функциональная стилистика, теория стилистических вариаций.
- Лингвистика текста.
- Прагматика.
- Пресуппозиции.
- Политкорректность.
- Теория референций.

3. Лингвистическая антропология:

- Этнография говорения.
- Этнопоэтика.
- Индексализация.
- Интеракциональная социолингвистика.
- Естественная история дискурса.

4. Теория постструктурализма:

- Учение М. М. Бахтина.

5. Семиотика и культурология:

- Семиотика и теория коммуникаций.
- Культурология.

6. Социальная теория:

- П. Бордо.
- М. Фуко.
- Ю. Хабермас.

7. Социология порядка при взаимодействии:

- Эрвин Гоффман.
- Порядок взаимодействия.
- Анализ фреймов.
- Анализ высказываний.
- Этнометодология.

Вышеприведенная классификация Стефа Слемброука не является абсолютно корректной, поскольку, как утверждает Н. Н. Белозерова, «она не исчерпывает числа дисциплин, использующих слово *дискурс* в качестве лингвистического термина. Она не включает теорию психоанализа, с которой собственно и началось расширенное употребление термина, теории перевода, дидактических дисциплин и компьютерной лингвистики, где этот термин приобретает особое содержание» [Белозерова 2002: 6]. Помимо этого, анализируя содержание термина *дискурс*, «следует учитывать, что границы между дисциплинами достаточно зыбкие, генезис этих дисциплин неоднороден и каждая дисциплина может порождать другие, выходящие за узко специальные рамки» [Там же].

Однако единственное, что навряд ли может оспариваться учеными, — это то, что «*при всем различии содержания и структуры термина дискурс, разработанных в рамках и при пересечении дисциплин, их объединяет сема говорения, высказывания*» [Там же].

Подводя итог, становится очевидным, что термин «дискурс» многозначен, совершенно по-разному он определяется ведущими исследователями теории дискурса.

Понятие «дискурс» является базовым и основополагающим в данной исследовательской работе, поэтому считаем необходимым сформулировать свое собственное определение: *дискурс* —

это широкое обобщающее понятие, включающее в себя такие неравнозначные компоненты, как текст и речь. При этом под «дискурсом» понимается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под «текстом» — конечный результат процесса речевой деятельности. В целом дискурс — это единство когнитивных и языковых структур, он подразумевает когнитивное осмысление и непосредственно анализ. Соответственно, текст тогда становится дискурсом, когда при его рассмотрении стараются охватить не только лингвистико-семантические структуры, но и скрытые ассоциативные связи, установить корреляцию между употреблением слов и определенным социальным контекстом. Таким образом, в нашей работе мы будем представлять дискурс как сложное коммуникативное явление в контексте экстралингвистических факторов, не тождественное тексту, а скорее являющееся наиболее полным аналитическим видением текста, единством когнитивных и языковых структур.

Итак, как мы уже отмечали, одной из основных особенностей дискурса является наличие в нем семы говорения, или высказывания. Данная сема, на наш взгляд, может выступать в качестве одного из критериев интеграции различных видов дискурса, предложенных учеными, представляющими всевозможные области знания и их направления, поскольку они являются весьма неоднородными. Существующим видам дискурса следует посвятить следующий подпункт нашего исследования.

2.1.1. Виды дискурса

Учитывая многообразие и неоднородность видов дискурса, возникает потребность уделить им внимание в данной исследовательской работе. Целью данного подпункта являются рассмотрение и краткое описание существующих видов дискурса в специальной литературе.

Так, например, Н. Н. Миронова приводит следующие наиболее встречаемые виды дискурса [Миронова 1997а: 14–15; 1997б]:

- «педагогический дискурс», где определяются общественные нормы поведения детей и юношества;

- «политический дискурс», где актуализируется общественное сознание;
- «научный дискурс», в котором происходит самоустранение ученого как адресанта ради объективности изложения;
- «критический дискурс», где излагается чаще всего субъективная критика деятельности человека и интеллектуальных (духовных) продуктов этой деятельности в разных сферах: науке, политике, искусстве;
- «этический дискурс», в котором освещаются вопросы «добра» и «зла», «хорошего» и «плохого»;
- «юридический дискурс», в котором аргументируются положения о правовых нормах человека в обществе;
- «военный дискурс», где излагаются толкования конфликтов и войн.

Особо следует отметить «прагматические дискурсы», к которым принадлежат все названные выше дискурсы на том основании, что в каждом из них актуализируются определенные коммуникативные стратегии, или, как их называет Т. А. ван Дейк, «контекстуальные макростратегии» [Дейк 1989: 57–58].

Кроме того, выделяются также «интердискурсы» и «специальные дискурсы» (В. Либерт), их можно обозначить как «общий дискурс» и «частные дискурсы».

Значимой вместе с тем выглядит и классификация видов дискурса, предлагаемая В. И. Карасиком. Он выделяет два основных типа дискурса:

1) персональный (лично ориентированный) (говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира);

2) институциональный (говорящий выражен как представитель определенного социального статуса) [Карасик 2000].

1. Персональный дискурс, по мнению ученого, существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение.

Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это обращение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга, поэтому общаются на сокращенной

дистанции, не проигрывая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом. То есть *бытовой дискурс* отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет отправителю речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т. д.).

В *бытийном же дискурсе*, в отличие от бытового, предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами.

В целом *бытийный дискурс* во многих отношениях диаметрально противоположен *бытовому*, но сходен с ним в одном очень важном качестве: это опора на активное осмысление содержания речи со стороны адресата. Личностно ориентированное общение строится на широком смысловом поле в сознании адресата, хотя природа расширения смыслов в *бытовом* и *бытийном* общении различна. В *первом случае* осознание смысла зависит от конкретной ситуации общения, во *втором* — от формы знака и личностной концептосферы адресата.

2. Что касается *институционального дискурса*, то, по мнению В. И. Карасика, он представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу им выделяются следующие виды институционального дискурса:

- политический;
- дипломатический;
- административный;
- юридический;
- военный;
- педагогический;
- религиозный;
- мистический;

- медицинский;
- деловой;
- рекламный;
- спортивный;
- научный;
- сценический;
- массово-информационный [Карасик 2000].

При этом В. И. Карасик подчеркивает, что этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа.

Таким образом, из всего вышесказанного вытекает, что перечисленные виды дискурса носят неоднородный характер и являются всего лишь малой составной частью от имеющегося в наличии весомого количества научных дисциплин или общественных институтов. Безусловно, почти в каждой области исследования могут встретиться дискурсивные практики, которые имеют свою специфику. Учитывая специфику той или иной области знаний, дискурс также принимает свои собственные характерные черты.

Поэтому следующий подпункт данной работы мы посвятим объекту нашего исследования — характеристике политического дискурса.

2.1.2. Характеристика политического дискурса

Как отмечает Е. С. Кубрякова, в настоящее время понятие дискурса входит в новую, формирующуюся у нас на глазах парадигму лингвистического знания: *когнитивно-дискурсивную* [Кубрякова 2000: 7–25]. Поэтому вопросы анализа различных видов дискурса, в нашем случае *политического*, как наиболее влиятельного на общественное сознание и широко распространенного в средствах массовой коммуникации, определение лингвистических и экстралингвистических особенностей его порождения выдвигаются на первый план.

Цель данного подпункта — охарактеризовать политический дискурс и установить его специфичность.

Специфика современного политического языка в последние годы активно обсуждается различными исследователями [Базылев 1999; Баранов, Добровольский 1997; Баранов, Казакевич 1991; Безменова 1989; Воробьева 1999; Демьянков 2002; Ермакова 2000; Земская 1997; Карасик 2000; Караулов 1987; Костома-ров 1999; Крысин 2000; Купина 2000; Паршин 1999; Почепцов 2000; Серио 1999; Сорокин 1999; Феденева 1997; Чудинов 2001; Шапошников 1998; Шаховский 1998; Шейгал 2000 и др.].

Как справедливо подчеркивает А. Н. Баранов, суть развитой системы политической коммуникации выражается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается не просто в том, чтобы скрывать свои мысли, а в том, чтобы, скрывая одни мысли и не скрывая других, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Только это может обеспечить нормальное функционирование законодательной и исполнительной власти. Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует *политический дискурс* [Баранов, Добровольский 1997].

В целом под *политическим языком* мы понимаем особую знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [ср.: Баранов, Казакевич 1991; Паршин 1999, Серио 1999; Чудинов 2001; Шейгал 2000].

Говоря, непосредственно, о политическом дискурсе, Е. И. Шейгал отмечает, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий [Шейгал 1998: 22–28]. Как и всякий другой

дискурс, *политический дискурс* имеет полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации — *борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование.* В периферийных жанрах функция борьбы за власть переплетается, как показывает автор, с функциями других видов дискурса, при этом происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте. Например, следующим образом:

- *Политический дискурс* пересекается с *педагогическим* как политическая социализация личности, специфика этого пограничного образования состоит в его двумерном модусе — формальном и неформальном политическом воспитании, осуществляемом через государственные учебные учреждения и в быту (в разговорах с родителями, сверстниками, соседями).
- *Юридический дискурс* пересекается с *политическим* в сфере государственного законодательства.
- *Политическая реклама* — гибридный жанр *политического и рекламного дискурса* — направлена на регуляцию ценностных отношений в обществе, для политической рекламы (как и рекламы вообще) характерны резкое сужение тематики, упрощенность в подаче проблемы, употребление ключевых слов, простых, но выразительных образов, повторение лозунгов, тавтологичность.
- Пересечение *политического и религиозного дискурсов*, как пишет Е. И. Шейгал, возникает в сфере мифологизации сознания, веры в магию слов, признании божественной роли лидера, использовании приемов манипулятивного воздействия и ритуализации общения.
- *Политический дискурс* граничит и со *спортивно-игровым*. Ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д. [Шейгал 1998].

Важной особенностью политического дискурса является и то, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов [Попова 1994: 149].

В целом общественное предназначение *политического дискурса* состоит в том, чтобы внушать адресатам — гражданам общества — необходимость «политически правильных» действий и (или) оценок. Иначе говоря, *цель политического дискурса* — не описать (т. е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Bauley 1984: 104]. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

Речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (т. е. во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса [Rathmayr 1995: 211].

Поэтому, интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху.

Таким образом, в нашем исследовании мы сосредоточиваемся на когнитивном анализе политического дискурса, мотивируясь, прежде всего, тем, что в нем наиболее наглядно актуализируется и отражается общественное сознание. То есть политический дискурс является непосредственно связанным с ценностными ориентациями в обществе. А ценностные категории часто рассматриваются как семантические и когнитивные конструкты. Кроме того, в политический дискурс входят публичные выступления,

посвященные политике; газетно-публицистические тексты, официальные тексты на политическую тему (постановления, указы), политологические статьи. Но в нашем случае мы ограничиваемся отдельно взятыми британскими, американскими и немецкими публичными политическими выступлениями, которые позволяют нам наиболее наглядно и доступно провести когнитивно-дискурсивный анализ и сделать соответствующие выводы.

2.1.3. Политкорректность в политическом дискурсе

За последние десятилетия достаточно широкое распространение по всему миру получил такой культурный и языковой феномен, как «политическая корректность».

Сам термин «политическая корректность», «политкорректность» (от англ. political correctness, сокр. PC), стал использоваться в конце XX века сначала в США, а затем уже и в других странах мира. До сих пор остается неясным точное время появления выражения «политическая корректность». Но тем не менее влияние этого термина на общественное сознание по всему миру очень даже велико.

Особенно отчетливо влияние политической корректности проявляется в сфере образования. Из-за многообразного этнического состава учащихся в учебных заведениях США вводятся новые стандарты образования, которые основаны на принципах «культурного многообразия» (cultural diversity) или «многокультурности», «мультикультурализма» (multiculturalism). Сторонники мультикультурализма призывают учитывать при обучении такие факторы, как расовая и этническая принадлежность, пол, общественное положение, язык, религия, возраст и др. Теория «многокультурности», как полагают сторонники политической корректности, должна вытеснить «этноцентризм», который представляет собой «свойство индивидуального или массового сознания, которое определяет оценку жизненных явлений сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы» [Асмолов, Солдатова, Шайгерова 2001: 11].

На основе культурного многообразия предпринимаются попытки создать некий инклюзивный учебный план, охватывающий и учитывающий интересы всех групп населения, в том числе меньшинств, а также включающий достижения разных культур, и одновременно призывающий отказаться от признания канонов западноевропейской культуры в качестве образцов для подражания. Выдвигаются, в частности, предложения о необходимости изучения студентами в первую очередь достижений культуры той нации или расы, к которой они относятся [Панин 2009: 10].

С другой стороны, «инклюзивный» учебный план и отказ от выработанных в течение столетий принципов обучения приводят к падению качества знаний. «Увеличение количества специальных курсов и специализированных факультетов сделало возможным для студентов из меньшинств не только узнать больше о своей национальной культуре, но и окончить университет, не усвоив чего-либо другого», — пишет Р. Брустайн в статье под ироническим заголовком «Глупократия в Америке» (“Dumbocracy in America”). В школах некоторых штатов, особенно Нью-Йорка, основные предметы были заменены учебным планом «Радуга» (“Rainbow curriculum”), направленным больше на внушение детям чувства собственного достоинства, чем на обучение чтению и письму [Brustein 1994: 28].

Оценка роли и степени влияния политической корректности на общественные и языковые процессы дается также в научных работах российских исследователей.

С. Г. Тер-Минасова указывает на опасность допущения того, чтобы политическая корректность «дискредитировала себя крайностями и выродилась в свою противоположность» [Тер-Минасова 2000: 223].

Ю. Л. Гуманова видит в политической корректности угрозу «лингвистического геноцида», проявляющегося в устранении из языка признаков существования целых народностей, категорий, понятий [Гуманова 2000: 200].

Достаточно интересным, на наш взгляд, выглядит утверждение Л. А. Городецкой, которая полагает, что главной при-

чиной появления и развития политкорректности является нежелание политиков, общественных деятелей и коммерческих организаций лишиться части своего электората или клиентуры вследствие употребления некорректных выражений [Городецкая 2001: 16].

Действительно, как нам представляется, разумно утверждать, что политкорректность — это, скорее, явление сугубо политическое. Феномен политкорректности выходит далеко за рамки стандартного описания языков, поэтому является темой скорее политических, чем лингвистических дискуссий. Так, например, партия зеленых в Бундестаге в рамках политкорректности решила отказаться от выражений *türken* (подделывать, фальсифицировать), *getürkt* и *einen Türken bauen* (выдавать ложь за истину)⁶, поскольку они дискредитируют турецкую нацию.

Но тут нам следует особо подчеркнуть, что любое «политическое исправление» языка имеет своей целью ненанесение оскорбления или обиды словом и подразумевает в первую очередь табуизацию определенных слов и выражений и замену их иными, политически корректными, вновь создаваемыми как первичные или вторичные наименования. Это означает, что политическая корректность является не просто реакцией на конфликты культурного характера в обществе, но и представляет собой попытку разрешения таких конфликтов с помощью языка.

Грамотное владение языком, а именно умение подбирать во время речи эвфемизмы свидетельствует об уверенной в себе политкорректной языковой личности.

Политический деятель, являясь общественным лицом, всегда обязан быть политкорректным, избирательным в подборе лексических единиц во время произнесения своих речей на публике.

⁶ Политкорректность в немецком языке. URL: http://www.primavista.ru/rus/articles/politkorrektnost_v_nemetskom

2.2. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе: подходы к выявлению и описанию

Решение проблемы политической коммуникации осуществляется на основе анализа дискурса и таким образом позволяет исследователю приоткрыть завесу над ее когнитивными аспектами, содержащимися в самом дискурсе говорящего, чего мы постараемся достичь в нашей работе при сопоставлении британского, американского и немецкого политического дискурса.

Цель данного параграфа — представить подходы к выявлению и описанию исследуемых нами когнитивных аспектов, свойственных политическому дискурсу.

Исследование и описание политического дискурса в современной научной литературе носит по большому счету произвольно-индивидуальный и условный характер. Многое зависит от того, как к его рассмотрению подходит тот или иной специалист. Но в любом случае, на наш взгляд, следует обсудить, какие методы исследования стоит применять для того, чтобы репрезентировать содержание политического дискурса и выявить основные когнитивные аспекты, заключающиеся в его внутренней структуре.

Применение когнитивно-дискурсивного анализа, разработка которого принадлежит Т. А. ван Дейку, видится нам в этом плане наиболее перспективным. Его возможности, как мы считаем, позволяют нам исследовать и сопоставить, обнаружить специфику, сходства и различия британского, американского и немецкого политического дискурса на материале публичных выступлений государственных деятелей этих стран.

На наш взгляд, *когнитивно-дискурсивный анализ* — это анализ, который может затрагивать любое высказывание, вербальное или невербальное, направленное на коммуникацию с другим индивидом. И это высказывание само по себе относит говорящего к той или иной социальной группе, потому что его специфическое выражение мысли подразумевает направленность на использование языка в определенном социальном контексте. В нашем случае в качестве такого «социального» высказывания

выступает политическое высказывание или же политический дискурс в целом.

Политический контекст включает в себя такие аспекты, как *цели, знания* и другие *убеждения участников коммуникации*. При этом компонент «*знание*» (как отмечает Норман Фейрклоу, а также называет его “*common sense*”, или «*здоровый смысл*» в книге “*Language and Power*”, т. е. «*Язык и власть*» [Fairclough 2001: 226]) является основой множества семантических и прагматических особенностей дискурса, например импликаций и пресуппозиций: говорящий должен знать, что уже известно реципиенту, чтобы решить, какие пропозиции ментальной модели или социальной репрезентации необходимы реципиентам. Реципиентам, в свою очередь, также необходимо обладать знаниями, чтобы понять, что заключает в себе имплицитное в речи, косвенное, ироническое и другие не эксплицитные формы общения. Другими словами, люди обладают совместными моделями знаний друг друга, и эти модели контролируют многие дискурсивные стратегии участников [Dijk 2001].

Одновременно можно сказать, что участники также вовлекаются в *глобальную акцию*, такую, например, как законодательство. *Локальные акции* реализуют при этом текущие глобальные акции (например, критика правительства, улучшение безопасности в стране, разговор об экономике и т. д.) [Там же]. Таким образом, исходя из теории структуры и стратегии обработки дискурса, нам необходим глобальный (макро) и местный (микро) уровни при когнитивном анализе политических публичных выступлений. Представим ниже эти уровни, согласно схеме анализа дискурса Т. А. ван Дейка, которые являются для нас также целесообразными при исследовании и выявлении когнитивных аспектов политического дискурса (см. схему на с. 66).

Для того чтобы проанализировать политический дискурс, необходимо затронуть все вышеперечисленные категории, чтобы правильно определить тему, цели, задачи и средства выражения. Данная процедура необходима для понимания не только общей посылки дискурса, но и того, что в нем имплицитно.

МАКРОУРОВЕНЬ

Область.

Глобальная акция. Цель.

МИКРОУРОВЕНЬ

Дейксис. Место. Время.

Знание. Включает в себя то, что должно быть известно участникам, чтобы правильно сконструировать модель необходимых знаний для понимания имплицитного в речи.

Участники: Коммуникативная роль
Интерактивная роль
Социальная роль

Локальная акция. Задачи.

Реципиенты.

Таким образом, мы выявили подходы, с помощью которых возможно выявить и описать когнитивные аспекты, содержащиеся непосредственно в политическом дискурсе. Но для полной ясности хода выявления данных когнитивных аспектов политического дискурса и их цельного представления нам потребуются построение его когнитивной модели, определение статуса языковой личности в политическом дискурсе, а также детальное описание категорий эксплицитности и имплицитности в языке.

Итак, в последующих трех подпунктах мы представим наше видение методологии исследования политического дискурса.

2.2.1. Когнитивная модель политического дискурса

Широко известно, что политический дискурс оказывает речевое воздействие, которое может быть описано как «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения,

приводящих к передаче знаний от одного участника к другому» [Баранов 1990: 11].

Следовательно, модель мира представляет собой определенный образом организованные знания о мире, свойственные когнитивной системе или ее модели [Баранов, Паршин 1990: 146]. Как утверждает О. С. Иссерс: «...с одной стороны, в модель мира входят общие знания о мире, которые можно считать “объективными”. Речь идет о простых пропозициях типа “снег весной тает”, специальных фактах вроде “Волга впадает в Каспийское море” или правилах продукций (“Если холодно, то нужно тепло одеваться”). С другой стороны, в модели мира присутствуют и знания другого типа, которые условно можно назвать “субъективными”. Это ценности и их иерархии, <...> и другие когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума» [Иссерс 1999: 75].

Целью данного подпункта являются разработка, построение и представление когнитивной модели политического дискурса.

Разработка когнитивной модели дискурса является высоко актуальной для исследователей коммуникации. Зачастую она содержит определенную направленность, задаваемую теми или иными учеными. В этом отношении следует говорить о ее сложном и многоуровневом характере. Так, например, сама когнитивная модель обрисовывается из ряда составляющих ее компонентов, параметров, научных теорий.

В данном случае ценным выглядит представление когнитивной модели, предлагаемое Н. Н. Белозеровой и Л. Е. Чуфистовой. Под *когнитивной моделью* они понимают: основанную на представлении о каком-либо феномене универсума, многоуровневую, многокомпонентную и полифункциональную ментальную структуру, для которой характерны парадигматические и синтагматические отношения и механизмом которой является взаимодействие правого и левого полушария головного мозга при переработке и порождении информации и которая основывается на операционном ассоциативном способе представления и извлечения информации [Белозерова, Чуфистова 2004: 5].

Вместе с тем ими различаются следующие типы моделей:

- *апперцептивные* — модели структуры знака Ч. С. Пирса и его последователей, включающие параметр «интерпретант», построения Дж. Вико и Дж. Лакоффа о сущности концептуальной метафоры, мифопоэтическая картина мира, включающая архетипы, научная картина мира, включающая концепты, и языковая картина мира, базирующаяся на первых двух;
- *коммуникативные* — коммуникативная модель Р. О. Якобсона и построения М. Фуко;
- *деконструктивные* — деконструктивные построения Ж. Дерриды, основанные на семиотическом принципе *différance* (одновременном сходстве и различии);
- *синтетические* — ноосфера В. И. Вернадского, семиосфера Ю. М. Лотмана, фреймы и макроструктуры Т. А. ван Дейка, фрактальные построения Б. Мандельброта и модель функционирования интертекста, предложенная авторами работы [Белозерова, Чуфистова 2004].

Авторы считают объединяющими свойствами этих моделей их динамизм и тенденцию к взаимопроникновению, что обусловлено динамичной природой языка в целом как особой естественной семиотической системы по обработке, накоплению и передаче информации и динамичной речевой деятельностью отдельных носителей языка, направленной на обмен информацией.

При этом, говоря об одной возможности классификации когнитивных моделей дискурса, авторы отмечают их следующие параметры:

- *Описательный потенциал* (все модели).
- *Объяснительный потенциал* (фреймы, скрипты, макроструктуры, когнитивная метафора, мемекс).
- *Генеративный потенциал* (макроструктуры, скрипты, коммуникативная модель Р. О. Якобсона, фрактал, нарративный ход).
- *Измерительный потенциал* (фрактал) [Там же: 11].

Поэтому достаточно справедливо звучит их утверждение о том, что наиболее современной представляется та модель, ко-

торая обладает всеми вышеобозначенными потенциалами, т. е. носит, по сути дела, интегрированный характер.

Мы же в данной работе считаем целесообразным немного сузить рамки исследования, концентрируясь главным образом вокруг объекта исследования, т. е. политического дискурса, и попытаемся разработать его когнитивную модель. Безусловно, данная модель будет носить индивидуальный и ограниченный характер, но она позволит нам приоткрыть завесу над когнитивными аспектами говорящего в политическом дискурсе.

Само понятие «модель» употребляется Т. А. ван Дейком для обозначения специфического вида структурной организации знания в памяти. Исследуя внутреннюю структуру говорящего, Т. А. ван Дейк подчеркивает, что при построении реальной *когнитивной модели* человека в расчет должны браться не только абстрактные ментальные знания человека, но также и реальные мнения, потребности, желания, предпочтения, установки, намерения, чувства, эмоции [Дейк 1989: 68].

В целом, говоря о когнитивных моделях, следует особо подчеркнуть их *четыре особенности*, которые, по сути дела, являются постулатами:

1. Поскольку мы не можем и не в силах знать все факты, относящиеся к миру, для когнитивных моделей типичны *фрагментарность* и *неполнота*. То есть мы не можем с уверенностью утверждать о завершенности той или иной модели.

2. Модели могут репрезентировать *реальные ситуации* на различных уровнях обобщения. Так, например, мы представляем в самом общем виде в модели сложное действие «Президент побывал в поездке по Португалии», тогда как в действительности это действие включает в себе чрезвычайно сложную и непрерывную последовательность событий, действий, объектов и людей, только небольшое подмножество которых фигурирует в модели.

3. Входящие в модель понятия *не произвольны*, они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций. Например, передача предмета от одного лица к другому в определенной социальной ситуации может рассматриваться либо как «подарок», либо как «взятка».

4. Несмотря на социальную обусловленность концептуального представления ситуаций, когнитивные модели являются, конечно, личными, т. е. *субъективными*. Одна и та же ситуация может быть проинтерпретирована различными способами, с различных точек зрения, с различными целями, если это делают разные люди [Дейк 1989].

Поэтому нам приходится учитывать данные особенности когнитивных моделей при разработке когнитивной модели политического дискурса.

Следовательно, под *когнитивной моделью политического дискурса* мы понимаем абстрактный конструкт ментальных знаний, который ограничен социальной (политической) сферой общения и в котором прослеживается, а также реализуется неограниченное количество имплицитных и эксплицитных интенций коммуникантов. Как нам представляется, когнитивная модель политического дискурса должна включать в себя следующие компоненты⁷:

1) *характеристику политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристику когнитивно-речевых стратегий говорящего* (о данных характеристиках в нашей работе пойдет речь немного позднее);

2) *характеристику коммуникативно-прагматического пространства или контекста*. В данном случае речь идет о контекстуальном анализе политического дискурса, к которому относятся [Dijk 1998; 2000; 2001; Дейк 1989; 1994]:

- *сам говорящий;*
- *его адресат (участники);*
- *высказывание, событие/действие;*
- *предмет высказывания;*
- *время коммуникативного акта;*
- *место коммуникативного акта;*
- *обстановка, в которой совершается коммуникативный акт;*

⁷ См. прил. 4 настоящей монографии.

- *социальные отношения;*
- *роли участников;*
- *когнитивные характеристики участников;*

3) *характеристику языкового пространства или текста.* Здесь же речь идет, непосредственно, о текстуальном анализе политического дискурса, состоящем из рассмотрения: *фонетического, графического, морфологического уровней, синтаксиса предложения, семантики предложения, уровня макроструктур и риторического аспекта* [Dijk 1998; 2000; 2001; Дейк 1989; 1994].

Разработка и реализация данной когнитивной модели играют важную роль, как нам видится, в обработке политического дискурса. То есть когнитивная модель требуется в качестве основы интерпретации политического дискурса. Люди, произнося, слушающая или читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из памяти модель, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс.

Рассмотрим далее, исходя из нашей когнитивной модели, понятие языковой личности в политическом дискурсе.

2.2.2. Языковая личность в политическом дискурсе

В последние годы значительно вырос интерес к проблеме изучения личности как таковой. Данное явление обусловлено, на наш взгляд, прежде всего, тем, что в условиях глобальной коммуникации и свободного доступа к информации возможности человека резко расширились. Стал очевидным эволюционный рост личности, начала меняться ее значимость как объекта исследования в зависимости от той или иной научной дисциплины. В качестве приоритетного объекта исследования понятие «личность» можно встретить в психологии, философии, культурологии, лингвистике, литературе и ряде других наук.

Целью данного подпункта является рассмотрение языковой личности как таковой и ее непосредственного проявления в политическом дискурсе.

Так, например понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность [Воркачев 2001: 65].

Одним из первых к языковой личности обратился Й. Вайсгербер, утверждающий о зависимости всей жизни человека от родного языка, а также о взаимосвязи родного языка и духовного формирования человека [Вайсгербер 1993]. В этом отношении, справедливо высказывание В. В. Воробьева: «Личность — средоточие взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития. Поэтому о личности можно говорить только как о *языковой личности*, как о воплощенной в языке» [Воробьев 1998: 26].

Поэтому сама социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании — коллективном и индивидуальном. Соответственно, носителями культуры в языке являются языковой коллектив и индивидуум. Коллектив как этнос и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания [Карасик 2002: 8].

Сам по себе язык — неотъемлемый компонент сознания, его инструмент, он выступает как посредник между человеком и картиной мира, отображаемый им в языковых формах. Это связь человека с картиной мира, содержащейся в языке, на котором он говорит, с кругом представлений, образов и понятий, которые запечатлены в языке. Каждый человек, растающий в язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа [Вайсгербер 1993: 102]. Язык конкретного человека не существует сам по себе. Он формируется языком других людей, которые принадлежат одному народу, имеют общую культуру и традиции.

Помимо этого, связанное с понятием «языковая личность» понятие «языковое сознание» нашло отражение в трудах В. Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртене, Р. О. Якобсона и др. Таким

образом, лингвистика вышла на исследование человека, владеющего языком, на исследование языковой личности.

Непосредственным носителем языкового сознания является языковая личность, человек, существующий в языковом пространстве — в общении, стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике тесно связано с именем Ю. Н. Караулова. Под *языковой личностью* он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью [Караулов 1987: 3]. Данное определение допускает двойственную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае мы принимаем индивида в качестве личности, субъекта социальных отношений, обладающего своим неповторимым набором личностных качеств. Во втором случае мы предполагаем, что на определенном этапе индивид еще не является личностью, а именно не обладает отличительными социально обусловленными характеристиками.

Кроме того, языковую личность можно охарактеризовать с позиций лингвистического сознания и речевого поведения, т. е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса.

Особый интерес и некоторое наглядное проявление понятие языковой личности получает в политическом дискурсе, поскольку он является наиболее влиятельным на общественное сознание и широко распространен в средствах массовой коммуникации.

Среди исследователей нет общепринятого определения языка политики. В лингвистической литературе наряду с понятием «политический дискурс» [Баранов, Добровольский 1997; Шейгал 2000] употребляются дефиниции «агитационно-политическая речь» [Чудинов 2001], «агитационный дискурс» [Купина 2000], «политический язык» [Воробьева 1999].

Наиболее емкого определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. А. ван Дейк

(Т. А. van Dijk). Он считает, что политический дискурс — это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков — это те жанры, которые принадлежат сфере политики. Политический дискурс — это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, ученый отмечает, что он в то же время является формой институционального дискурса. Это означает, что дискурсами политиков считаются те дискурсы, которые производятся в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Высказывание должно быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной окружающей обстановке. Таким образом, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [Dijk 1998].

Как же проявляется языковая личность в политическом дискурсе? Рассмотрим некоторые аспекты ее проявления. Непосредственно для этого нам потребуется обратиться к самой когнитивной модели политического дискурса.

Как нами уже отмечалось, когнитивная модель политического дискурса включает в себя, помимо остальных, следующие компоненты:

1. С одной стороны, характеристику политического деятеля как языковой личности. Языковая личность определяется как «...совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются:

а) степенью сложности;

б) глубиной и точностью отражения действительности;

в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2002: 3].

Такое понимание языковой личности (Г. И. Богин, В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, А. М. Шахнарович) позволяет на систематической основе рассматривать процессы восприятия и порождения речи во взаимосвязи. В приведенном

определении рассматриваются не только особенности речевой деятельности человека, владеющего языком, но и специфика разных аспектов создаваемого или воспринимаемого им текста, что позволяет акцентировать внимание на определении задач, содержании политического дискурса.

Важной является также методическая модель языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Эта модель имеет трехуровневую организацию: в ней выделяются *вербально-семантический* (или *структурно-семантический*), *лингвокогнитивный* (или *тезаурусный*) и *мотивационный уровни* [Караулов 2002: 69].

Вербально-семантический уровень развития языковой личности предполагает овладение словарным запасом, навыками построения и использования типовых грамматических конструкций и достигается в результате обучения по образцам. Этот уровень считается нулевым, хотя «...совершенно ясно, что он составляет предпосылку ее становления и функционирования» [Там же: 36].

Языковая личность, по определению Ю. Н. Караулова, начинается только тогда, когда «...в игру вступают интеллектуальные силы» [Там же], когда происходят выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе, т. е. на *лингвокогнитивном уровне*. Это тот уровень развития языковой личности, на котором возможны индивидуальный выбор языковых средств, тематическое создание текстов, понимание их основной мысли.

Следующий уровень языковой личности — *мотивационный* — предполагает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием и управляющих ее «текстобразованием». На этом уровне языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, социально-психологическом смысле, максимально активизируются коммуникативные потребности личности: выполнение различных коммуникативных задач, выбор и оценка языковых средств в зависимости от условий их применения.

Таким образом, трехуровневая структура модели языковой личности находит отражение в схеме и смыслового восприятия текста, и порождения речи.

При характеристике политического деятеля как языковой личности, нам представляется, будет особо учитываться такое его качество, как *толерантность*. Предварительные результаты исследования этого понятия показали, что слово *толерантность* в современном русском языковом сознании оказывается многозначным. Оно понимается как [Михайлова 2004: 15]:

1) высокое душевное *качество, способность* личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные/противоположные ценностные установки;

2) терпимое, лояльное *отношение* к другому, сознательно признающее право его существования; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого;

3) *поведение* человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности.

Данное понимание позволяет определить толерантность, во-первых, как психологический феномен (душевное качество); во-вторых, как социальный феномен (отношения между личностями); в-третьих, как коммуникативный феномен (поведение личности). Толерантность многофункциональна, поэтому ее рассмотрение с политических позиций вполне закономерно.

2. С другой стороны, характеристику когнитивно-речевых стратегий говорящего. В политическом дискурсе языковую личность также характеризуют коммуникативные стратегии. Коммуникативные стратегии являются важной характеристикой поведения языковой личности. Стратегии общения представляют собой «цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств» либо «реализацию набора целей в структуре общения» [Макаров 1995: 37]. Стратегии общения прямо соотносятся с интенциями коммуникантов: если интенции носят глобальный характер, то имеются в виду собственно стратегии дискурса,

внутренне присущие ему. Если же речь идет о достижении частных целей в рамках того или иного жанра определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о коммуникативных тактиках.

Перечислим некоторые когнитивно-речевые стратегии, используемые политическими деятелями: *обобщение; приведение примера; поправка; усиление; (очевидные) уступки; повтор; контраст; смягчение; сдвиг; уклонение; пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт* [Дейк 1989].

1. *Обобщение.* Ход, используемый для того, чтобы показать, что (негативная) информация, только что приведенная или имеющая быть приведенной, например в случае из жизни, не просто «случайна» или «исключительна»; тем самым подкрепляется возможное общее мнение. Этот ход отмечает переход от модели к схеме. Типовые выражения: «И так всегда», «С этим сталкиваешься на каждом шагу», «Это без конца повторяется».

2. *Приведение примера.* Конверсный ход, показывающий, что общее мнение не просто «надумано», но основано на конкретных фактах (опыте). Типовые выражения: «Вот, например...», «Например, на прошлой неделе...», «Возьмите нашего политика. Он...».

3. *Поправка.* Это формульная или риторическая стратегия (часто лексическая). Контроль над индивидуальной речью порождает предположение, что некоторая формулировка либо референциально «ложна», либо может привести к нежелательной интерпретации и оценке слушающим глубинных импликаций или ассоциаций. Такой ход обычно является частью стратегии общей семантической адекватности или стратегии положительной самопрезентации.

4. *Усиление.* Формульная стратегия, нацеленная на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего («привлечение внимания»), на улучшение структурной организации релевантной информации (например, негативных предикатов) или на подчеркивание субъективной макроинформации. Типовые выражения: «Это ужасно, что...», «Позор, что...».

5. *(Очевидные) уступки.* Ход, дающий возможность для условного обобщения даже в случае привлечения противореча-

щих примеров либо позволяющий продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, т. е. составляющие части стратегии положительной самопрезентации. Типовые выражения: «Среди них попадаются и хорошие люди», «Не стоит обобщать, но...», «Политики тоже могут так поступать» (что является также сравнением).

6. *Повтор*. Формульный ход, функции которого близки к усилению: привлечение внимания, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значительных тем и т. д.

7. *Контраст*. Ход, имеющий несколько когнитивных функций. Риторическую: привлечение внимания к участникам отношения контраста (структурирование информации). Семантическую: подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств — часто путем противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы (типичный пример: «*Нам* пришлось долгие годы трудиться, а *они* получают пособие и ничего не делают», «*Нам* пришлось многие годы ждать новой квартиры, а *они* получают квартиру сразу же, как только приедут») — и все ситуации, где прослеживается конфликт интересов.

8. *Смягчение*. Этот ход в общем случае обслуживает стратегию самопрезентации, демонстрируя понимание и терпимость, а также, по-видимому, «аннулирование» оценки или обобщения, которые не могут быть обоснованы. С его помощью предполагается блокировать отрицательные выводы.

9. *Сдвиг*. Этот ход типичен для положительной самопрезентации. Типичный пример: «Мне-то, в общем, все равно, но другие депутаты в нашей фракции возмущаются».

10. *Уклонение*. В действительности это набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения. С когнитивной точки зрения уклонение от разговора или от темы может означать, что (1) релевантная информация об этнических меньшинствах в модели отсутствует или является неполной, (2) из модели можно извлечь только нерелевантную, не пригодную для передачи информацию и (3) из памяти можно извлечь только негативный опыт, а, следовательно, и мнения, но они блокируются

общим принципом, запрещающим плохо отзываться о других людях или других группах людей. Типовые выражения: «Не знаю», «Я с ними не общаюсь», «Мне все равно, что они делают», «У меня нет времени...».

11. *Пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт.* Это семантические и прагматические ходы, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности. Некоторые типовые показатели — обычные маркеры пресуппозиции (например, местоимения, определенные артикли, придаточные с союзом «что» при некоторых глаголах, специальные частицы и наречия, такие, как «даже», «также» и т. п.), использование 2-го лица для более абстрагированной или общей референции («все время с этим сталкиваешься»), расплывчатые выражения («и тому подобные вещи»), незаконченные предложения и случаи из жизни и т. д.

Таким образом, вышеперечисленные аспекты, в частности характеристика политического деятеля // толерантность и характеристика его коммуникативно-когнитивных стратегий, представляют собой не что иное, как реализацию интенции самого говорящего в политическом дискурсе и в значительной степени характеризуют его как языковую личность.

В следующем подпункте исследования мы рассмотрим, как в политическом дискурсе реализуются категории эксплицитности и имплицитности.

2.2.3. Прагматический потенциал политического дискурса: категории эксплицитности и имплицитности

Истоки прагматики связаны с философскими концепциями Ч. С. Пирса, У. Джеймса, Д. Дьюи, Ч. У. Морриса (конец XIX — начало XX века). Понятие «прагматика» появилось в работах по семиотике, ставивших целью изучение структуры знаковой ситуации (семиозиса) в динамическом, процессуальном аспекте,

включая и участников этой ситуации. Термин «прагматика» был введен в научный обиход американским исследователем Чарльзом Уильямом Моррисом. Развивая идеи Ч. С. Пирса, Ч. У. Моррис предложил разделять семиотику как науку о знаках на три раздела: синтактику, изучающую отношения знаков друг к другу, семантику, изучающую отношение знаков к объектам, и прагматику, исследующую отношение знаков к тем, кто ими пользуется. «Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [Моррис 1983: 63].

Многие аспекты той предметной области, которую охватывает термин «прагматика», фигурировали уже в эпоху греко-римской античности в риторике. Как отмечает Ю. С. Степанов, «прагматика занимается теми же вопросами, что и традиционная стилистика и еще более старинная риторика; выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам» [Степанов 1985: 15].

Прагматика (от греч. *Pragma*, род. п. *pragmatos* — дело, действие) — область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Прагматика не имеет четких границ, в нее включен комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения [Языкознание. БЭС 1998: 390].

И. П. Сусов отмечает, что прагматика как одна из лингвистических дисциплин «имеет предметом совокупность корреляций между единицами языковой системы и составляющими коммуникативно-прагматического контекста речевого (и текстового) общения. Этот контекст образуют взаимодействующие друг с другом определенным образом коммуниканты, время,

место и обстановка общения. Прагматика имеет дело с такими понятиями, как коммуникативные намерения (интенции, иллюзии), ожидания, эффекты (перлокуции), стратегии и тактики, принципы и конвенции, распределение между коммуникантами ролей различного характера» [Сусов 1990: 125].

В. Н. Комиссаров также подчеркивает, что, «воспринимая информацию из текста, рецептор вступает в определенные личностные отношения к тексту, которые он называет прагматическими отношениями. Эти отношения могут носить интеллектуальный характер, когда рецепторы используют текст преимущественно для извлечения сведений о каких-либо фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. С другой стороны, информация может затронуть чувства рецептора, вызвать определенную эмоциональную реакцию. Такое воздействие он называет прагматическим аспектом (или прагматическим потенциалом текста)» [Комиссаров 2004: 209].

Таким образом, многие лингвисты считают, что прагматика не имеет четких границ, и она включает в себя, прежде всего, вопросы, связанные с коммуникативной ситуацией. Кроме того, некоторые из них полагают, что большую роль в прагматике играет именно рецептор, воспринимающий информацию из устного или письменного дискурса.

Соответственно, как нам представляется, способность дискурса производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора предметные и конкретные отношения к сообщаемой информации (сообщаемому), иначе говоря, осуществлять целенаправленное воздействие на получателя данной информации, называется прагматическим аспектом, или прагматическим потенциалом (прагматикой), дискурса.

Дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует в первую очередь и главным образом в текстах, но таких, за которыми встают особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика и в конечном счете особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила

синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» [Степанов 1995: 44].

В качестве такой «социальной данности» или «альтернативного мира» особый интерес вызывает у нас в данной работе политический дискурс. Именно он, на наш взгляд, обладает значительным прагматическим потенциалом, содержащим как эксплицитные, так и имплицитные интенции политического деятеля, призванные воздействовать на слушающего с целью манипулирования его сознанием.

Традиционно сложилось представление, что коммуникация — это обмен информацией, она составляет часть общения, что характерно для отечественной традиции [Парыгин 1999: 351], тогда как западная наука более акцентировала поведенческий и ценностный аспекты коммуникации [Вацлавик 2000: 49]. Основная функция коммуникации — способствовать сохранению целостности человека как организма, индивида, личности, субъекта, социума, духосферы. Личность говорящего разнообразна и сложна в своих проявлениях. Говорящий должен постоянно вести отбор языковых средств в соответствии с избранной стилистической тональностью, ориентируясь на ситуацию общения, характер адресата, официальность/неофициальность обстановки. В этом отношении *интенциональности* речевых произведений человека также отводится немаловажная роль.

В лингвистических трудах под интенцией, как правило, понимают коммуникативное, речевое намерение, цель высказывания коммуникантов. Речевая интенция, или коммуникативное намерение, — это намерение, замысел сделать нечто с помощью такого инструмента, как «язык–речь–высказывание». Понятия «интенция» и «иллокуция» взаимосвязаны. Интенция, по мнению Н. И. Формановской, относится к иллокуции как значение к функции. И далее: «Речевая интенция как психический субстрат значения речеактивного высказывания отражает в его семантике один из содержательных моментов внутреннего мира человека, одну из сторон модусной пропозиции» [Формановская 1996: 42].

Интенциональный компонент, или речевое намерение, возникает в политическом дискурсе и формируется как стратегический замысел еще до реализации высказывания. Это программа речевых действий, которые связаны с воздействием, манипулированием и информированием собеседника, уговариванием, побуждением, получением информации и т. д. В соответствии с этим говорящий в политическом дискурсе, который обычно выступает как инициатор общения, заранее планирует и организует ход речевого взаимодействия с адресатом. Он целенаправленно выбирает такие языковые средства, которые с максимальной точностью выразили бы его интенцию. В зависимости от своей стратегии говорящий выбирает прямые или же косвенные способы языковой манифестации интенции. Языковой опыт адресата и его коммуникативная компетенция помогают ему правильно расшифровать заключенный в языковых средствах интенциональный компонент.

Интенция высказывания может быть также явной, *эксплицитной*, или же завуалированной, или *имплицитной*. *Эксплицитность/имплицитность* речевого намерения и связанная с ними иллокутивная сила высказывания зависят в большой степени от целеустановки и мотивов говорящего в политическом дискурсе, от его искренности и прямолинейности выражения замыслов и речевых стратегий и от планируемого им перлокутивного эффекта. Обычно говорящий старается сделать свое речевое намерение максимально открытым для распознавания адресатом и для этой цели выбирает прямые или конвенциональные языковые средства, например побудительные, желательные, вопросительные и т. д. высказывания, которые воспринимаются адресатом в их основном значении, или же конвенционализированные высказывания, достаточно однозначно «прочитываемые» в определенном социуме. В речевой практике встречаются и такие ситуации, в которых стратегия говорящего не предполагает прямого эксплицирования его действительных намерений или же он оставляет за адресатом возможность самому понять и выявить интенцию. В таких случаях тактики завуалирования намерений, демагогии, языковой игры и т. д. являются неотъем-

лемым элементом речевого акта. Распознать намеренно маскируемую интенцию говорящего не всегда элементарно и требует определенных знаний и настроения адресата.

Следовательно, интенция может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Под эксплицитностью мы понимаем формальную выраженность элементов языка и связей между ними. Эксплицитно выраженная интенция может иметь специальные средства, собственные для данного речевого жанра — тогда она будет выражена прямо, или интенция может быть выражена средствами других речевых жанров — тогда мы имеем дело с косвенной формой выражения интенции. Наконец, коммуникативная цель может быть выражена имплицитно, т. е. не иметь специальных средств для своего выражения и вычитываться из содержания высказывания, общей ситуации речи, общих фоновых знаний участников коммуникации. В этом случае можно говорить об имплицитном выражении интенции.

Какими же способами выражаются эксплицитная и имплицитная интенции говорящего? Для этого нужно остановиться на рассмотрении существующих эксплицитных и имплицитных связей.

Эксплицитными называются *связи* с явно выраженным *коннектором* (*коннектором* называется совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между двумя или более компонентами текста), поэтому они легко распознаются коммуникантами. Можно постулировать наличие следующих видов эксплицитных связей: *рекуррентные*, *координатные* и *инцидентные*, устанавливаемые с помощью соответствующих коннекторов [Каменская 1990: 59]:

- *рекуррентные* — наиболее простые связи. Рекуррентция — полная (оба элемента коннектора состоят из одинаковых слов; эти слова могут различаться словоформой (политика — (в) политике)) и неполная (оба слова имеют одну и ту же корневую морфему, но являются разными словами (политология — политика — политический));
- *координатные* — такие связи, где в качестве коннектора выступает специальное словосочетание или предложение, указывающее местоположение (координаты) в данном

тексте того или иного объекта (например: *см. выше, см. параграф, см. статью*). Фрагмент, на который указывается, может состоять из предложения, рисунка, схемы, графика и др. Различают: 1) *общие координатные связи* — указывают на местоположение объекта в общем виде (например: *см. выше/ниже, в дальнейшем, и т. д.*); 2) *специальные координатные связи* — когда точно указывается место в тексте. Как правило, коннектор включает числительное (например: *см. стр. 8, см. рис. 5*). Особенно координатные связи распространены в научных текстах;

- *инцидентные* — инцидентные связи устанавливаются с помощью коннектора, компоненты которого различны по своему лексическому составу. Инцидентные связи более разнообразны и разнородны, чем рекуррентные. И они реализуются с помощью специфических коннекторов — *юнктивов* и *проформ* [Каменская 1990].

1. *Юнктивы* очень распространены. Они могут связывать слова внутри предложения, а также части сложного предложения и целые предложения.

Наиболее распространенными отношениями между объектами и явлениями окружающего мира являются:

- 1) аддитивность;
- 2) альтернативность;
- 3) противопоставления;
- 4) подчинения (зависимости).

Для выражения этих отношений сформировались канонические средства их обозначения — *юнктивы*. Различаются следующие виды юнкции: *конъюнкция*, т. е. отношение аддитивности событий; *дизъюнкция*, т. е. выбор одного из событий (объектов); *контраюнкция*, предполагающая противопоставление двух сосуществующих событий; *субординация*, когда одно явление поставлено в зависимость от другого. Это могут быть причинная зависимость, временные отношения, возможность и т. д. Для выражения этих отношений могут быть использованы следующие юнктивы:

1) *конъюнкция* (рус. яз.: и, кроме того, также, вместе с тем, сверх того; нем. яз.: auch, außerdem, daneben, dazu; англ. яз.: and, moreover, besides, also);

2) *дизъюнкция* (рус. яз.: или, либо — либо, либо; нем. яз.: oder, sonst, entweder ... oder; англ. яз.: or, otherwise, either ... or, but);

3) *контраюнкция* (рус. яз.: но, а, напротив, тем не менее; нем. яз.: aber, doch, dagegen, nichtsdestoweniger; англ. яз.: on the contrary, nonetheless);

4) *субординация* (рус. яз.: так как, потому что, в то время как, тогда, потом, когда, теперь, итак; нем. яз.: weil, da, deshalb, dann, seit, als, nun; англ. яз.: because, as, thus, after, while).

В любом случае юнктивы нужны для того, чтобы все реципиенты видели связь между событиями.

2. *Проформы* (к ним относятся слова, бедные собственным содержанием, которые получают свое значение на основе содержательного компонента). При этом один компонент коннектора — содержательный — имеет автономное содержание, а другой представлен проформой (например: «В кабинет вошел человек. ОН был высокого роста»: «человек» имеет автономное содержание, «он» — может быть и человек, и кабинет и т. д., т. е. имеет бедное содержание — проформа). Проформа может соотноситься с отдельным предложением и даже с группой предложений. Проформы могут употребляться *анафорически* и *катафорически*.

Компонент коннектора, представленный проформой, может следовать за содержательным компонентом (анафора) или предшествовать ему (катафора).

Что касается *имплицитных связей*, то в них отсутствуют ярко выраженные коннекторы.

Имплицитность — это проявление одной из наиболее общих тенденций, свойственных всем видам человеческой деятельности, — тенденции к экономии используемых средств и времени [Каменская 1990: 74]. В частности, в речевой деятельности экономия достигается применением наиболее «сжатых» текстовых конструкций.

Имплицитные связи — мощное средство сжатия текста. Однако формирование этих связей автором при порождении текста и распознавание их реципиентом в процессе восприятия требуют от них соответствующего запаса знаний и определенных умственных усилий.

Возможны три основных вида имплицитности текста:

- *грамматическая имплицитность*, когда в одном или нескольких предложениях пропущены те или иные компоненты;
- *семантическая имплицитность* обусловлена тем, что в тексте отсутствуют предложения, эксплицитно содержащие необходимую информацию (например: «Он улыбнулся», «Она отвернулась»: отсутствует информация почему);
- *сочетание первого и второго случаев*.

Очевидно, что первый из указанных случаев — *грамматическая имплицитность* — совпадает с так называемым эллипсисом, поэтому соответствующие имплицитные связи будут называться *эллиптическими*. Второй случай приводит к имплицитным связям, которые разделяются на *тезаурусные* и *транзитивные*. И, наконец, в третьем случае будут присутствовать имплицитные связи обоих видов.

Итак, различают следующие *имплицитные виды связи* [Каменская 1990: 75]:

1) *эллиптические* — характеризуются наличием грамматической имплицитности, по крайней мере, в одном из связанных предложений. Для того чтобы говорить об эллиптических связях, мы должны иметь грамматический эллипсис. *Эллипсис* — пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации. Если в тексте восстановить эллипсис, то связь из эллиптической превращается в рекуррентную;

2) *тезаурусные* — т. е. словарь в голове человека представляет собой некую систему. Эта система состоит из файлов, файл состоит из слова-номинанта и слова-ассоциата (состоят на основе отношения). Совокупность этих файлов образует *тезаурус личности*. Файлы хранятся в долговременной памяти коммуникантов. Если соответствующий файл в памяти коммуниканта отсутствует, то он вынужден обратиться в поисках необходимой информации к другим (т. е. дополнительным к воспринимаемому тексту) источникам: словарям, энциклопедиям, книгам по данной отрасли знания и т. д.;

3) *транзитивные* — наиболее сложный вид связей. Для установления транзитивных связей необходимо обращение

к дополнительным источникам информации. Если мы не знаем значения, то обращаемся к словарю.

В целом привлекательность имплицитной информации для целей воздействия в политическом дискурсе связана с тремя обстоятельствами [Пирогова 2001: 211]:

1. В отличие от информации, которая содержится в сообщении в явном виде, имплицитная информация, как правило, не осознается адресатом, она действует в обход аналитических процедур обработки информации. Поэтому адресат не склонен подвергать ее какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ней.

2. Адресат сам выводит эту информацию при интерпретации сообщения, а не получает ее в готовом виде, поэтому, как правило, принимает ее такой, какая она есть, и не ищет ей подтверждения. Иными словами, действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения.

3. Адресанта-политического деятеля труднее привлечь к ответственности и критиковать за информацию, которая не выражена в сообщении в явном виде.

Таким образом, анализ эксплицитных и имплицитных связей отражает интенциональность говорящего в политическом дискурсе. Исследование данных связей также способствует выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Выводы по главе 2

Исходя из теоретических положений данной главы, мы получили следующие выводы:

Термин *дискурс* в последнее время стал широкоупотребительным, встречающимся во многих областях знаний (лингвистика, политология, философия, психология, педагогика, журналистика, культурология, искусствоведение, математика). Имея такую широкую сферу применения, *дискурс*, соответственно, может быть интерпретирован учеными совершенно по-разному, в зависимости от той или иной научной концепции.

Понятие *дискурс* является базовым и основополагающим в данной исследовательской работе: *дискурс* — это широкое обобщающее понятие, включающее в себя такие неравнозначные компоненты, как *текст* и *речь*. При этом под «*дискурсом*» понимается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под «*текстом*» — конечный результат процесса речевой деятельности. В целом *дискурс* — это единство когнитивных и языковых структур, *дискурс* подразумевает когнитивное осмысление и, непосредственно, анализ. Соответственно, *текст* тогда становится *дискурсом*, когда при его рассмотрении стараются охватить не только лингвистико-семантические структуры, но и скрытые ассоциативные связи, установить корреляцию между употреблением слов и определенным социальным контекстом. Таким образом, в нашей работе мы будем представлять *дискурс* как сложное коммуникативное явление в контексте экстралингвистических факторов, не тождественное *тексту*, а скорее являющееся наиболее полным аналитическим видением *текста*, единством когнитивных и языковых структур.

В настоящее время понятие *дискурса* входит в новую парадигму лингвистического знания — когнитивно-дискурсивную. Поэтому вопросы анализа различных видов *дискурса*, в нашем случае *политического*, как наиболее влиятельного на общественное сознание и широко распространенного в средствах массовой коммуникации, определение лингвистических и экстралингвистических особенностей его порождения, выдвигаются на первый план.

Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует *политический дискурс*. В целом под *политическим языком* мы понимаем особую знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политиче-

ским действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Изучению, выявлению и описанию когнитивных аспектов публичного политического дискурса способствует *когнитивно-дискурсивный анализ* — это анализ, который может затрагивать любое высказывание, вербальное или невербальное, направленное на коммуникацию с другим индивидом. И это высказывание само по себе относит говорящего к той или иной социальной группе, потому что его специфическое выражение мысли подразумевает направленность на использование языка в определенном социальном контексте. В нашем случае в качестве такого «социального» высказывания выступает политическое высказывание или же политический дискурс в целом.

Для интерпретации политического дискурса требуется его когнитивная модель. Под *когнитивной моделью политического дискурса* мы понимаем абстрактный конструкт ментальных знаний, который ограничен социальной (политической) сферой общения и в котором прослеживается, а также реализуется неограниченное количество имплицитных и эксплицитных интенций коммуникантов.

Реализация предлагаемой нами когнитивной модели политического дискурса подразумевает ряд характеристик:

- 1) характеристику политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристику когнитивно-речевых стратегий говорящего;
- 2) характеристику коммуникативно-прагматического пространства (контекста);
- 3) характеристику языкового пространства (текста).

Особого внимания при когнитивно-дискурсивном анализе политических речей заслуживают категории эксплицитности и имплицитности, поскольку они позволяют детально взглянуть на контент, смысловые структуры и ментальные процессы речепроизводства какого-либо политического деятеля.

3. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ БРИТАНСКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕЙ

3.1. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике

Одним из первых, кто присвоил слову «*дискурс*» конкретное терминологическое значение, был Эмиль Бенвенист, обозначивший им «*речь, присваиваемую говорящим*». Он противопоставил сам *дискурс* объективному повествованию (*recit*) [Бенвенист 1974: 292–300]. Впоследствии понятие дискурса распространилось уже на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи.

Термин же «анализ дискурса» был использован впервые в 1952 году З. З. Харрисом, который пытался распространить дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь к его описанию именно социокультурную ситуацию.

Позднее этот термин стал уже ассоциироваться с немецким термином “*Textlinguistik*” (лингвистика текста), получившим распространение с середины 50-х годов XX века. Анализ дискурса и лингвистика образуют близкие, а иногда и отождествляемые области лингвистики. Однако в конце 70-х — начале 80-х годов XX века наметилась некая тенденция к их размежеванию, проистекающая из постепенной дифференциации понятий *текст* и *дискурс*.

Под *текстом* понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию; под *дискурсом* — различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами.

Анализ дискурса выполняется в основном описательными и экспериментальными методами.

Основателем дискурсивного анализа принято считать голландского лингвиста Т. А. ван Дейка. Однако следует отметить, что разные ученые интерпретируют его подход к анализу по-разному.

Согласно взглядам Т. А. ван Дейка, *дискурсивный анализ* включает в себя *два аспекта*. Во-первых, *текстуальный анализ*, т. е. *структурный анализ текста* на всех его уровнях: от фонетического до синтаксического. Во-вторых, *контекстный (контекстуальный) анализ*. Основой дискурсивного анализа является, таким образом, идея о том, что структура текста определяется характером контекста [Дейк 1989: 99].

С другой стороны, французский лингвист Элизабет Ле отмечает, что дискурс рассматривается тройко:

- как использование языка;
- как «вживание» в общественное сознание определенных представлений;
- как взаимодействие социальных групп и индивидов.

Данная тройственность структуры дискурса предъявляет к исследователям следующие требования:

- *во-первых*, поскольку дискурс есть использование языка, его изучение предполагает анализ текста. Он охватывает разные области: синтаксис, лексику, функции, различные пути модализации отдельных компонентов с целью прояснить либо, наоборот, завуалировать какие-то детали;
- *во-вторых*, дискурс формирует, «вживляет» представления и делает необходимым анализ продуцирования текстов и их интерпретации;
- *в-третьих*, дискурс, как взаимодействие общественных групп и индивидов, должен изучаться в контексте социальных структур культуры данного общества [Ле 2001: 95].

Трудно сказать, какая из этих точек зрения является более правильной, тем более, что мы не находим принципиальных отличий.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что дискурсивный анализ не ограничивается только лишь языковыми рамками, поскольку *дискурс* — понятие междисциплинарное, и *дискурсивный анализ* возник на стыке разных наук, из нескольких областей исследования: семиотики, этнографии, нарративного анализа, анализа речевого общения, лингвистики текста, прагматики, социолингвистики, психологии и теории искусственного интеллекта [Дейк 1989: 119]. Следовательно, акценты в анализе будут зависеть от того, представитель какой из этих областей занимается анализом. Так, в языкознании языковым особенностям посвящено гораздо больше исследований, чем, например, в психологии. Другими словами, дискурсивный анализ нужно рассматривать с точки зрения изучаемых им проблем и объектов.

Существуют также различия между тем, что может быть, по словам Т. А. ван Дейка, достаточно приблизительно названо типами дискурсивного анализа в разных странах. Так, например, процедуры исследования и описания отличают англоязычные работы по дискурсивному анализу от существующих концепций дискурсивного анализа в романоязычных странах, несмотря на все возрастающее число заимствований, наложений и, следовательно, взаимного влияния. Говоря в целом, дискурсивный анализ в англоязычных работах характеризуется продолжающимся влиянием со стороны структурной или порождающей лингвистики, когнитивной психологии, прагматики и микросоциологии.

В отличие от своих собственных предшественников в 1960-х и ранних 1970-х годах, некоторые известные французские школы (находящиеся под влиянием идей М. Фуко, Ж. Деррида) выделяются большей философской направленностью дискурсивного анализа. Стиль некоторых работ такой ориентации выделяется своей метафоричностью и поэтому достаточно затруднителен для прочтения [Там же: 120].

Таким образом, подходы к изучению дискурса в рамках когнитивного анализа могут существенно различаться в зависимости от теорий, методов, школ, а также индивидуальности отдельных ученых.

Исходя из вышесказанного, попытаемся схематично представить структуру когнитивного анализа дискурса, основываясь большей частью на теории Т. А. ван Дейка:

Текстуальный аспект когнитивного анализа дискурса

Языковой, или текстуальный, аспект когнитивного анализа дискурса включает в себя структурный анализ текста на всех его уровнях, от фонетического до синтаксического. Каждый из этих уровней может быть стратегически использован для извлечения максимума информации. Когда мы исследуем особые типы дискурса, такие, например, как политические речи, нашей задачей является не просто описание структур, возможных в таких посланиях, а грамматических структур, предпочтительных или типичных для дискурса данного вида. Так, в официальных ситуациях и письменных текстах мы стараемся использовать язык официального сообщения и более сложные, более полные, грамматически более правильные предложения, чем в неформальных разговорах. Такие социальные факторы, как общественное положение, обладание властью, пол, этническая принадлежность оказывают влияние на стилистическую вариативность. Грамматический анализ использования языка в политических речах обнаруживает и общую направленность послания того или иного политика.

Как известно, анализ следует начинать с наименьшей структурной единицы, в данном случае это звук. *Изучение фонетической оболочки дискурса*, а именно ударения, интонации, высоты тона, громкости, темпа, наличия аплодисментов, смеха и пр., может иметь большое значение для понимания дискурса. С помощью ударения автор может подчеркнуть или, наоборот, затушевать некоторые высказывания; интонация также несет в себе определенную смысловую и прагматическую нагрузку (с ее помощью мы определяем коммуникативную направленность высказывания); аплодисменты будут в большинстве случаев свидетельствовать об одобрительной реакции аудитории относительно высказывания [Dijk 1983: 3]. Однако анализ всех составляющих звуковой оболочки дискурса не всегда возможен за неимением звуковой записи последнего.

Стоит также отметить наличие анализа графической (или визуальной) оболочки дискурса. Существует ряд визуальных средств для выделения какой-либо информации или, скажем, для привлечения к ней внимания, например: *жирный шрифт, курсив, подчеркивание, заглавные буквы, цветное оформление* и т. д. Эти средства широко используются в дискурсах, предназначенных для прочтения: в газетных статьях, журналах, печатной рекламе [Dijk 1988: 4].

Интересен, к примеру, также тот факт, что *морфологический уровень анализа* является нерелевантным в обсуждении политического дискурса, поскольку специфическое словообразование не может быть названо его отличительной особенностью [Ibid: 4].

Как известно, существует множество синтаксических конструкций, однако, как указывает Т. А. ван Дейк, релевантными для дискурсивного анализа будут лишь те, использование которых варьируется в зависимости от жанра текста и контекста. Так, например, номинативная фраза Артикль+Существительное в большинстве европейских языков (кроме скандинавского, где порядок Существительное+Артикль) установлена правилами грамматики и обязательна во всех контекстах, а значит, нерелевантная для настоящего анализа [Ibid: 5]. В то же время синтаксис предложения может отражать распределение семан-

тических ролей участников события: либо порядком слов, либо использованием активных или пассивных форм.

По мнению М. В. Новиковой-Грунд, *синтаксические конструкции* могут являться одним из действенных приемов манипуляции. В частности, она выделяет синтаксические конструкции, в которых субъект действия либо отсутствует в принципе, либо грамматически наличествует, но семантически расплывчат и неопределен, поскольку выражен неодушевленным существительным с абстрактным собирательным значением. Первый тип М. В. Новикова-Грунд называет *безагенсным*, второй — *псевдоагенсным* [Новикова-Грунд 2000: 89]. Как показывают эксперименты, в процессе чтения или слушания безагенсные и псевдоагенсные конструкции (видимо, в силу своей грамматической «нормальности») нестораживают читателя, но существенно снижают критическое восприятие текста. Текст, содержащий большое количество *безагенсных* и *псевдоагенсных конструкций*, заведомо воспринимается как несущее истину сообщение, даже если сообщением в прямом смысле не является и не имеет отношение к истине. Иными словами, *это мощный инструмент для манипуляции мнением читателя или слушателя*, он может быть широко использован в любого типа политических дискурсах.

Семантика и лексика дискурса могут послужить интересным материалом для исследования. На данном уровне анализа следует уделить внимание тому, как и какие лексические единицы используются в высказывании. Стоит обратить особое внимание на слова, употребляемые для обозначения или описания участников дискурса, их действий и характеристик. То или иное событие может быть описано достаточно абстрактно или же более детально, подробно, в зависимости от того, какой эффект мы надеемся получить. К примеру, чтобы показать себя в более выгодном свете, мы подробно расскажем о своих достоинствах и предпочтем использовать общие, абстрактные выражения для упоминания недостатков. Кроме того, для выражения положительного мнения о чем-либо мы обратимся к словам с положительной коннотацией (*positive word meaning*), для выражения

неодобрения — к словам с отрицательной коннотацией (negative word meaning) [Dijk 1988: 8].

Говоря о политических речах, М. В. Новикова-Грунд обращает особое внимание на *семантику глаголов*. С семантической точки зрения глаголы (и шире — предикаты) можно, подразделить на *две основные подгруппы*. *Предикаты первой группы («внешние»)* описывают ситуацию, свидетелем которой в принципе способен быть посторонний наблюдатель, т. е. не актант данной ситуации. Подобные предикаты обращены к двум органам чувств: зрению (в первую очередь) и слуху. К ним относятся глаголы движения, говорения и пр. (пошел, сказал, написал, выстрелил и т. д.). *Во вторую группу входят «внутренние» предикаты*, характеризующие ситуацию, которая не может быть зарегистрирована никакими органами чувств и известна лишь тому, кто ее переживает. К ним относятся такие глаголы, как: знал, понимал, хотел, надеялся и т. п. Политик, активно использующий такие глаголы, легко отождествляется в глазах аудитории с ней самой. Следует отметить, что существует еще одна, *промежуточная, группа предикатов*, апеллирующих не к глазам и ушам, а к другим органам чувств. Они описывают вкус, осязание, обоняние. Фрагмент, имеющий такие глаголы, еще в большей степени может воздействовать на читателя или слушателя, заставляя его самоотождествляться с героем. Например: «ощутил шероховатость поверхности», «почувствовал сладость на языке» [Новикова-Грунд 2000: 88].

Дискурс не состоит из изолированных предложений. Помимо структур, описанных лингвистикой и традиционными грамматиками предложения, были выдвинуты и другие структуры дискурса, в частности *структуры последовательностей предложений*.

Следуя логике Т. А ван Дейка, *синтаксис и семантика предложения в дискурсе* описываются с учетом структур и интерпретации содействующих, обычно предшествующих, предложений того же контекста. Он считает, что идеологически пристрастная точка зрения выражается не только в использовании определенных структур предложения, но также и в зависимости син-

таксиса и семантики текста. Если мы ввели в текст участника действия, то далее в тексте он может обозначаться с помощью личных местоимений, указательных местоимений или полной повторяющейся или новой дескрипции. Эти и другие поверхностные структуры, используемые в качестве сигналов лежащей в их основе семантической связности, описываются обычно как свойства *когезии*. «В упрощенном виде основное правило семантической связности состоит в том, что предложение А связано с предложением В, если А относится к ситуации или событию, которое является возможным (вероятным, необходимым) условием существования ситуации или события, к которому относится В (или наоборот)» [Дейк 1989: 126]. Стоит отметить, что «семантическая связность зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире» [Там же].

Следующая ступень когнитивного анализа дискурса представлена более высоким или более глобальным уровнем, чем микроуровень слов, предложений и связей между предложениями. Этот уровень, как правило, называется *семантическая макроструктура*. Данный термин показывает общие топики или темы текста и одновременно дает характеристику тому, что можно было бы назвать общей связностью (когерентностью) текста, как и его общим и основным смыслом. *Макроструктуры* выводятся из значений предложений текста по правилам какой-либо (например, лингвистической) теории с помощью операций селекций, обобщения, конструирования. Эта процедура в значительной степени зависит от нашего концептуального знания о мире [Там же].

Как для выражения и организации значений предложений необходима синтаксическая форма, так необходима форма и для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Такой формой является *схематическая суперструктура*. *Схема* может быть задана набором характерных категорий и правил, определяющих порядок следования этих категорий [Там же]. Многие часто используемые типы дискурса демонстрируют присущую им *суперструктуру*, так как это облегчает процессы производства и восприятия текста. «Если, например, мы знаем, что текст, который предстоит воспринять, — рассказ, то можно

активизировать имеющиеся у нас, применительно к нашей культуре знания о схеме рассказа. Это облегчит приписывание особых нарративных функций соответствующим эпизодам текста. Без использования макроструктур и суперструктур нам пришлось бы интерпретировать текст и выявлять его связность только на микроуровне, а построение структур высшего уровня, возможно было бы применительно лишь к отдельно взятому тексту» [Дейк 1989: 129].

Поэтому можно утверждать, что глобальные структуры, отражающие тематическое содержание и схематическую форму, являются значимыми в когнитивном анализе. Макроструктуры выводятся из текста или приписываются на основе наших знаний и убеждений, поэтому эти структуры, конечно, подвержены *межсубъектному варьированию*, ведь информация, являющаяся самой важной для одного человека, может не быть таковой для другого.

Т. А. ван Дейк утверждает, что все структурные уровни текста находятся под влиянием *риторического аспекта*. Как известно, существуют определенные приемы для придания тексту большей убедительности. Обычно их называют *стилистическими приемами* и *фигурами речи*. Среди них хорошо известны *приемы фонологического уровня*, такие как *ассонанс или рифма; синтаксического уровня*, например, *параллелизмы; семантические приемы*, такие как *сравнения или метафоры, гиперболы* [Дейк 1978: 267; 1989: 132].

Таким образом, мы рассмотрели *основные структурные уровни когнитивного анализа дискурса на уровне текста*, руководствуясь научными трудами Т. А. ван Дейка. Представим далее возможности когнитивного анализа дискурса на уровне контекста.

Контекстуальный аспект когнитивного анализа дискурса

Справедливо будет подчеркнуть, что когнитивный анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов. К дискурсу необходимо обращаться с позиций целостного, интегриро-

ванного подхода. Итак, рассмотрим некоторые аспекты связей, существующие между текстом и контекстом.

Различные подходы предлагают разные категории контекстуального анализа. Большинство из них включают категории обстоятельств (settings): *время (time)*, *место (location)*, *событие/действие (event/action)*, *участников (participants)*. Бесспорно, данные категории могут быть вполне релевантными, однако более тщательный анализ рассматривает еще некоторые дополнительные категории, которые представляются очень значимыми [Dijk 2001: 11–15]. Среди них: *сфера деятельности (domain)*, *роли участников дискурса (roles)*, *социальные отношения между участниками (social relations)*.

Рассмотрим далее категорию *сферы деятельности*. Люди, участники коммуникации, должны знать, в какой сфере или области протекает дискурс. Например, политики в парламенте осознают, что их деятельность протекает в сфере политики (политический дискурс), учителя понимают, что их профессиональная деятельность относится к сфере образования (педагогический дискурс). Это означает, что и учителя, и политики будут выбирать языковые средства в соответствии со сферой своей деятельности. На более общем уровне мы можем говорить о *формальной/публичной (public sphere)* и *неформальной/личной сферах (private sphere)* [Ibid: 11].

Следующим шагом в сложной системе контекстуального анализа, по мнению Т. А. ван Дейка, является необходимость признания *участников* процесса создания/потребления дискурса социальными субъектами (social actors) и членами определенных социальных групп [Дейк 1989: 136]. Они являются представителями социума, наиболее близко располагающимися к самому сообщению, так как именно они создают и интерпретируют тексты. Деятельность этих социальных субъектов, их социокультурная активность, общность убеждений или идеологии дают возможность соотнести тексты дискурса с процессами их производства и потребления. Связь между текстами дискурсов и контекстом определяется на уровне социальной деятельности и социальных знаний, включенных в процесс обработки этих текстов [Там же: 138].

Как известно, участники коммуникации могут выступать в разных ролях, и эти роли могут влиять на производство и понимание дискурса. По мнению Т. А. ван Дейка, уместно обратиться к *трем типам ролей: коммуникативным ролям* (communicative roles), *ролям взаимодействия* (interactional roles) и *социальным ролям* (social roles). Участникам коммуникации необходимо ассоциировать себя и других участников с производителями или же потребителями сообщения для осознания своей коммуникативной роли. Роли взаимодействия определяют различные ситуационные позиции участников по отношению друг к другу, такие как: *враг—друг, оппонент—союзник*.

Социальные роли связаны с принадлежностью к той или иной социальной группе по этническому, половому, возрастному, политическому, профессиональному и прочим признакам. Очевидно, что эти роли могут комбинироваться друг с другом. Допустим, депутат может выступать как производитель речи в парламенте, одновременно являясь оппонентом правительства, быть при этом женщиной, членом консервативной партии и т. д. [Dijk 2001: 11–12].

Очень важной категорией контекста являются *социальные отношения между участниками коммуникации*. На более общем уровне можно говорить о формальных/неформальных отношениях или об отношениях превосходства власти на более детальном уровне рассмотрения, которые могут быть выражены во многих аспектах речи: *интонации, синтаксисе, лексике, семантике, прагматике* (например, в командах) и т. д. [Ibid: 11].

Итак, мы определили, что *контекстуальные категории* обстоятельств, сферы деятельности, роли участников и типы взаимодействия между ними обуславливают в определенной мере сам текст. Однако *структура контекста* не ограничивается лишь этими категориями. К контексту также относятся некоторые когнитивные характеристики участников, такие как: *их цели, убеждения, мнения*. Когнитивные характеристики участников являются важным компонентом их социального облика. Без учета этого аспекта мы не сможем описать или объяснить процессы убеждения, передачи информации, способы выражения идеоло-

гии и т. п. [Дейк 1989: 138]. Если не принимать во внимание этот аспект, мы не сможем понять, почему люди совершают то или иное действие. Другими словами, когнитивный аспект коммуникации занимает значительное место в контекстуальном анализе.

Среди когнитивных характеристик участников дискурса Т. А. ван Дейк выделяет *идеологию, знания и отношения* как наиболее существенные составляющие когнитивного облика. Так, идеология выражается в определенных идеях, которые можно назвать системой верований и убеждений. Важно подчеркнуть, что мы имеем дело не с личными убеждениями, а убеждениями, разделяемыми определенной социальной группой. *В основании убеждений лежит определенная идеология.* Например, в основании убеждений о сексуальном домогательстве лежит феминистская идеология. Идеология в какой-то степени также контролирует *знания*, разделяемые группой. Мы рассматриваем знания как социальные верования, признанные истинными в рамках какой-либо социальной группы, будь то группы ученых или членов церкви. Конечно, для других групп эти знания могут не являться истинными, поэтому термин *знания* присвоен этому понятию очень условно [Dijk 2001: 40].

Термин «отношения» используется для обозначения убеждений по отношению к какому-либо конкретному объекту. Люди могут иметь разные отношения к тем или иным вопросам, проблемам, существующим в обществе, например к эвтаназии, наркотикам, смертной казни и т. п. Отношения взаимообуславливаются знаниями, а также могут зависеть от идеологии: так, негативное отношение к иммиграции может базироваться на расистской идеологии. Все эти составляющие когнитивного облика участников представляется возможным обозначить общим термином «*знание*» [Ibid: 20–25].

Это общее «*знание*» не является аморфным, утверждает Т. А. ван Дейк, оно организовано в концептуальные системы [Дейк 1989: 16]. Т. А. ван Дейк склонен описывать данные схемы под термином *фрейм*. Понятие «фрейм» используется главным образом в работах по искусственному интеллекту и когнитивной психологии, особенно после имевшей большой резонанс работы М. Минского [1979: 3–152]. Это понятие, варианты которого

обсуждались под названиями «скрипты», «сценарии», «схемы». Предшественником в области исследования по представлению знания, необходимого для решения таких задач, как представление и восприятие знаний, был Ф. Бартлетт [Минский 1979: 3–152], который сам использовал термин «схема». В работе Р. Шанка и Р. Абельсона [Schank, Abelson 1977: 4–208] можно найти обсуждение сходных понятий, встречающихся в исследованиях по искусственному интеллекту.

По Т. А. ван Дейку, фреймы «не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Во-первых, они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу, поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является “характерным” или “типичным”. Это особенно касается некоторых форм социальной деятельности, таких как посещение кинотеатра, поездки на поезде, обед в ресторане» [Дейк 1989: 16].

Лингвистический энциклопедический словарь определяет *фреймы* как « *типовые ситуации*» [ЛЭС⁸ 1990: 136–137]. Стереотипные, присущие какой-либо культуре социальные ситуации могут быть представлены в памяти в форме фреймов таким образом, что люди могут общаться на основе этого общего знания. Подобные фреймы относительно постоянны, поскольку они часто используются членами социума. Если в системе нашей культуры есть фрейм о супермаркете, приводит пример Т. А. ван Дейк, то этот фрейм направляет наши намерения и наши действия в супермаркете или понимание того, что там происходит [Дейк 1978]. Понимание дискурса может предположительно включать в себя *общее содержание фрейма*; это содержание может, таким образом, частично подразумеваться, как это происходит, например, с информацией о том, что в супермаркете можно купить различные продовольственные и промышленные товары, что там есть

⁸ ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь.

специальные тележки для покупок, в которые можно отбирать товар самому и после этого оплачивать его у кассира.

Следовательно, исходя из вышеизложенных положений, можно заключить, что:

- дискурс — это междисциплинарное понятие, использующееся в различных науках и имеющее различные интерпретации в зависимости от того или иного подхода, концепции ученого;
- современный метод когнитивного анализа дискурса — это особый подход к анализу дискурса, в основе которого структура текста определяется характером контекста;
- дискурс — это некое единство языковых и когнитивных структур;
- метод когнитивного анализа дискурса имеет два аспекта — *текстуальный* и *контекстуальный*. *Текстуальный анализ дискурса* включает рассмотрение языковых структур на всех уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом, лексическом, макроструктурном. *Контекстуальный анализ дискурса* включает рассмотрение всех экстралингвистических факторов: времени, места, сферы деятельности, участников дискурса, их социальных ролей, характера их взаимоотношений и когнитивных характеристик участников дискурса.

3.2. Общее описание исследуемого материала

Целью данного параграфа являются проведение когнитивно-дискурсивного анализа британских, американских и немецких публичных политических речей (850 политических речей общим объемом в 3700 страниц), а также их сопоставление, отражающее когнитивные аспекты и способствующее установлению сходств и различий в данных политических дискурсах.

Среди рассматриваемых нами публичных речей:

- 250 речей британских премьер-министров;
- 350 речей американских президентов (из них 25 инаугурационных речей, произносимых при вступлении президентов в должность);
- 250 речей немецких федеральных президентов и канцлеров.

Произнесенные публичные речи входят в следующие временные рамки:

- речи британских премьер-министров (с начала XX века и до наших дней);
- речи американских президентов (с начала XX века и до наших дней);
- речи немецких федеральных президентов и канцлеров (со второй половины XX века и до наших дней).

Исходя из теоретических положений, а именно из вышепредставленной нами когнитивной модели политического дискурса, видится целесообразным интерпретировать политическую речь с помощью когнитивно-дискурсивного анализа по следующим критериям:

1. *Общая характеристика* британского, американского и немецкого политического дискурса. Сюда будут также относиться: *характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

2. *Характеристика коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристика языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

4. *Характеристика эксплицитности и имплицитности* в британском, американском и немецком политическом дискурсе.

Проведение когнитивно-дискурсивного анализа по данным критериям способствует, на наш взгляд, детальному изучению специфики публичной политической речи и исследованию в ее рамках соответствующих когнитивных аспектов.

3.2.1. Когнитивно-дискурсивный анализ британской публичной политической речи

Целью данного подпункта является проведение когнитивно-дискурсивного анализа на материале британских публичных политических речей.

В качестве материала исследования для нас послужил публичный политический дискурс премьер-министров Великобритании XX века.

В целом нами рассматривались публичные выступления следующих политических деятелей:

Arthur James Balfour (*Артур Джеймс Бальфур*) —
правление (1902–1905)

Henry Campbell-Bannerman (*Генри Кэмпбелл-Баннерман*) —
правление (1905–1908)

Herbert Henry Asquith (*Герберт Генри Асквит*) —
правление (1908–1916)

David Lloyd George (*Дэвид Ллойд Джордж*) —
правление (1916–1922)

Andrew Bonar Law (*Эндрю Бонар Ло*) —
правление (1922–1923)

Stanley Baldwin (*Стэнли Болдуин*) —
правление (1924–1929)

James Ramsay MacDonald (*Джеймс Рамсей Макдональд*) —
правление (1929–1935)

Neville Chamberlain (*Невилл Чемберлен*) —
правление (1937–1940)

Winston Churchill (*Уинстон Черчилль*) —
правление (1940–1945)

Clement Richard Attlee (*Клемент Ричард Эттли*) —
правление (1945–1951)

Robert Anthony Eden (*Роберт Антони Иден*) —
правление (1955–1957)

Harold Macmillan (*Гарольд Макмиллан*) —
правление (1957–1963)

Alexander Douglas-Home (*Александр Дуглас-Хьюм*) —
правление (1963–1964)

Harold Wilson (*Гарольд Вильсон*) —
правление (1964–1970)

Edward Richard Heath (*Эдвард Ричард Хит*) —
правление (1970–1974)

James Callaghan (*Джеймс Каллагэн*) —
правление (1976–1979)

Margaret Thatcher (*Маргарет Тэтчер*) —
правление (1979–1990)

John Major (*Джон Мейджор*) —
правление (1990–1997)

Anthony Charles Lynton Blair (*Энтони Чарльз Линтон Блэр*) —
правление (1997–2007)

В нашем исследовании мы остановимся на детальном рассмотрении и анализе только некоторых публичных речей премьер-министров, которые, на наш взгляд, являются весьма значимыми в политической жизни Великобритании XX века.

Итак, приступим к когнитивно-дискурсивному анализу британского публичного политического дискурса:

1. *Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

Исследуя публичный дискурс премьер-министров Великобритании, мы руководствовались следующими критериями для описания политических деятелей как языковой личности, которые предлагаются Ю. Н. Карауловым:

1) *степень сложности восприятия дискурса* (здесь нами учитываются такие составляющие дискурса, как объем, наличие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, ясность идей говорящего, значимость темы для слушающих);

2) *глубина и точность отражения действительности* (здесь нами отмечаются констатация фактов, реакция говорящего на события, освещается содержание дискурса);

3) *определенная целевая направленность дискурса* (здесь нами выделяются призыв говорящего (политика) к какому-нибудь действию, информирование о каких-либо событиях, пояснение чего-либо) [Караулов 2002].

Данные критерии можно проследить наиболее наглядно на конкретных примерах публичных речей британских политических деятелей (см. табл. 1).

Таблица 1

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
I. Речь Н. Чемберлена о германском вторжении в Польшу, 1 сентября 1939 года	Речь воспринимается достаточно легко, высоко актуальна	Речь Н. Чемберлена соответствует действительности, констатирует факты агрессии со стороны фашистского правительства	Говорящий призывает граждан к противостоянию фашистскому правительству, мобилизации населения Великобритании
II. Речь У. Черчилля о советско-германской войне, 22 июня 1941 года	Речь, несмотря на достаточно большой объем, воспринимается легко, предельно доступна и ясна мысль оратора	У. Черчилль очень ярко выражает свою ненависть к фашизму, оценивая сложившуюся ситуацию в мире	Говорящий призывает население к уничтожению А. Гитлера и фашистского правительства
III. Фултонская речь У. Черчилля, 5 марта 1946 года	Речь воспринимается достаточно тяжело из-за своего объема и политических идей У. Черчилля, но является очень актуальной и своевременной	У. Черчилль в послевоенное время озадачивается проблемой безопасности англоязычного мира	Призыв к более плотному союзнчеству Великобритании и США из-за боязни к возросшей мощи СССР, призыв к усилению ООН
IV. Отрывок из речи Э. Идена, посвященной объединению Германии, 1 февраля 1956 года	Речь воспринимается легко, так как является достаточно краткой и лаконичной. Четкость изложения, доступность для большинства слушателей	Э. Иден констатирует факты, подчеркивает необходимость воссоединения Германии, его речь отражает сложившуюся ситуацию в Германии после мировой войны	Призыв к воссоединению Германии и защите Берлина в интересах стабильности мира

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
V. Речь Г. Вильсона, обращенная к гражданам Северной Ирландии, 25 мая 1974 года	Речь воспринимается довольно тяжело из-за витиеватости мысли и идей Г. Вильсона, которые касаются политических отношений между Великобританией и Северной Ирландией	Г. Вильсон констатирует наличие сложившегося кризисного положения внутри Северной Ирландии, обусловленного безработицей	Призыв к поддержке бедствующего населения Северной Ирландии, призыв к созданию общественной демократии благодаря демократическим выборам ассамблеи и конституционному правительству
VI. Речь Дж. Каллагэна («Британия сегодня»), 14 сентября 1976 года	Речь является достаточно объемной и тяжелой для восприятия	Речь Дж. Каллагэна касается существующих экономических проблем в индустриальном мире, проблем безработицы и внешнего сотрудничества между государствами	Призыв к сотрудничеству экономических систем Великобритании и Канады, решение проблем импорта и экспорта
VII. Речь М. Тэтчер о европейской архитектуре, 15 мая 1992 года	Речь является очень большой по объему, сложной для восприятия из-за чрезмерной аналитики говорящим предыдущих лет и исторически накопленного Европой опыта	М. Тэтчер констатирует факты и аргументирует те или иные исторические события, анализирует их и говорит о вытекающих из них последствиях	Призыв к устойчивости экономики в Европе, сохранению идей демократии и политической стабильности

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
VIII. Речь Дж. Мейджора о его отставке, 2 мая 1997 года	Речь является краткой, доступной для восприятия для большинства слушающих благодаря четкости и простоте мысли говорящего	Дж. Мейджор говорит о своих заслугах перед народом Великобритании, своем добросовестном отношении к правительственным делам	Призыв к будущему правительству работать в интересах нации и сохранения имеющейся уже в наличии успешной экономики
IX. Речь Т. Блэра об антирасизме в спортивной кампании, 2 декабря 1997 года	Речь воспринимается достаточно легко, мысль говорящего предельно ясна слушающим	Речь Т. Блэра затрагивает проблемы расизма в спорте, особенно в футболе, игре столь горячей любимой англичанами	Призыв к антирасизму, воспитанию в школах у детей терпимости к людям с другим цветом кожи
X. Речь Т. Блэра (церемония прибытия в Белый дом), 5 февраля 1998 года	Речь воспринимается достаточно легко, прослеживается четкость мысли говорящего	Речь Т. Блэра соответствует современной действительности, основывается на тесном сотрудничестве Великобритании и США	Призыв к модернизации Великобритании и США в подготовке к новому тысячелетию, к совместному противостоянию тирании С. Хусейна

Таким образом, в вышеприведенной табл. 1 на основе определенных критериев мы попытались описать и пояснить публичный политический дискурс британских премьер-министров, охарактеризовав их как языковые личности.

При характеристике политического деятеля как языковой личности также важно проследить такое его качество, как *толе-*

*рантность*⁹ (в данном случае оно нас интересует как коммуникативный феномен (поведение личности на публике: сдержанность, тактичность, отсутствие агрессивных высказываний в чей-либо адрес)). С лингвистической точки зрения, толерантность проявляется в использовании лексики с положительным денотатом и коннотатом, апелляции к вечным ценностям, использовании модальных конструкций и эвфемизмов.

Так, например, принцип толерантности проявляется в следующих публичных речах:

- *Речь Н. Чемберлена о германском вторжении в Польшу, 1 сентября 1939 года.*
- *Фултонская речь У. Черчилля, 5 марта 1946 года.*
- *Отрывок из речи Э. Идена, посвященной объединению Германии, 1 февраля 1956 года.*
- *Речь Г. Вильсона, обращенная к гражданам Северной Ирландии, 25 мая 1974 года.*
- *Речь Дж. Каллагэна («Британия сегодня»), 14 сентября 1976 года.*
- *Речь М. Тэтчер о европейской политической архитектуре, 15 мая 1992 года.*
- *Речь Дж. Мейджора об его отставке, 2 мая 1997 года.*
- *Речь Т. Блэра (церемония прибытия в Белый дом), 5 февраля 1998 года.*

Рассмотрим *речь Т. Блэра*¹⁰ *об антирасизме в спортивной кампании, 2 декабря 1997 года*, которая является ярким образцом и в которой четко звучит призыв к толерантности в отношении людей с другим цветом кожи. Т. Блэр побуждает общество к принятию определенных мер относительно расизма, проблемы столь щепетильной и волнующей всю современную Европу. Он выглядит достаточно корректным, пытаясь вызвать у публики определенные положительные эмоции и найти решение существующему конфликту среди людей с разным цветом кожи в современном обществе и спорте:

⁹ См. подробнее работы О. А. Михайловой (2003; 2004), В. В. Панина (2004).

¹⁰ См. прил. 1 настоящей монографии.

<p>1. ...Sport — and particularly football — <u>is the international language</u>. ... In the past the <u>cancer of racism has too often scarred our game</u> — the sound of <u>revolting monkey chanting</u> whenever a black player got the ball. Bananas thrown on the pitch. Black players and fans <u>verbally intimidated</u>...</p>	<p>Здесь наблюдается контраст при представлении явлений. Расизм предстает как абсолютное зло при привлечении концептуальных метафор: расизм = болезнь, расизм = мир грубых животных, что находит дискурсивное выражение в подчеркнутых фразах. Как это ни парадоксально, прагматически этот отрывок дискурса маркирован как толерантно ориентированный, и не только из-за словосочетания <u>the international language</u>. — По своей цели весь отрывок является <u>призывом к толерантности, расизм в нем представлен как абсолютное зло</u></p>
<p>2. ...<u>That has now changed for the better</u> and the Campaign <u>is to be applauded for helping to make a difference</u>. <u>The racist's moronic chanting is no longer tolerated on the terraces</u>. The campaign shows what can be achieved when clubs, the football authorities and the fans themselves unite in a common cause...</p>	<p>Здесь наблюдается семантическое и дискурсивное развитие идеи толерантности при использовании коннотативно положительной лексики. Единственная лексема с отрицательной коннотацией moronic = very stupid уже не принадлежит к полю «абсолютное зло». Мы наблюдаем, как само словоупотребление у Т. Блэра работает на пропаганду идеи толерантности</p>
<p>3. ...But we would be wrong to think that racism has totally disappeared from the game. It may be less overt, but it is still there — outside grounds, in the pub or at park level. There <u>is still more work to be done</u>. We can never be complacent. Fascist parties with their vile views still see some football grounds as <u>breeding places</u> for their organisations...</p>	<p>Т. Блэр далее использует чисто британскую риторику при построении речей, т. е. аргументацию, риторические уступки. Особое значение для развития идеи толерантности имеет концептуальная метафора: футбольное поле = питомник (инкубатор)</p>

<p>4. ...Just about every team in the country has a <u>black</u> player but there are still far too few <u>black</u> and Asian faces in the crowd. We may have done much to eliminate racism on the terraces but we have to ask whether they still do not come to matches because they feel the atmosphere is too intimidating. <u>It is something that needs to be worked on...</u></p>	<p>С точки зрения современных требований политкорректности, Т. Блэр не совсем толерантен, поскольку он употребляет прилагательное black (а не Afro-American). С другой стороны, в таком конкретном дискурсивном употреблении проявляется одно из основных правил британской риторики и этики — избегание эффемизмов. В этом просматривается определенное дискурсивное и этически обусловленное различие в подходе к самой идее политкорректности между британскими и американскими политическими деятелями¹¹</p>
<p>5. ...That is why today's schools initiative is so important. <u>By educating our youngsters</u> on why people become racist and teaching them how to <u>tackle prejudice we can make them ambassadors of tolerance in the future...</u></p>	<p>Здесь наблюдается переход от использования нейтрально-маркированной лексики к возвышенной, включающей использование библейских конструкций, что обладает особым прагматическим эффектом и нацелено риторически воздействовать на слушающих</p>
<p>6. ...I am proud of the multi cultural society we live in where all have a part to play. I am proud to lead a Government that believes that <u>nobody should be shut out from society's mainstream. A fairer, more tolerant, more inclusive Britain</u> is in the interests of all of us. And there can be <u>no better way to break down barriers than through sport. The project is an important part of this year's European Year against Racism.</u> I look forward to hearing about the winning entries next year...</p>	<p>Риторика постепенно нарастает и становится возвышенной к концу речи, что нацелено на полное усвоение идеи толерантности</p>

¹¹ См. подробнее работу В. В. Панина (2004).

Хочется особо отметить следующую речь, где принцип толерантности в некоторой степени нарушается говорящим по каким-либо причинам.

Например, *речь У. Черчилля¹² о советско-германской войне, 22 июня 1941 года*, которая свидетельствует о лютой ненависти говорящего к А. Гитлеру и фашистской Германии, что, с одной стороны, вполне справедливо и оправдано, но, с другой — является ярчайшим примером выражения недовольства на ту самую захватническую агрессию, которую проповедовала фашистская Германия против всей Европы. У. Черчилль яростно демонстрирует на публике свою ненависть к А. Гитлеру и его окружению, вызывая у нее определенные негативные эмоции и побуждая к действию:

<p>1. ...Hitler is <u>a monster of wickedness, insatiable in his lust for blood and plunder...</u> ...and jackal, Mussolini...</p>	<p>Здесь наблюдается дискурсивная реализация когнитивной метафоры¹³: политика = мир зверей, при дальнейшем синекдохическом развитии политический деятель = злобный хищник; дискурсивными маркерами метафоры являются лексемы из семантического поля «чудовище–хищник»</p>
<p>2. ...Not content with <u>having all Europe under his heel or else terrorized into various forms of abject submission, he must now carry his work of butchery and desolation</u> among the vast multitudes of Russia and of Asia...</p>	<p>Здесь наблюдается дальнейшее дискурсивное развитие когнитивной метафоры при наложении ассоциативного поля «деятельность мясника»</p>
<p>3. ...The Nazi regime ...<u>excels in all forms of human wickedness, in the efficiency of its cruelty and ferocious aggression...</u></p>	<p>Дальнейшая детализация при дискурсивной метафоризации лексем <u>wickedness, cruelty, ferocity</u>, которые принадлежат к семантическому полю <u>butchery</u> и образуют метонимическую цепочку, о которой говорил Жак Деррида¹⁴</p>

¹² См. прил. 1 настоящей монографии.

¹³ См. подробнее работу А. П. Чудинова (2001).

¹⁴ См. подробнее работу Н. Н. Белозеровой, Л. Е. Чуфистовой (2004).

<p>4. ... We have but one aim and one single irrevocable purpose. We are resolved to <u>destroy Hitler and every vestige of the Nazi regime</u>. From this nothing will turn us. <u>Nothing</u>. We will never parley; <u>we will never negotiate with Hitler or any of his gang</u>. We shall fight him by land; we shall fight him by sea; we shall fight him in the air, until, with God's help, <u>we have rid the earth of his shadow and liberated its people from his yoke...</u></p>	<p>Здесь наблюдается привлечение единиц интертекста (библейские аллюзии, обладающие всеми характеристиками библейского стиля, т. е. возвышенная риторика, использование лексем из верхнего регистра, использование синтаксических параллелизмов, включающих модальный глагол волеизъявления). Очевидно, что привлекаются все риторические средства воздействия, от грамматических до семантических. Интертекстуальная основа интегрирует прагматическую сторону дискурса</p>
<p>5. ... Any man or State who fights against Nazism will have our aid. <u>Any man or State who marches with Hitler is our foe</u>. This applies not only to organized States but to all representatives of that <u>vile race of Quislings¹⁵ who make themselves the tools and agents of the Nazi regime</u> against their fellow-countrymen and against the lands of their births. <u>These Quislings, like the Nazi leaders themselves</u>, if not disposed of by their fellow-countrymen, which would save trouble, <u>will be delivered by us on the morrow of victory to the justice of the Allied tribunals</u>. That is our policy and that is our declaration...</p>	<p>У. Черчилль дискурсивно развивает сложный метафорический концепт: политик = враг = хищник = злодей. Он остается в пределах отмеченной выше библейской интертекстуальной риторики, т. е. использует все виды параллелизмов, возвышенных лексических регистров (<u>will be delivered by us on the morrow of victory to the justice of the Allied tribunals</u>). Особое прагматическое значение имеет аллюзия на политического деятеля-предателя (Квислинга) и использование его имени как нарицательного во множественном числе</p>

¹⁵ Born July 18, 1887, Fyresdal, Nor.

Died Oct. 24, 1945, Akershus Fortress, Oslo.

Norwegian army officer whose collaboration with the Germans in their occupation of Norway during World War II established his name as a synonym for "traitor".

<p>6. It follows, therefore, that we shall give whatever help we can to Russia and to the Russian people. We shall appeal to all our friends and Allies in every part of the world <u>to take the same course and pursue it as we shall, faithfully and steadfastly to the end...</u></p>	<p>Здесь работает на убеждение неожиданная перемена фокуса — выражение готовности помочь России, а на толерантность — сохранившаяся библейская риторика</p>
---	---

Таким образом, речь У. Черчилля не соответствует установленным принципам толерантности, но это вполне оправдано, учитывая сложившееся на тот момент военное положение во всем мире.

Проследим далее на примерах некоторые наиболее часто встречаемые когнитивно-речевые стратегии в публичном дискурсе премьер-министров Великобритании.

Quisling entered the army in 1911 and served as military attaché in Petrograd (St. Petersburg; 1918–1919) and in Helsinki (1919–1921). He assisted in relief work in Russia under the famous Arctic explorer and humanitarian Fridtjof Nansen and later for the League of Nations. In the absence of diplomatic relations between Britain and Soviet Russia, he represented British interests at the Norwegian legation in Moscow (1927–1929). As minister of defense in an agrarian government (1931–1933), he gained notoriety for repressing a strike by hydroelectrical workers. He resigned from the government in 1933 to form the fascist Nasjonal Samling (National Union) Party, which stood for suppression of Communism and unionism, but he never gained a seat in the Storting (parliament).

At a meeting with Adolf Hitler in December 1939, Quisling urged a German occupation of Norway; after the German invasion of April 1940, he proclaimed himself head of the government. Although his regime came under widespread bitter attack and collapsed within a week, he continued to serve in the occupation government and was named “minister president” in February 1942 under Reich commissioner Josef Terboven.

Quisling’s attempts to convert the church, schools, and youth to National Socialism aroused fervent Norwegian opposition. He was held responsible for sending nearly 1,000 Jews to die in concentration camps. After the liberation of Norway in May 1945, he was arrested, found guilty of treason and other crimes, and executed [Encyclopedia Britannica Deluxe 2004].

1. Обобщение

- I. Речь Н. Чемберлена: ...What was the reply of the German Government? The reply was that...
- II. Речь У. Черчилля: ...Thus was repeated on a far larger scale the same kind of outrage against...
- III. Речь У. Черчилля: ...Now, while still pursuing the method of realising our overall strategic concept, I come to the crux of what I have travelled here to say...
- IV. Речь Э. Идена: ...We shall continue... to regard any attack against Berlin from any quarter as an attack upon our forces and ourselves...
- V. Речь Г. Вильсона: ...What has been achieved in Northern Ireland these last two years provides hope for its future...
- VI. Речь Дж. Каллагэна: ...This extended visit of mine is intended to symbolise...
- VII. Речь М. Тэтчер: ...Today I want to do exactly that. In particular, I shall try to answer three questions...
- VIII. Речь Дж. Мейджора: ...All of those I think are benevolent improvements in the interests of all of the people of this country...
- IX. Речь Т. Блэра: ...I am proud of the multi cultural society we live in where all have a part to play...
- X. Речь Т. Блэра: ...As the next few days unfold, I know that the ties between us will strengthen further...

2. Приведение примера

- I. Речь Н. Чемберлена: ...Eighteen months ago in this House I prayed that...
- II. Речь У. Черчилля: ...In the first of these intense turning points... ..The second was... ..The third turning point was... ..The fourth is now upon us...
- III. Речь У. Черчилля: ...At the end of the fighting last June, the American and British Armies withdrew westwards...
- IV. Речь Э. Идена: ...as we have stated in the past...
- V. Речь Г. Вильсона: ...In the years before 1970 the then Conservative opposition supported the action...

- VI. Речь Дж. Каллагэна: *...This is well illustrated by your expected membership of the Security Council of the United Nations next year...*
- VII. Речь М. Тэтчер: *...In 1947, after travelling through Europe in that terrible winter, when everything froze over, George C. Marshall...*
- VIII. Речь Дж. Мейджора: *...I have been a Member of Parliament for 18 years...*
- IX. Речь Т. Блэра: *...In the past the cancer of racism has too often scarred our game...*
- X. Речь Т. Блэра: *...Bill Clinton has in his time said some very kind things about me...*

3. Поправка

- I. Речь Н. Чемберлена: *...I do not propose to say many words tonight...*
- II. Речь У. Черчилля: *...I have taken occasion to speak to you tonight because we have reached one of the climacterics of the war...*
- III. Речь У. Черчилля: *...I seem to have heard of it before...*
- IV. Речь Э. Идена: *...we agree that so long as it remains divided...*
- V. Речь Г. Вильсона: *...We have made clear as a government, and we speak for the overwhelming majority of the House of Commons...*
- VI. Речь Дж. Каллагэна: *...It gives us the opportunity of saying thank you to many people in different provinces of this, the second largest country in the world...*
- VII. Речь М. Тэтчер: *...We in Great Britain had not suffered nearly as badly as our continental neighbours, because we had, even in 1900, almost no peasants: nonetheless we had, in the 1930's...*
- VIII. Речь Дж. Мейджора: *...I said most of what I wish to say when I had the opportunity of speaking last evening...*
- IX. Речь Т. Блэра: *...That is why today's schools initiative is so important...*

- X. Речь Т. Блэра: ...I was honoured to accept your invitation to make an official visit to Washington, and I am delighted to be here...

4. Усиление

- I. Речь Н. Чемберлена: ...the responsibility for this terrible catastrophe lies on the shoulders of one man, ...who has not hesitated to plunge the world into misery...
- II. Речь У. Черчилля: ...Hitler is a monster of wickedness, insatiable in his lust for blood and plunder.
- III. Речь У. Черчилля: ...It is a solemn moment for the American Democracy...
- IV. Речь Э. Идена: ...to regard any attack against Berlin from any quarter as an attack upon our forces and ourselves...
- V. Речь Г. Вильсона: ...unemployment is traditionally one of the greatest social evils...
- VI. Речь Дж. Каллагэна: ...This particularly struck me today...
- VII. Речь М. Тэтчер: ...It was a prodigious success...
- VIII. Речь Дж. Мейджора: ...The economy is booming, interest rates are low and inflation is low and unemployment is falling...
- IX. Речь Т. Блэра: ...Sport — and particularly football — is the international language...
- X. Речь Т. Блэра: ...We must also work together to move forward the Middle East Peace Process...

5. (Очевидные) уступки

- I. Речь Н. Чемберлена: ...In these circumstances it appears to the Governments of the United Kingdom and France... to Poland to come to her assistance...
- II. Речь У. Черчилля: ...I gave him warnings, as I have given warnings to others before...
- III. Речь У. Черчилля: ...I can therefore allow my mind...
- IV. Речь Э. Идена: ...and therefore alone entitled to speak as the representative of the German people in international affairs...

- V. Речь Г. Вильсона: ...We stand by, as our predecessors stood by...
- VI. Речь Дж. Каллагэна: ...Coming to our own affairs, I do not see in any way that Britain's membership of the European Community has weakened our relationships with Canada...
- VII. Речь М. Тэтчер: ...The Germans are therefore right to be increasingly worried about...
- VIII. Речь Дж. Мейджора: ...Perhaps, there are just one or two things it would be appropriate to add this morning...
- IX. Речь Т. Блэра: ...That has now changed for the better and the Campaign is to be applauded for helping to make a difference...
- X. Речь Т. Блэра: ...Today, as Prime Minister, I know and value your concern, and your support, as we work towards a lasting and peaceful settlement...

6. Повтор

- I. Речь Н. Чемберлена: ...In these circumstances there is only one course open to us... ...In these circumstances it appears to the Governments...
- II. Речь У. Черчилля: ...Any man or State who fights against Nazism... ...Any man or State who marches with Hitler...
- III. Речь У. Черчилля: ...what is actually happening to millions now ... and what is going to happen in this period...
- IV. Речь Э. Идена: ...the Government of the Federal Republic of Germany as the only German Government...
- V. Речь Г. Вильсона: ...We stand by, as our predecessors stood by — and still stand by the decision...
- VI. Речь Дж. Каллагэна: ... our nuclear engineering; our medical and scientific instrumentation; our computer manufacturing; our off-shore oil technology; and our agricultural machinery...
- VII. Речь М. Тэтчер: ...I would be proud of the magnificent achievement of rebuilding my country... ...I would also be worried about the European Community and its direction...

- VIII. Речь Дж. Мейджора: *...I have been a member of Parliament for 18 years. I have been a member of the Government for 14 years...*
- IX. Речь Т. Блэра: *...I am proud of the multi cultural society we live in where all have a part to play. I am proud to lead a Government...*
- X. Речь Т. Блэра: *...because we want to modernise our countries in preparation for the new Millennium; because we believe in freedom, in fairness; because we want greater prosperity for our people...*

7. Контраст

- I. Речь Н. Чемберлена: *...As long as that Government exists and pursues the methods it has so persistently followed during the last two years, there will be no peace in Europe...*
- II. Речь У. Черчилля: *...Any man or State who fights against Nazism will have our aid. Any man or State who marches with Hitler is our foe.*
- III. Речь У. Черчилля: *...When I stand here this quiet afternoon I shudder to visualise what is actually happening to millions now and what is going to happen in this period when famine stalks the earth...*
- IV. Речь Э. Идена: *...so long as it remains divided, there can be no genuine and stable peace...*
- V. Речь Г. Вильсона: *...As this holiday weekend begins, Northern Ireland faces the gravest crisis in her history...*
- VI. Речь Дж. Каллагэна: *...Misinformed people talk of decline but let me speak of achievements...*
- VII. Речь М. Тэтчер: *...I would be proud — proud but also worried...*
- VIII. Речь Дж. Мейджора: *...I have been a member of Parliament for 18 years... I shall, therefore, advise my parliamentary colleagues that...*
- IX. Речь Т. Блэра: *...That has now changed for the better... The racist's moronic chanting is no longer tolerated on the terraces...*

Х. Речь Т. Блэра: *...We have stood together before in the face of tyranny. Today, in the face of Saddam Hussein, we must stand together once more. We want a diplomatic solution to the crisis...*

Рассмотренные на примерах когнитивно-речевые стратегии говорящего имеют свое дискурсивное значение, а также, как и толерантность, характеризуют британских премьер-министров как языковых личностей.

Приступим далее к следующему этапу когнитивно-дискурсивного анализа британских публичных политических речей, проиллюстрируем его наглядно на примере одной из 250 проанализированных нами политических речей. Данный этап включает в себя следующие аспекты:

2. *Характеристику коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристику языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

Публичная речь Н. Чемберлена¹⁶

<i>Контекстуальный анализ</i>	
1. Время	1 сентября 1939 года
2. Место	Великобритания
3. Событие/ действие	Вторжение немецких войск в Польшу. Обращение премьер-министра Н. Чемберлена к правительству и населению Великобритании с целью оказания помощи Польше: <i>...His Majesty's Government in the United Kingdom will without hesitation fulfill their obligations to Poland...</i>
4. Сфера деятельности	Публичное выступление перед населением Великобритании (содержит понятную широким массам информацию — агрессия Германии против Польши; война; вооруженный конфликт)

¹⁶ См. прил. 1 настоящей монографии — речь Н. Чемберлена о германском вторжении в Польшу, 1 сентября 1939 года.

5. Участники	Н. Чемберлен выступает в качестве адресанта, а население Великобритании является его прямым адресатом
6. Роли участников	<u>Коммуникативная роль говорящего</u> : выражается как посредством личного местоимения в единственном числе “I”, так и личным местоимением во множественном числе “we”. Это говорит о том, что говорящий высказывается как за себя, так и за свою страну: <i>...I do not propose...; I am accordingly to inform...; We have no quarrel...; We are resolved that...</i> <u>Социальная роль говорящего</u> проявляется в объединении общества в единое целое
7. Социальные отношения	Социальные отношения предстают как официальные, информативные, формальные, не предполагающие панибратства и фамильярности
8. Когнитивные характеристики участников	Воздействие говорящего на общественное сознание с целью противостояния фашистской Германии

При текстуальном анализе британских, американских и немецких публичных политических речей мы ограничиваемся лишь синтаксическим и лексическим уровнями языка, поскольку они вызывают особый интерес с точки зрения когнитивно-коммуникативной прагматики.

Публичная речь Н. Чемберлена

Текстуальный анализ	
1. Синтаксис предложения:	
<i>Полные неэллиптические предложения</i>	Их полная доминанция в речи. Например: <i>The time has come when action rather than speech is required...</i> <i>No man can say that the Government could have done more to try to keep open the way for an honorable and equitable settlement of the dispute between Germany and Poland...</i>

Эллиптические предложения	Фактически отсутствуют, большая редкость. Например: <i>So much for the immediate present.</i>
Активный залог, прямой порядок слов I / We+Verb	<i>I fear... I should feel clearer... I prayed... I do not suggest... We have also taken... We shall merely pass... We took further steps...</i>
Обращение как элемент предложения	Обращение к населению адресуется косвенно через обращение к стране, к его превосходительству, к правительству его Величества и т. д. Например: <i>...to ask <u>this country</u> to accept the awful arbitrament of war...; ...I am accordingly to inform <u>your Excellency</u>...; ...to give <u>His Majesty's Government</u> satisfactory assurances...</i> или же обращение происходит путем объединения власти и населения в единое целое с помощью личного местоимения <i>we</i> , например: <i>...How do <u>we</u> stand this time?</i>
2. Семантика и лексика:	
Употребление личных, притяжательных, указательных местоимений	Наиболее часто встречаются личные местоимения: <i>I, me, we, us, they, them</i> , например: <i>I do today...; I cannot wish...; a burden should fall upon <u>me</u>...; the responsibility might not fall upon <u>me</u>...; <u>we</u> ordered...; <u>we</u> shall stand...; one course open to <u>us</u>...; <u>they</u> insisted...; <u>they</u> represent...; to oppose <u>them</u> by force...; реже встречаются притяжательные (<i>my, our, their</i>) и указательные (<i>that — those, this — these, such</i>) местоимения: <i>my duty...; our manpower...; their forces...; that appeal...; other than those...; this last warning...; these circumstances...; such a burden...</i> Данные местоимения в политической речи служат, с одной стороны, как средства связности, с другой — как средства обозначения участников дискурса</i>
«Внутренние» предикаты (модальные предикаты)	Рассматривая семантику предикатов данной речи, представляется целесообразным отметить предикаты, относящиеся непосредственно к премьер-министру как к самостоятельному субъекту, выраженному личным местоимением “I”

	<p>Как правило, это так называемые «внутренние предикаты» [Новикова-Грунд 2000: 82], с которыми аудитории легче отождествлять себя, например: <i>I fear...; I prayed...; I do not suggest...</i> Кроме того, значительная часть предикатов носит модальный оттенок: <i>I may not be able to avoid...; I cannot wish...; I am accordingly to inform...</i> В данном случае модальные предикаты отражают отношение говорящего к содержанию высказывания (действительности)</p>
<p><i>Доминирующие лексические единицы, имеющие отношение к политике</i></p>	<p>Responsibility (ответственность), Country (страна), Government (правительство), United Kingdom (Соединенное Королевство), Chancellor (канцлер), Ambassador (посол), Obligation (обязательство), Army (армия), Royal Air Force (Британские военно-воздушные силы), Royal Navy (Британский военно-морской флот), Civil Defense (гражданская оборона) и т. д.</p>
<p><i>Лексические единицы с положительной/отрицательной коннотациями</i></p>	<p>honorable and equitable settlement (благородное и равноправное урегулирование), good faith (честные намерения), fullest justification (полнейшее оправдание)//(the awful arbitrament of war (ужасный арбитраж войны), burden (бремя), dispute (конфликт, ссора), terrible catastrophe (ужасная катастрофа), aggressive act (агрессивный акт)</p>

Таким образом, мы наглядно попытались отразить, как возможно исследовать британскую публичную политическую речь с помощью контекстуального и текстуального анализов, которые, в свою очередь, являются важной составляющей когнитивно-дискурсивного анализа и способствуют выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Перейдем к следующему аспекту нашего анализа:

4. Эксплицитность и имплицитность в британском политическом дискурсе.

Под *интенцией* мы понимаем коммуникативное, речевое намерение, цель высказывания (коммуникантов) говорящего.

Интенция может выражаться в высказывании эксплицитно (наглядно, открыто) и имплицитно (завуалированно, скрыто).

Рассмотрим, как проявляются эксплицитность и имплицитность в политическом дискурсе на примере речи Н. Чемберлена.

<i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i>	<i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i>
<p><i>Полная рекуррентция</i> (оба элемента коннектора речи состоят из одинаковых слов), например: ...using <u>force</u>...; ...by <u>force</u>...; ...to avoid that <u>responsibility</u>...; ...the <u>responsibility</u> for this terrible catastrophe...</p> <p><i>Неполная рекуррентция</i> (общая корневая морфема, но разные слова), например: ...documents are being made <u>public</u>...; ...the Polish Government had already said <u>publicly</u>...</p>	<p><i>Эллиптические связи</i> (наличие грамматической имплицитности, когда в одном или нескольких предложениях пропущены те или иные компоненты с целью экономии используемых средств и времени). Например: ...There are, however, <u>certain categories of service</u> in which men are immediately required, both for Military and Civil Defense. <u>These</u> (имеются в виду — <i>certain categories of service</i>) will be announced in detail through the press and the BBC...; или ...<u>there is</u> today no need to make an appeal in a general way... (т. е. имеется в виду оборот <i>there is</i>), когда звучит предложение: So much for the immediate present...</p>
<p><i>Общие координатные связи</i> (указывают на местоположение объекта речи), например: to hand to the German Government <u>the following</u> document...</p>	<p><i>Обобщение</i> (данный речевой ход побуждает слушающего зачастую предельно сконцентрироваться и в общих чертах уловить мысль говорящего, поскольку именно при обобщении подводится некий итог высказыванию). При этом говорящий может открыто поставить перед аудиторией вопрос, чтобы привлечь сначала ее внимание, а затем уже дать свой обобщающий ответ. Например, ...<i>What was the reply of the German Government? The reply was that...</i></p>

<i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i>	<i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i>
<p><i>Конъюнкция</i> (отношение аддитивности событий), например ...German troops crossed the Polish frontier this morning at dawn <u>and</u> are since reported to be bombing open towns...; ...an honorable <u>and</u> equitable settlement...; ...we have <u>also</u> taken...; ...steps have <u>also</u> been taken...</p>	<p><i>Приведение примера</i> (данный речевой ход является показателем того, что говорящий руководствуется какими-либо событиями, фактами, предшествующими происходящей действительности, или же личным опытом, своими наблюдениями, которые на имплицитном уровне могут положительно или отрицательно воздействовать на слушающих). Например, ...<i>Eighteen months ago in this House I prayed that...</i></p>
<p><i>Дизъюнкция</i> (выбор одного из событий/бъектов), например: ...I do not suggest that it is likely to be <u>otherwise</u>...</p>	<p><i>Поправка</i> (данный речевой ход является формульной и риторической стратегией, неким пояснением, разъяснением или донесением до публики какой-либо информации). Например, ...<i>I do not propose to say many words tonight...</i></p>
<p><i>Контраюнкция</i> (противопоставление двух сосуществующих событий), например: <u>But</u>, at any rate, I cannot wish...</p>	<p><i>Усиление</i> (данный речевой ход также является формульной стратегией, нацеленной на лучший и более эффективный контроль над вниманием слушающего, зачастую усиление происходит за счет сообщения говорящим какой-либо негативной информации). Например, ...<i>the responsibility for this terrible catastrophe lies on the shoulders of one man, ..., who has not hesitated to plunge the world into misery...</i></p>
<p><i>Субординация</i> (одно явление поставлено в зависимость от другого), например: ...The time has come <u>when</u> action rather than speech is required...</p>	<p><i>(Очевидные) уступки</i> (данный речевой ход отражает условное обобщение информации говорящим, который идет на какие-либо уступки, демонстрируя реальную или воображаемую терпимость и сочувствие к объекту речи). Например,</p>

<i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i>	<i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i>
<p>...one country <u>after</u> another attacked by methods...; ...no need to make an appeal in a general way for recruits <u>such as</u> was issued by Lord Kitchener...</p>	<p>...<i>In these circumstances it appears to the Governments of the United Kingdom and France ...to Poland to come to her assistance...</i></p>
	<p><i>Повтор</i> (данный речевой ход в своих функциях достаточно схож с усилением. Его задача — привлечение внимания слушающих, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значимых тем и т. д.). Например, <i>In these circumstances there is only one course open to us... ...In these circumstances it appears to the Governments...</i></p>
	<p><i>Контраст</i> (данный речевой ход используется говорящим, чтобы привлечь внимание слушающих, вызвать у них определенные эмоции путем противопоставления событий, фактов). Например, <i>...As long as that Government exists and pursues the methods it has so persistently followed during the last two years, there will be no peace in Europe...</i></p>

Рассматривая виды эксплицитных связей в британском политическом дискурсе, мы проследили формальную выраженность элементов языка и связей между ними. Что касается имплицитных видов связей, то здесь наблюдается отсутствие специальных средств для коммуникативного высказывания и распознавания его содержания, общей ситуации речи, общих фоновых знаний участников коммуникации. Они взаимосвязаны с когнитивно-речевыми стратегиями говорящего, с его воздействием на подсознание слушающего.

Таким образом, в данном подпункте исследования нами была предпринята попытка проведения когнитивно-дискурсивного анализа британских публичных политических речей. Полученные результаты анализа послужат нам в дальнейшем для выявления, описания и сопоставления когнитивных аспектов британского, американского и немецкого публичного политического дискурса.

Перейдем к следующему подпункту нашей работы — когнитивно-дискурсивному анализу американских публичных политических речей.

3.2.2. Когнитивно-дискурсивный анализ американской публичной политической речи

Целью данного подпункта является проведение когнитивно-дискурсивного анализа на материале американских публичных политических речей.

В качестве материала исследования для нас послужил публичный политический дискурс президентов США XX века.

Нами рассматривались публичные выступления следующих политических деятелей:

Theodore Roosevelt (*Теодор Рузвельт*) —

правление (1901–1909)

William Howard Taft (*Уильям Ховард Тафт*) —

правление (1909–1913)

Woodrow Wilson (*Томас Вудро Вильсон*) —

правление (1913–1921)

Warren Gamaliel Harding (*Уоррен Гамалиел Гардинг*) —

правление (1921–1923)

Calvin Coolidge (*Калвин Кулидж*) —

правление (1923–1929)

Herbert Clark Hoover (*Герберт Кларк Гувер*) —

правление (1929–1933)

Franklin D. Roosevelt (*Франклин Делано Рузвельт*) —

правление (1933–1945)

- Harry S. Truman** (*Гарри Трумэн*) —
правление (1945–1953)
- Dwight David Eisenhower** (*Дуайт Дэвид Эйзенхауэр*) —
правление (1953–1961)
- John F. Kennedy** (*Джон Фицджеральд Кеннеди*) —
правление (1961–1963)
- Lyndon Baines Johnson** (*Линдон Бейнс Джонсон*) —
правление (1963–1968)
- Richard M. Nixon** (*Ричард Милхаус Никсон*) —
правление (1968–1974)
- Gerald Rudolph Ford** (*Джералд Рудольф Форд*) —
правление (1974–1977)
- Jimmy Earl Carter** (*Джеймс Эрл Картер*) —
правление (1977–1981)
- Ronald Reagan** (*Рональд Уилсон Рейган*) —
правление (1981–1988)
- George Herbert Walker Bush** (*Джордж Герберт Уокер Буш*) —
правление (1988–1992)
- William (Bill) Clinton** (*Уильям (Билл) Клинтон*) —
правление (1992–2000)
- George Walker Bush** (*Джордж Уокер Буш (младший)*) —
правление (2000–2008)

Остановимся на детальном рассмотрении и анализе некоторых публичных речей американских президентов, которые, как нам представляется, являются весьма значимыми в политической жизни США XX века.

Приступим к когнитивно-дискурсивному анализу американского публичного политического дискурса:

1. *Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

Исследуя публичный дискурс президентов США, мы руководствовались следующими критериями для описания политических деятелей как языковой личности, которые можно проследить наглядно на конкретных примерах публичных речей американских политических деятелей (см. табл. 2):

Таблица 2

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
I. Речь Т. Рузвельта («Напряженная жизнь»), 10 апреля 1899 года	Речь воспринимается достаточно легко, мысль говорящего ясна и доступна слушающим	Речь Т. Рузвельта соответствует действительности, подчеркиваются значимость и могущество американского народа в истории, стремление играть в мире ведущую роль	Призыв населения к строительству канала, укреплению внешних торговых связей и доминированию в мире
II. Речь В. Вильсона о мексиканских делах, 27 августа 1913 года	Речь воспринимается легко, достаточно лаконична и конкретна	Речь В. Вильсона отражает кризисное внутреннее положение Мексики и ее взаимоотношения с США	Призыв населения и правительства к терпению и временному нейтралитету
III. Речь Ф. Рузвельта («Карантин»), 5 октября 1937 года	Речь, несмотря на большой объем, воспринимается достаточно легко, предельно ясна мысль оратора	Речь Ф. Рузвельта соответствует действительности, подчеркивается политическая ситуация в мире: набирающий обороты террор и захватническая агрессия	Призыв ответственности к участию в поисках мира и принятию дипломатических решений
IV. Речь Г. Трумэна о корейской войне, 27 июня 1950 года	Речь воспринимается легко, прослеживается четкость мысли говорящего	Речь Г. Трумэна свидетельствует о вооруженной агрессии в Корее и участии США в поддержке ООН	Призыв к соблюдению правил безопасности ООН

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
V. Речь с пресс-конференции Д. Эйзенхауэра, 7 апреля 1954 года	Речь воспринимается достаточно легко, прослеживаются логика говорящего и четкость ответов на поставленные вопросы журналистов	Д. Эйзенхауэр комментирует стратегическую значимость Индокитая в международных делах	Говорящий выражает политическую и экономическую заинтересованность США относительно Индокитая
VI. Инаугурационная речь Дж. Кеннеди, 20 января 1961 года	Речь воспринимается немного тяжело из-за достаточно большого объема и обобщающего характера	Дж. Кеннеди в торжественной форме подчеркивает значимость и роль США в мировой политике	Призыв населения США к соблюдению основного принципа демократии — свобода человека и пробуждение в них патриотических чувств
VII. Речь Р. Никсона в Берлине, 27 февраля 1969 года	Речь воспринимается легко. Прослеживаются лаконичность и четкость мысли говорящего	Речь Р. Никсона отражает существующее послевоенное положение Германии, свидетельствует о разделенности Берлина	Призыв к объединению Берлина, выражение одобрения со стороны США
VIII. Речь Дж. Картера к нации, 4 января 1980 года	Речь воспринимается достаточно легко, актуальна и понятна слушающим	Речь Дж. Картера является ярко выраженной реакцией США на вторжение СССР в Афганистан	Информирование населения США об агрессии со стороны СССР к Афганистану, противостоянии США в интересах защиты национальной безопасности и мира

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
IX. Отрывок из речи Р. Рейгана перед немецким Бундестагом, 9 июня 1982 года	Речь воспринимается легко, является торжественной и понятной широким слоям населения	Речь Р. Рейгана отражает отношение США к Германии, к ее политическому устрою	Призыв к дальнейшему сотрудничеству в рамках наций Атлантического альянса
X. Речь Дж. Буша к нации о военных действиях США в Панаме, 20 декабря 1989 года	Речь воспринимается достаточно легко, является актуальной	Речь Дж. Буша свидетельствует о внутреннем конфликте в Панаме и неправомерной деятельности генерала — диктатора М. Нориеги относительно граждан США	Пояснение населению США о причинах вторжения американских войск в Панаму

В вышеприведенной табл. 2 на основе определенных критериев мы попытались описать и пояснить публичный политический дискурс американских президентов, охарактеризовав их как языковые личности.

При характеристике политического деятеля как языковой личности важно проследить такое его качество, как *толерантность*¹⁷.

Так, например, принцип толерантности работает в следующих публичных речах:

- *Речь президента Т. Рузвельта («Напряженная жизнь»), 10 апреля 1899 года.*
- *Речь президента В. Вильсона о мексиканских делах, 27 августа 1913 года.*

¹⁷ См. подробнее работы О. А. Михайловой (2003; 2004), В. В. Панина (2004).

- *Речь президента Г. Трумэна о корейской войне, 27 июня 1950 года.*
- *Речь с пресс-конференции президента Д. Эйзенхауэра, 7 апреля 1954 года.*
- *Инаугурационная речь президента Дж. Кеннеди, 20 января 1961 года.*
- *Речь президента Р. Никсона в Берлине, 27 февраля 1969 года.*
- *Речь президента Дж. Картера к нации, 4 января 1980 года.*
- *Речь президента Р. Рейгана перед немецким бундестагом, 9 июня 1982 года.*
- *Речь Дж. Буша к нации о военных действиях США в Па-наме, 20 декабря 1989 года.*

Рассмотрим речь Ф. Рузвельта¹⁸ («Карантин»), 5 октября 1937 года, в которой четко звучит призыв к толерантности в международных отношениях, подавлению конфликтов путем дипломатических отношений и мирных переговоров. Ф. Рузвельт выглядит достаточно корректным, аргументируя негативные последствия военной агрессии:

<p>1. <u>The peace-loving nations must make a concerted effort in opposition...</u></p>	<p>Ф. Рузвельт использует устоявшийся библеизм для того, чтобы очертить круг ответственных государств и образовать между ними дискурсивные отношения «симпатии» (см. М. Фуко «Порядок дискурса»)</p>
<p>2. Those who <u>cherish</u> their freedom and <u>recognize and respect</u> the <u>equal right</u> of their neighbors <u>to be free and live in peace, must work together</u> for the <u>triumph of law and moral principles in order that peace, justice, and confidence may prevail in the world...</u></p>	<p>Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание выбор глаголов и существительных для позитивного настроения всего обращения. Глаголы <u>cherish</u>, <u>recognize</u> и <u>respect</u> принадлежат к семантическому полю <i>оценки</i>, в частности к подгруппе <i>высочайшей оценки</i>. Соответственно, и существительные обозначают в тексте <i>наивысшие общественные ценности</i>, например: <u>equal right that peace, justice, and confidence</u>. Все это создает особые отношения между автором речи и его слушателями</p>

¹⁸ См. прил. 2 настоящей монографии.

<p>3. There <u>must be a return to a belief in the pledged word, in the value of a signed treaty. There must be recognition of the fact that national morality is as vital as private morality...</u></p>	<p>Здесь, прежде всего, наблюдается выдвижение в центр нескольких основных провозглашенных ценностей американского общества: вера в слово (Божье) и беспрекословное следование закону (договору) и неприкосновенности личности, что составляет основу нравственности нации. Синтаксический параллелизм усиливает воздействие на аудиторию</p>
<p>4. It is my determination <u>to pursue a policy of peace and to adopt every practicable measure to avoid involvement in war.</u></p>	<p>Эти заключительные высказывания свидетельствуют о единстве настроения аудитории и президента сопротивляться вовлечению в любые военные действия. Риторические фигуры, используемые для этого, восходят к риторике первых президентов США, чьи речи были построены на библейской риторике</p>

Таким образом, речь Ф. Рузвельта соответствует установленным принципам толерантности, что вполне оправдано, поскольку любые военные действия всегда имеют негативные последствия в мире.

Проследим далее на примерах некоторые наиболее часто встречаемые когнитивно-речевые стратегии в публичном дискурсе президентов США:

1. Обобщение

- I. Речь Т. Рузвельта: *The work must be done; we cannot escape our responsibility...*
- II. Речь В. Вильсона: *Meanwhile, what is it our duty to do? Clearly, everything that we do must be rooted...*
- III. Речь Ф. Рузвельта: *Most important of all...*
- IV. Речь Г. Трумэна: *The United States will continue to uphold the rule of law*
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: *So, the possible consequences of the loss are...*
- VI. Речь Дж. Кеннеди: *The world is very different now...*

- VII. Речь Р. Никсона: Berlin must remain free...
- VIII. Речь Дж. Картера: The United States will meet its responsibilities...
- IX. Речь Р. Рейгана: the American commitment to Europe remains steady and strong...
- X. Речь Дж. Буша: The United States is eager to work with the Panamanian people...

2. Приведение примера

- I. Речь Т. Рузвельта: In 1898 we could not help...
- II. Речь В. Вильсона: The present circumstances of the Republic...
- III. Речь Ф. Рузвельта: The present reign of terror and international lawlessness began a few years ago...
- IV. Речь Г. Трумэна: The attack upon Korea makes it plain... that communism has passed beyond the use of subversion to conquer independent nations...
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: Asia, after all, has already lost some 450 million of its peoples...
- VI. Речь Дж. Кеннеди: the same solemn oath our forebears prescribed nearly a century and three quarters ago...
- VII. Речь Р. Никсона: Four Presidents before me have held to this principle...
- VIII. Речь Дж. Картера: The 17 million tons of grain ordered by...
- IX. Речь Р. Рейгана: over the past 30 years...
- X. Речь Дж. Буша: At this moment, U.S. forces, including forces deployed from the United States last night...

3. Поправка

- I. Речь Т. Рузвельта: all these, of course, shrink from seeing the nation undertake its new duties...
- II. Речь В. Вильсона: I deeply regret to say...
- III. Речь Ф. Рузвельта: It is my determination...
- IV. Речь Г. Трумэна: Accordingly I have ordered...
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: Well, I don't know, of course, exactly...

- VI. Речь Дж. Кеннеди: *This much we pledge and more...*
- VII. Речь Р. Никсона: *I do not say this in any spirit of bravado or belligerence.*
- VIII. Речь Дж. Картера: *I come to you this evening to discuss...*
- IX. Речь Р. Рейгана: *Let me assure you that...*
- X. Речь Дж. Буша: *I want to tell you what I did and why I did it.*

4. Усиление

- I. Речь Т. Рузвельта: ...*to be a really great people...*
- II. Речь В. Вильсона: *Those conditions touch us very nearly...*
- III. Речь Ф. Рузвельта: *The political situation ... has been growing progressively worse...*
- IV. Речь Г. Трумэна: *Communist forces would be a direct threat...*
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: *we simply can't afford greater losses...*
- VI. Речь Дж. Кеннеди: *tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace...*
- VII. Речь Р. Никсона: *I bring this message from the heart of America...*
- VIII. Речь Дж. Картера: *the extremely important and rapidly changing circumstances...*
- IX. Речь Р. Рейгана: *a cathedral of democracy — a great and glorious testament to your ideals.*
- X. Речь Дж. Буша: *General Noriega's reckless threats and attacks upon Americans...*

5. (Очевидные) уступки

- I. Речь Т. Рузвельта: ... *If we are to be a really great people, we must strive in good faith to play a great part in the world*
- II. Речь В. Вильсона: *It is now our duty ... to enable the people of Mexico to set their affairs in order again...*
- III. Речь Ф. Рузвельта: *If civilization is to survive the principles ... must be restored.*

- IV. Речь Г. Трумэна: *In these circumstances I have ordered United States air and sea forces...*
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: *with respect to the first one...*
- VI. Речь Дж. Кеннеди: *ask not what America will do for you, but what together we can do for the freedom of man...*
- VII. Речь Р. Никсона: *Our commitment to the freedom of Berlin has never been more steady, never more firm than it is today...*
- VIII. Речь Дж. Картера: *Although the United States would prefer not to withdraw from the Olympic games scheduled in Moscow this summer...*
- IX. Речь Р. Рейгана: *if you'll work toward explaining the U.S. role to people on this side of the Atlantic, I'll explain it to those on the other side...*
- X. Речь Дж. Буша: *The United States is eager ...to rebuild their economy. The Panamanian people want democracy, peace...*

6. Повтор

- I. Речь Т. Рузвельта: *The timid man, the lazy man, the man who distrusts his country, the overcivilized man, who has lost the great fighting, masterful virtues, the ignorant man, and the man of dull mind...*
- II. Речь В. Вильсона: *We have waited many months, months full of peril and anxiety...*
- III. Речь Ф. Рузвельта: *I am compelled and you are compelled...*
- IV. Речь Г. Трумэна: *I have also directed... I have similarly directed...*
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: *you have the specific value... you have the possibility... you have broader considerations...*
- VI. Речь Дж. Кеннеди: *Let both sides explore what problems unite us... Let both sides, ...formulate serious and precise proposals... Let both sides seek to invoke the wonders of science... Let both sides unite...*

- VII. Речь Р. Никсона: *no city in the world has more friends, or more devoted friends...*
- VIII. Речь Дж. Картера: *we will deter aggression, we will protect our Nation's security, and we will preserve the peace...*
- IX. Речь Р. Рейгана: *Europe's shores are our shores. Europe's borders are our borders.*
- X. Речь Дж. Буша: *I salute every one of them and thank them on behalf of our country...*

7. Контраст

- I. Речь Т. Рузвельта: *We of this generation do not have to face a task such as that our fathers faced...*
- II. Речь В. Вильсона: *to serve them without first thinking how we shall serve ourselves...*
- III. Речь Ф. Рузвельта: *In times of so-called peace ships are being attacked and sunk by submarines...*
- IV. Речь Г. Трумэна: *that communism ... will now use armed invasion and war... the Security Council of the United Nations ... to preserve peace and security...*
- V. Речь Д. Эйзенхауэра: *that many human beings pass under a dictatorship that is inimical to the free world...*
- VI. Речь Дж. Кеннеди: *whether it wishes us well or ill...*
- VII. Речь Р. Никсона: *no city in the world has more friends, ..., than has the city of Berlin.*
- VIII. Речь Дж. Картера: *Massive Soviet military forces have invaded the small, nonaligned, sovereign nation of Afghanistan...*
- IX. Речь Р. Рейгана: *Nowhere is that contribution more evident than here in the Federal Republic.*
- X. Речь Дж. Буша: *this dark chapter of dictatorship behind them and move forward together as citizens of a democratic Panama...*

Вышеприведенные когнитивно-речевые стратегии говорящего имеют свое дискурсивное значение, а также, как и толерантность, характеризуют американских президентов как языковых личностей.

Перейдем далее к следующему этапу когнитивно-дискурсивного анализа американских публичных политических речей, проиллюстрируем его наглядно на примере одной из 350 проанализированных нами политических речей. Данный этап включает в себя следующие аспекты:

2. *Характеристику коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристику языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

Публичная речь Ф. Рузвельта¹⁹

Контекстуальный анализ	
1. Время	5 октября 1937 года
2. Место	США
3. Событие/ действие	Ухудшение политической ситуации в мире, назревание вооруженного конфликта. Обращение президента США Ф. Рузвельта к общественности с целью сохранения мира и безопасности, осуждение военных действий: <i>War is a contagion, whether it be declared or undeclared.</i>
4. Сфера деятельности	Публичное выступление перед населением США (информирование о военных последствиях, стремлении их избежать)
5. Участники	Ф. Рузвельт выступает в качестве адресанта, а население США является его прямым адресатом
6. Роли участников	<i>Коммуникативная роль говорящего:</i> выражается посредством личных местоимений: I, you, we. Это говорит о том, что говорящий высказывается как за себя, так и за свой народ: <i>...I am compelled and you are compelled...; we cannot have complete protection...</i> Кроме того, говорящий высказывается за свою страну: <i>America hates war. America hopes for peace.</i> <i>Социальная роль говорящего</i> проявляется в донесении актуальной информации до общественных масс

¹⁹ См. прил. 2 настоящей монографии — речь президента Ф. Рузвельта («Карантин»), 5 октября 1937 года.

7. Социальные отношения	Социальные отношения предстают как официальные, информативные, доверительные, дипломатические
8. Когнитивные характеристики участников	Воздействие говорящего на общественное сознание с целью информирования о поисках мирных решений, противостоянии начавшейся военной агрессии

Публичная речь Ф. Рузвельта

<i>Текстуальный анализ</i>	
1. Синтаксис предложения:	
<i>Полные неэллиптические предложения</i>	Их полная доминация в речи. Например: <i>The peace-loving nations must make a concerted effort in opposition to those violations of treaties... The situation is definitely of universal concern...</i>
<i>Эллиптические предложения</i>	Отсутствие эллиптических предложений
<i>Активный залог, прямой порядок слов I / We+Verb</i>	<i>I am compelled... We are adopting such measures...</i>
<i>Обращение как элемент предложения</i>	Обращение к населению происходит через личное местоимение <i>you</i> : <i>you are compelled...</i> а также косвенно и обобщенно через обращение к стране: <i>America hates war. America actively engages in the search for peace...</i>
2. Семантика и лексика:	
<i>Употребление личных, притяжательных, указательных местоимений</i>	<ul style="list-style-type: none"> • встречаются личные местоимения: <i>I, we, they</i>, например: <i>I am, we cannot, we are, they seek, they want</i>; • встречаются притяжательные (<i>my, their</i>) и указательные (<i>that — those, this, such</i>) местоимения: <i>my determination, their neighbors, their freedom, their wealth, that national morality, this modern era, this Western Hemisphere, those ignorings, those violations, such upheavals</i>. Данные местоимения в политической речи служат, с одной стороны, как средства связности, с другой — как средства обозначения участников дискурса

<p><i>«Внутренние» предикаты (модальные предикаты)</i></p>	<p>Данная речь носит по большому счету информативный характер, поэтому говорящий практически не предстает в качестве субъекта, выраженного личным местоимением “I”. В связи с этим слушающим достаточно затруднительно отождествлять себя с говорящим</p>
<p><i>Доминирующие лексические единицы, имеющие отношение к политике</i></p>	<p>reign (господство), world (мир), peace (мир); nation (нация); civilization (цивилизация), anarchy (анархия); neutrality (нейтралитет), solidarity (солидарность), interdependence (взаимозависимость) и т. д.</p>
<p><i>Лексические единицы с положительной/отрицательной коннотациями</i></p>	<p>to live in peace and amity (жить в мире и дружелибии), innocent people (невинные люди), independent notions (независимые нации)/direct threat (прямая угроза) grave concern and anxiety (серьезная озабоченность и тревога), to conquer (захватывать) и т. д.</p>

Таким образом, мы отразили, как возможно исследовать американскую публичную политическую речь с помощью контекстуального и текстуального анализов, которые, в свою очередь, являются важной составляющей когнитивно-дискурсивного анализа и способствуют выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Перейдем к следующему аспекту нашего анализа:

4. *Эксплицитность и имплицитность в американском политическом дискурсе.*

Рассмотрим, как проявляются эксплицитность и имплицитность в политическом дискурсе на примере речи Ф. Рузвельта.

<p><i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>	<p><i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>
<p><i>Полная рекуррентция</i> (оба элемента коннектора речи состоят из одинаковых слов), например: ...live in <u>peace</u>...; ...hopes for <u>peace</u>... <i>Неполная рекуррентция</i> (общая корневая морфема, но разные слова),</p>	<p><i>Обобщение</i> (данный речевой ход побуждает слушающего зачастую предельно сконцентрироваться и в общих чертах уловить мысль говорящего, поскольку именно при обобщении подводится некий итог высказыванию). Например, ...<i>Most important of all</i>...</p>

<p><i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>	<p><i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>
<p>например: ...<u>unjustified</u>...; ...<u>justification</u>...; ...<u>civilization</u>...; ...<u>civilians</u>...</p>	
<p><i>Конъюнкция</i> (отношение аддитивности событий), например: ...Those who cherish their freedom <u>and</u> recognize <u>and</u> respect the equal right...; ...to pursue a policy of peace <u>and</u> to adopt every practicable measure...</p>	<p><i>Приведение примера</i> (данный речевой ход является показателем того, что говорящий руководствуется какими-либо событиями, фактами, предшествующими происходящей действительности, или же личным опытом, своими наблюдениями, которые на имплицитном уровне могут положительно или отрицательно воздействовать на слушающих). Например, ...<u>The present reign of terror and international lawlessness began a few years ago</u>...</p>
<p><i>Дизъюнкция</i> (выбор одного из событий объектов), например: ...interference in the internal affairs of other nations <u>or</u> the invasion of alien territory...; ...<u>whether</u> it be declared <u>or</u> undeclared...; ...<u>either</u> within nations <u>or</u> between nations...</p>	<p><i>Поправка</i> (данный речевой ход является формульной и риторической стратегией, неким пояснением, разъяснением или донесением до публики какой-либо информации). Например, ...<u>It is my determination</u>...</p>
<p><i>Контраюнкция</i> (противопоставление двух существующих событий), например: ...<u>nevertheless</u>, to look ahead...; ...<u>but</u> we cannot have complete protection...</p>	<p><i>Усиление</i> (данный речевой ход также является формульной стратегией, нацеленной на лучший и более эффективный контроль над вниманием слушающего, зачастую усиление происходит за счет сообщения говорящим какой-либо негативной информации). Например, ...<u>The political situation ...has been growing progressively worse</u>...</p>

<i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i>	<i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i>
<p><i>Субординация</i> (одно явление поставлено в зависимость от другого), например: ...<u>When</u> an epidemic of physical disease starts to spread...; <u>as</u> will minimize our risk of involvement...</p>	<p><i>(Очевидные) уступки</i> (данный речевой ход отражает условное обобщение информации говорящим, который идет на какие-либо уступки, демонстрируя реальную или воображаемую терпимость и сочувствие к объекту речи). Например, ...<u>If civilization is to survive the principles ... must be restored...</u></p>
	<p><i>Повтор</i> (данный речевой ход в своих функциях достаточно схож с усилением. Его задача — привлечение внимания слушающих, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значимых тем и т. д.). Например, ...<u>I am compelled and you are compelled...</u></p>
	<p><i>Контраст</i> (данный речевой ход используется говорящим, чтобы привлечь внимание слушающих, вызвать у них определенные эмоции путем противопоставления событий фактов). Например, ...<u>In times of so-called peace ships are being attacked and sunk by submarines...</u></p>

Рассматривая виды эксплицитных и имплицитных связей американского публичного политического дискурса, мы попытались исследовать его внутреннее содержание, т. е. те значения и смыслы, которые выражает говорящий эксплицитно либо имплицитно.

Таким образом, в данном подпункте исследования нами была также предпринята попытка проведения когнитивно-дискурсивного анализа, но уже американских публичных политических речей. Полученные результаты анализа послужат

нам в дальнейшем для выявления, описания и сопоставления когнитивных аспектов британского, американского и немецкого публичного политического дискурса.

Перейдем далее к следующему подпункту нашей работы — когнитивно-дискурсивному анализу немецких публичных политических речей.

3.2.3. Когнитивно-дискурсивный анализ немецкой публичной политической речи

Целью данного подпункта является проведение когнитивно-дискурсивного анализа на материале немецких публичных политических речей.

В качестве материала исследования для нас послужил публичный политический дискурс федеральных президентов и бундесканцлеров Германии второй половины XX века.

Мы рассматривали публичные выступления следующих политических деятелей:

Федеральные президенты Германии

Theodor Heuss (*Теодор Хейс*) —

правление (1949–1959)

Heinrich Lübke (*Генрих Любке*) —

правление (1959–1969)

Gustav W. Heinemann (*Густав Хайнеманн*) —

правление (1969–1974)

Walter Scheel (*Вальтер Шеель*) —

правление (1974–1979)

Karl Carstens (*Карл Карстенс*) —

правление (1979–1984)

Richard von Weizsäcker (*Ричард фон Вайцзеккер*) —

правление (1984–1994)

Roman Herzog (*Роман Герцог*) —

правление (1994–1999)

Johannes Rau (*Йоханнес Рау*) —

правление (1999–2004)

Horst Köhler (*Хорст Келер*) —

правление (2004–2010)

Федеральные канцлеры Германии

Konrad Adenauer (*Конрад Аденауэр*) —
правление (1949–1963)

Ludwig Erhard (*Людвиг Эрхард*) —
правление (1963–1966)

Kurt Georg Kiesinger (*Курт Георг Кизингер*) —
правление (1966–1969)

Willy Brandt (*Вилли Брандт*) —
правление (1969–1974)

Helmut Schmidt (*Гельмут Шмидт*) —
правление (1974–1982)

Helmut Kohl (*Гельмут Коль*) —
правление (1982–1998)

Gerhard Schröder (*Герхард Шредер*) —
правление (1998–2005)

Остановимся на анализе некоторых публичных речей федеральных президентов и канцлеров, которые, на наш взгляд, являются весьма значимыми в политической жизни Германии второй половины XX века. Приступим к когнитивно-дискурсивному анализу немецкого публичного политического дискурса:

1. *Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

Исследуя публичный дискурс федеральных президентов и канцлеров Германии, мы руководствовались следующими критериями для описания политических деятелей как языковой личности (табл. 3).

Таблица 3

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
I. Речь бундес-канцлера К. Аденауэра	Речь воспринимается достаточно легко,	Речь К. Аденауэра соответствует действитель-	Говорящий информирует население страны

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
о советском проекте мирного договора, 13 января 1959 года	обладает четкой структурированностью и сжатостью	ности, констатирует факты политического и экономического вмешательства СССР во внутреннее устройство Германии	о наиболее существенных пунктах проекта мирного договора, выдвинутого СССР, которые ущемляют права и обязанности населения Германии
II. Речь федерального президента Г. Любке, 31 августа 1961 года	Речь воспринимается легко, является актуальной	Речь Г. Любке свидетельствует о суровом коммунистическом режиме и ужесточенном контроле берлинского сектора	Говорящий порицает действия СССР и выражает стремление населения Германии к свободе
III. Речь бундесканцлера Л. Эрхарда, 10 ноября 1965 года	Речь воспринимается легко, мысль говорящего ясна и доступна для широких масс	Речь Л. Эрхарда свидетельствует об отсутствии единства и сплоченности у населения Германии, разности общественных интересов	Призыв говорящего к формированию единого общества для усиления государства и его дальнейшего успешного развития
IV. Отрывок речи из прощального выступления экс-бундесканцлера Л. Эрхарда, 30 ноября 1966 года	Речь воспринимается легко, прослеживается четкость мысли говорящего	Речь Л. Эрхарда свидетельствует о его уходе в отставку с поста бундесканцлера Германии	Говорящий информирует общественность о своих заслугах перед населением Германии, пытаясь вызвать у нее уважение и почтение в свой адрес

<i>Публичное выступление</i>	<i>Степень сложности восприятия дискурса</i>	<i>Глубина и точность отражения действительности</i>	<i>Определенная целевая направленность дискурса</i>
V. Отрывок из речи бундесканцлера К. Г. Кизингера, 13 декабря 1966 года	Речь воспринимается достаточно легко, конкретна и актуальна	Речь К. Г. Кизингера является его первым публичным заявлением о дальнейших планах работы правительства	Говорящий призывает коалицию к решению следующих задач: порядок общественных бюджетов, бережливое экономическое управление, забота о росте экономики и стабильности валюты
VI. Отрывок из речи бундесканцлера В. Брандта, 28 октября 1969 года	Речь, несмотря на достаточный объем, воспринимается вполне легко, так как прослеживается четкость мысли и формулировка говорящего	Речь В. Брандта отражает его демократические идеи и планы, касающиеся ближайшей политики Германии	Говорящий призывает к порядку внутри страны, говорит о реформах образования, науки и т. д.
VII. Отрывок из речи об отставке бундесканцлера В. Брандта, 8 мая 1974 года	Речь воспринимается достаточно легко, имеет четкую структурированность, сжата и логична	Речь В. Брандта, при сложившихся обстоятельствах отражает причины его вынужденной отставки	Говорящий поясняет населению Германии причины своего ухода и информирует о планах на будущее
VIII. Речь бундесканцлера Г. Шмидта о внутренней безопасности и терроризме, 20 апреля 1977 года	Речь воспринимается легко, мысль говорящего лаконична и ясна	Речь Г. Шмидта посвящена принятию соответствующих мер в борьбе с терроризмом	Говорящий призывает интеллигенцию Германии к воздействию на молодежь и к разъяснению вреда терроризма и его последствий

Публичное выступление	Степень сложности восприятия дискурса	Глубина и точность отражения действительности	Определенная целевая направленность дискурса
IX. Речь федерального президента Х. Келера на форуме работодателей «Экономика и общество», 15 марта 2005 года	Речь воспринимается достаточно тяжело из-за большого объема, а также обсуждаемых экономических проблем	Речь Х. Келера отражает современное экономическое положение Германии и касается тех проблем, которые волнуют немецкое общество	Говорящий поясняет и призывает к борьбе с безработицей, к реформе налоговой системы, сокращению бюрократического аппарата, получению образования и инновациям в области техники и науки
X. Речь бундесканцлера Г. Шредера «Германия на правильном пути — доверие сильным сторонам нашей страны», 7 сентября 2005 года	Речь воспринимается достаточно тяжело, носит характер предвыборных дебатов, эмоциональна и противоречива	Речь Г. Шредера отражает то, что было достигнуто в годы его правления для улучшения экономики и развития Германии	Говорящий аргументирует задачи своей дальнейшей политики в области потребления энергоресурсов, улучшения социальной политики: медицина, пенсия, образование, инвестиции в науку. Критикует оппозицию в лице А. Меркель

Таким образом, на основе определенных критериев мы попытались описать и пояснить публичный политический дискурс немецких федеральных президентов и канцлеров, охарактеризовав их как языковые личности.

Как нами уже отмечалось, при характеристике политического деятеля как языковой личности также важно проследить такое его качество, как *толерантность*²⁰.

²⁰ См. подробнее работы О. А. Михайловой (2003; 2004), В. В. Панина (2004).

Так, например, принцип толерантности работает в следующих публичных речах:

- *Речь К. Аденауэра о советском проекте мирного договора, 13 января 1959 года.*
- *Речь Г. Любке, 31 августа 1961 года.*
- *Речь Л. Эрхарда, 10 ноября 1965 года.*
- *Отрывок из речи К. Г. Кизингера, 13 декабря 1966 года.*
- *Отрывок из речи В. Брандта, 28 октября 1969 года.*
- *Отрывок из речи об отставке В. Брандта, 8 мая 1974 года.*
- *Речь Г. Шмидта о внутренней безопасности и терроризме, 20 апреля 1977 года.*
- *Речь Х. Келера на форуме работодателей «Экономика и общество», 15 марта 2005 года.*
- *Речь Г. Шредера «Германия на правильном пути — доверие сильным сторонам нашей страны», 7 сентября 2005 года.*

Рассмотрим *речь из прощального выступления экс-бундесканцлера Л. Эрхарда*²¹, 30 ноября 1966 года, в которой звучит призыв к толерантности. Л. Эрхард, уходя в отставку, обращается к населению Германии и просит его воздержаться от бурной критики, быть терпимым и понимающим, учитывающим заслуги бывшего правительства. При этом Л. Эрхард мотивируется тем, что годы его правления совпали с тяжелейшим положением Германии на мировой арене:

<p>1. In einer innen- und außenpolitisch <u>so schwierigen Zeit wie der gegenwärtigen...</u></p>	<p>В начале своей речи Л. Эрхард сразу же путем <i>сравнения</i> отмечает сложившуюся тяжелую ситуацию в стране: <i>so schwierigen Zeit wie der gegenwärtigen...</i> Данное эмоциональное высказывание побуждает слушающих отождествить себя с действительностью и провести на имплицитном уровне параллель, вспомнив о более легких для них временах</p>
--	---

²¹ См. прил. 3 настоящей монографии.

<p>2. <u>...dieser Staat, der Ihnen aus dem Chaos heraus Wohlstand und Ordnung gebracht hat, wie es kaum eine andere Regierung in der Welt ihren Bürgern ermöglichen konnte...</u></p>	<p>Здесь наблюдается подчеркивание Л. Эрхардом заслуг государства перед своими гражданами на основе дискурсивного противопоставления: <i>chaos — materielles благополучие + порядок</i>. Употребление сравнения <u>wie es kaum eine andere Regierung in der Welt</u> также свидетельствует о политических заслугах Л. Эрхарда в лице правительства</p>
<p>3. <u>...mit billigsten Vokabeln mehr und mehr zu verleiden versucht wird. Es ist ja so einfach, eine Regierung für jede negative Erscheinung in Deutschland oder in der Welt verantwortlich und damit schlecht zu machen. Aber wie sehr schwer ist es dann, die daraus erwachsenden Folgen wieder gutzumachen...</u></p>	<p>Здесь Л. Эрхард развивает свою мысль, используя важный когнитивно-риторический прием <i>усиление</i>, при этом он употребляет прилагательное в превосходной степени (<i>billigsten</i>), для того чтобы подчеркнуть несдержанность населения и призвать его к толерантности. О призыве к толерантности также свидетельствует яркий <i>контраст</i>: <u>Es ist ja so einfach... schlecht zu machen // Aber wie sehr schwer ist... Folgen wieder gutzumachen...</u></p>

Таким образом, публичная речь Л. Эрхарда является одним из примеров проявления толерантности, свидетельствует о его стремлении погасить недовольство общественности и пробудить в ней терпимость к бывшей власти.

Проследим далее некоторые наиболее часто встречаемые когнитивно-речевые стратегии в публичном дискурсе федеральных президентов и канцлеров Германии:

1. Обобщение

- I. Речь К. Аденауэра: Was ist also das Ziel Sowjetrußlands? Das Ziel ist...
- II. Речь Г. Любке: Das kommunistische System hat damit seine Visitenkarte ausgewechselt...
- III. Речь Л. Эрхарда: Alle Aufgaben, die sich auf diesem Feld stellen...
- IV. Речь Л. Эрхарда: In einer innen- und außenpolitisch so schwierigen Zeit...

- V. Речь К. Г. Кизингера: Die Sorgen vieler gelten den möglichen Gefahren einer Großen Koalition...
- VI. Речь В. Брандта: Unser Volk braucht, wie jedes andere...
- VII. Речь В. Брандта: Dazu bedarf es eines erklärenden Wortes...
- VIII. Речь Г. Шмидта: Wir haben in Wahrheit zwei Aufgaben zu leisten...
- IX. Речь Х. Келера: Auf diese Regeln muss Verlass sein...
- X. Речь Г. Шредера: Die wirtschaftlichen Erfolge sind sichtbar...

2. Приведение примера

- I. Речь К. Аденауэра: Chruschtschow selbst hat ... im Oktober 1958 erklärt...
- II. Речь Г. Любке: ...was sich seit dem 13. August dieses Jahres an der Berliner Sektorengrenze... ereignet hat...
- III. Речь Л. Эрхарда: ...auf dem Weg des bisherigen Erfolges...
- IV. Речь Л. Эрхарда: ...wie es kaum eine andere Regierung in der Welt ihren Bürgern ermöglichen konnte...
- V. Речь К. Г. Кизингера: ...Christlich-Demokratische und Christlich-Soziale Union und die Sozialdemokratische Partei...
- VI. Речь В. Брандта: Ich nenne die Namen Konrad Adenauer, Theodor Heuss und Kurt Schumacher, ...mit denen die Bundesrepublik Deutschland einen Weg zurückgelegt hat, auf den sie stolz sein kann...
- VII. Речь В. Брандта: Am Abend des 6. Mai habe ich dem Bundespräsidenten meinen Rücktritt erklärt...
- VIII. Речь Г. Шмидта: ...in der zweiten Hälfte der 60er Jahre...
- IX. Речь Х. Келера: Vor 50 Jahren hat Ludwig Erhard gesagt...
- X. Речь Г. Шредера: ...was wir von unseren Freunden in Amerika nach dem Zweiten Weltkrieg bekommen haben...

3. Поправка

- I. Речь К. Аденауэра: Es ist klar, ohne unsere Verbündeten sind wir gegenüber Sowjetrußland machtlos...

- II. Речь Г. Любке: *...Mit tiefer Sorge habe ich — wie Sie alle...
verfolgt.*
- III. Речь Л. Эрхарда: *...die ich als Formierte Gesellschaft cha-
arakterisiere...*
- IV. Речь Л. Эрхарда: *Es ist ja so einfach...*
- V. Речь К. Г. Кизингера: *Die Hoffnungen richten sich dar-
auf...*
- VI. Речь В. Брандта: *Wir wollen die demokratische Gesell-
schaft...*
- VII. Речь В. Брандта: *...spreche ich heute Abend zu Ihnen zum
ersten Mal gelöst von der Pflicht des Staatsamtes...*
- VIII. Речь Г. Шмидта: *Wir müssen ihm jeden geistigen Nähr-
boden entziehen...*
- IX. Речь Х. Келера: *Mich beeindruckt die Kraft, die hinter
dieser Antwort steckt.*
- X. Речь Г. Шредера: *Wir haben deutlich gemacht, was...*

4. Усиление

- I. Речь К. Аденауэра: *...politischen Zusammenschluß der
freien Völker zunichte zu machen...*
- II. Речь Г. Любке: *...die Mauern werden ständig höher...*
- III. Речь Л. Эрхарда: *...von einem weltfremden idealtypischen
Menschenbild...*
- IV. Речь Л. Эрхарда: *...bewegt mich die große Sorge...*
- V. Речь К. Г. Кизингера: *...die über eine so große, zwei Drittel
weit übersteigende Mehrheit im Bundestag verfügt...*
- VI. Речь В. Брандта: *...an der Spitze der Reformen...*
- VII. Речь В. Брандта: *...Doch ich warne davor...*
- VIII. Речь Г. Шмидта: *...stärker bewusst zu machen...*
- IX. Речь Х. Келера: *Ich bin zutiefst davon überzeugt...*
- X. Речь Г. Шредера: *Aber keineswegs nur in diesem Punkt...*

5. (Очевидные) уступки

- I. Речь К. Аденауэра: *Wir sind sofort in engste Beratungen
getreten mit unseren Verbündeten...*
- II. Речь Г. Любке: *...trotz aller Schwierigkeiten...*

- III. Речь Л. Эрхарда: ...Wollen wir auf dem Weg des bisherigen Erfolges, des Fortschritts, des politischen und sozialen Friedens bleiben, so muß die deutsche Gesellschaft...
- IV. Речь Л. Эрхарда: Doch gerade in solcher Lage muss sich die innere Stärke einer freiheitlichen Gesellschaft ...erweitern...
- V. Речь К. Г. Кизингера: Zum ersten Mal haben sich die Christlich-Demokratische und Christlich-Soziale Union und die Sozialdemokratische Partei ...zur Bildung einer gemeinsamen Regierung entschlossen...
- VI. Речь В. Брандта: Diese jungen Menschen müssen aber verstehen, dass auch sie gegenüber Staat und Gesellschaft Verpflichtungen haben...
- VII. Речь В. Брандта: Mein Rücktritt geschah aus Respekt vor ungeschriebenen Regeln der Demokratie...
- VIII. Речь Г. Шмидта: Die Intellektuellen in unserer Gesellschaft sollten ...helfen...
- IX. Речь Х. Келера: Wir schaffen es, wenn jeder mitmacht...
- X. Речь Г. Шредера: Deswegen haben wir unverzüglich unsere Hilfe angeboten.

6. Повтор

- I. Речь К. Аденауэра: ...Angriff von Deutschland ... ein deutscher Angriff...
- II. Речь Г. Любке: ...die als letzten Weg in die Freiheit den Weg in den Tod gewählt haben...
- III. Речь Л. Эрхарда: ...Eine so formierte Gesellschaft setzt eine informierte Gesellschaft voraus...
- IV. Речь Л. Эрхарда: ...mit billigsten Vokabeln mehr und mehr zu verleiden versucht wird...
- V. Речь К. Г. Кизингера: ...ein Ereignis, an das sich viele Hoffnungen und Sorgen unseres Volkes knüpfen. Die Hoffnungen richten sich darauf...
- VI. Речь В. Брандта: Die Schule der Nation ist die Schule.
- VII. Речь В. Брандта: ...habe ich dem Bundespräsidenten meinen Rücktritt erklärt... Mein Rücktritt geschah...

- VIII. Речь Г. Шмидта: *...stärker erlebbar, stärker bewusst zu machen...*
- IX. Речь Х. Келера: *...Er braucht Freiheit... Er braucht eine Ordnung...*
- X. Речь Г. Шредера: *Das zeigt, dass wir... Das zeigt im Übrigen, dass wir...*

7. Контраст

- I. Речь К. Аденауэра: *...politischen Zusammenschluß der freien Völker zunichte zu machen, weil die Sowjetunion...*
- II. Речь Г. Любке: *...nicht für jeden endete dieser Versuch glücklich; mindestens drei Menschen, ... mit dem Tode bezahlt...*
- III. Речь Л. Эрхарда: *...des innen- und außenpolitischen Interessenausgleichs beruht...*
- IV. Речь Л. Эрхарда: *Es ist ja so einfach, eine Regierung ... schlecht zu machen. Aber wie sehr schwer ist es dann, die daraus erwachsenden Folgen wieder gutzumachen.*
- V. Речь К. Г. Кизингера: *...den möglichen Gefahren einer Großen Koalition, der nur eine verhältnismäßig kleine Opposition gegenübersteht...*
- VI. Речь В. Брандта: *Wir wenden uns an die im Frieden nachgewachsenen Generationen, die nicht mit den Hypothesen der älteren belastet sind...*
- VII. Речь В. Брандта: *...geheime Papiere durch die Hände des Agenten gegangen sind...*
- VIII. Речь Г. Шмидта: *Zum Ersten... Aber die andere Aufgabe...*
- IX. Речь Х. Келера: *Ohne Verlässlichkeit kein Vertrauen. Ohne Vertrauen kein Aufschwung.*
- X. Речь Г. Шредера: *...im Verhältnis zwischen Deutschland und Russland, im Verhältnis zwischen Europa und Russland...*

Данные когнитивно-речевые стратегии являются важной составляющей частью характеристики политической языковой личности, выражают то или иное дискурсивное значение.

Приступим далее к следующему этапу когнитивно-дискурсивного анализа немецких публичных политических речей, про-

иллюстрируем его наглядно на примере одной из 250 проанализированных нами политических речей. Данный этап включает в себя следующие аспекты:

2. *Характеристику коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристику языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

Публичная речь Г. Шредера²²

<i>Контекстуальный анализ</i>	
1. Время	7 сентября 2005 года
2. Место	Германия
3. Событие/ действие	Предвыборные дебаты, связанные с очередными выборами на пост федерального канцлера. Обсуждение экономических проблем и дальнейших политических перспектив Германии. Критика оппозиции в лице А. Меркель. Г. Шредер дает следующие обещания перед населением: “... Wir werden an der <i>Stabilisierung der Einnahmeseite</i> bei der <i>Krankenkasse</i> , bei der <i>Rente</i> weiterarbeiten. Wir werden weiter daran arbeiten, dass endlich mehr <i>Mittel in die Betreuung unserer Kinder</i> gesteckt werden. Wir werden weiter daran arbeiten, dass endlich <i>mehr in Forschung und Entwicklung</i> sowie <i>in Bildung investiert wird</i> . Wir sind da auf dem richtigen Weg...”
4. Сфера деятельности	Публичное выступление перед населением ФРГ (содержит понятную широким массам информацию — выборы главы правительства, федерального канцлера)
5. Участники	Г. Шредер выступает в качестве адресанта, а население ФРГ является его прямым адресатом

²² См. прил. 3 настоящей монографии — правительственное пояснение бундесканцлера Г. Шредера «Германия на правильном пути — доверие сильным сторонам нашей страны», 7 сентября 2005 года.

6. Роли участников	<i>Коммуникативная роль говорящего</i> ; выражается как посредством личного местоимения в единственном числе “Ich”, так и личным местоимением во множественном числе “Wir”. Это говорит о том, что говорящий высказывается как за себя, так и за свою страну: Ich habe deutlich gemacht... <i>Wir</i> haben die schrecklichen Bilder, denke <i>ich</i> ... <i>Wir</i> sind in der Lage... <i>Социальная роль говорящего</i> проявляется в убеждении общественных масс в правильности проводимой им политики
7. Социальные отношения	Социальные отношения предстают как официальные, деловые, дискуссионные, аргументированные
8. Когнитивные характеристики участников	Воздействие говорящего на общественное сознание с целью быть переизбранным на очередной срок

Публичная речь Г. Шредера

<i>Текстуальный анализ</i>	
1. Синтаксис предложения:	
<i>Полные неэллиптические предложения</i>	Их полная доминанция в речи. Например: <i>Wir stehen deshalb in diesen Tagen in wirklicher Solidarität zu unseren amerikanischen Freunden...</i> <i>In diesem extrem hohen Ölpreis sind 20 bis 30 Dollar pro Barrel an reiner Spekulation enthalten</i>
<i>Эллиптические предложения</i>	Фактически отсутствуют, редкость
<i>Прямой порядок слов:</i> <i>Обратный порядок слов:</i>	<i>Ich beginne mit der Gesundheitspolitik</i> <i>Wir stehen deshalb in diesen Tagen in wirklicher Solidarität...</i> <i>Wir haben medizinische Hilfe zugesagt</i> Deswegen <i>haben wir</i> unverzüglich unsere Hilfe <i>angeboten...</i>

<p><i>Обращение как элемент предложения</i></p>	<p>Обращение к населению адресуется напрямую: <i>Meine sehr verehrten Damen und Herren! Meine Damen und Herren! Liebe Freunde!</i> Или же обращение происходит путем объединения власти и населения в единое целое с помощью личного местоимения <i>wir</i>, например: <i>wir sind mit den Hilfsorganisationen im Gespräch; wir sind bereit</i></p>
<p>2. Семантика и лексика:</p>	
<p><i>Употребление личных, притяжательных, указательных местоимений</i></p>	<p>Наиболее часто встречаются личные местоимения: <i>ich, wir, uns</i>, например: <i>ich bin froh darüber, wir haben dafür gesorgt, uns alle beschäftigt</i>; реже встречаются притяжательные (<i>mein, unser, ihr</i>) и указательные (<i>dieser, jener, solcher</i>) местоимения, например: <i>unsere Leistung, in diesem Zusammenhang, diese Reformen, jene Prozentpunkte</i>. Данные местоимения в политической речи служат, с одной стороны, как средства связности, с другой — как средства обозначения участников дискурса</p>
<p><i>«Внутренние» предикаты (модальные предикаты)</i></p>	<p>Рассматривая семантику предикатов данной речи, представляется целесообразным отметить предикаты, относящиеся непосредственно к премьер-министру как к самостоятельному субъекту, выраженному личным местоимением “I”. Как правило, это так называемые «внутренние предикаты» [Новикова-Грунд 2000: 82], с которыми аудитории легче отождествлять себя, например: <i>ich denke...; ich kenne...; dann höre ich...</i> Кроме того, значительная часть предикатов носит модальный оттенок: <i>Ich darf nicht sagen...; Ich muß sagen...; Dazu muß ich...</i> В данном случае модальные предикаты отражают отношение говорящего к содержанию высказывания (действительности)</p>
<p><i>Доминирующие лексические единицы, имеющие отношение к политике</i></p>	<p><i>Die Stabilisierung</i> (стабилизация), <i>das Land</i> (страна), <i>die Regierung</i> (правительство), <i>die Koalition</i> (коалиция), <i>die Rentenversicherung</i> (пенсионное страхование), <i>die Finanzierungsvorschläge</i> (предложения по финансированию), <i>der Arbeitsmarkt</i> (рынок труда), <i>die Gesellschaft</i> (общество) и т. д.</p>

<p><i>Лексические единицы с положительной/отрицательной коннотациями</i></p>	<p>friedlich lösen (мирно решать); eine Friedensmacht (мирная власть); die wirtschaftlichen Erfolge (экономические успехи)/fürchterliche Naturkatastrophe (ужасная природная катастрофа); die schrecklichen Bilder (ужасные картины); die Klimakatastrophe (климатическая катастрофа)</p>
--	---

Таким образом, мы попытались отразить, как возможно исследовать немецкую публичную политическую речь с помощью контекстуального и текстуального анализов, которые, в свою очередь, являются важной составляющей когнитивно-дискурсивного анализа и способствуют выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Перейдем к следующему аспекту нашего анализа:

4. Эксплицитность и имплицитность в немецком публичном политическом дискурсе.

Рассмотрим далее, как проявляются эксплицитность и имплицитность в политическом дискурсе на примере речи Г. Шредера.

<p><i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>	<p><i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>
<p><i>Полная рекуррентия</i> (оба элемента коннектора речи состоят из одинаковых слов), например: unsere <u>Hilfe</u> angeboten...; und zwar <u>Hilfe</u>...; medizinische <u>Hilfe</u>... <i>Неполная рекуррентия</i> (общая корневая морфема, но разные слова), например: ...mit den <u>Hilfs</u>organisationen im Gespräch; ...umfassend <u>Hilfe</u> zu leisten</p>	<p><i>Эллиптические связи</i> (наличие грамматической имплицитности, когда в одном или нескольких предложениях пропущены те или иные компоненты с целью экономии используемых средств и времени). Например, <i>Dann wird (es) erzählt...</i>; (<i>Es ist</i>) Genau. В данном случае проявляется коммуникативно-прагматическая функция языка</p>
<p><i>Конъюнкция</i> (отношение аддитивности событий), например: ...uns alle beschäftigt <u>und</u> tief betroffen gemacht; ...<i>dazu</i> muß ich wieder einmal...</p>	<p><i>Обобщение</i> (данный речевой ход побуждает слушающего зачастую предельно сконцентрироваться и в общих чертах уловить мысль говорящего, поскольку именно при обобщении подводится некий итог высказыванию).</p>

<p><i>Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>	<p><i>Виды имплицитных связей в политическом дискурсе</i></p>
<p><i>Дизъюнкция</i> (выбор одного из событий/объектов), например: ... einen Rechtsanspruch gibt <u>entweder</u> auf einen Ausbildungsplatz <u>oder</u> auf einen Arbeitsplatz <u>oder</u> auf eine Beschäftigung, die eine Perspektive in Bezug auf Qualifizierung in sich trägt...</p>	<p>Например, <i>Die wirtschaftlichen <u>Erfolge sind sichtbar.</u></i></p> <p><i>Приведение примера</i> (данный речевой ход является показателем того, что говорящий руководствуется какими-либо событиями, фактами, предшествующими происходящей действительности, или же личным опытом, своими наблюдениями, которые на имплицитном уровне могут положительно или отрицательно воздействовать на слушающих). Например, <i>...was wir von unseren Freunden in Amerika <u>nach dem Zweiten Weltkrieg bekommen haben...</u></i></p>
<p><i>Контраюнкция</i> (противопоставление двух сосуществующих событий), например: ...So kann man das <u>doch</u> nicht machen...; ...man muß doch einmal klar aussprechen...; ...<u>nicht nur</u> aus Dankbarkeit für das, was wir von unseren Freunden in Amerika nach dem Zweiten Weltkrieg bekommen haben, <u>sondern...</u>; ...was wir <u>nicht nur</u> in den Vereinigten Staaten von Amerika, <u>sondern</u> weltweit beobachten können...; ... <u>aber</u> es gilt...</p>	<p><i>Поправка</i> (данный речевой ход является формульной и риторической стратегией, неким пояснением, разъяснением или донесением до публики какой-либо информации). Например, <i><u>Wir haben deutlich gemacht, was...</u></i></p>
<p><i>Субординация</i> (одно явление поставлено в зависимость от другого), например: ...Wir werden dies wieder auf die Tagesordnung setzen, <u>weil</u> es eine vernünftige Steuerpolitik ist...; ...<u>dann</u> wird erzählt...</p>	<p><i>Усиление</i> (данный речевой ход также является формульной стратегией, нацеленной на лучший и более эффективный контроль над вниманием слушающего, зачастую, усиление происходит за счет сообщения говорящим какой-либо негативной информации). Например, <i>Aber <u>keineswegs nur</u> in diesem Punkt...</i></p>

Виды эксплицитных связей в политическом дискурсе	Виды имплицитных связей в политическом дискурсе
	<p><i>(Очевидные) уступки</i> (данный речевой ход отражает условное обобщение информации говорящим, который идет на какие-либо уступки, демонстрируя реальную или воображаемую терпимость и сочувствие к объекту речи). Например, <i><u>Deswegen haben wir unverzüglich unsere Hilfe angeboten.</u></i></p>
	<p><i>Поэтор</i> (данный речевой ход в своих функциях достаточно схож с усилением. Его задача — привлечение внимания слушающих, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значимых тем и т. д.). Например, <i><u>Das zeigt, dass wir... Das zeigt im Übrigen, dass wir...</u></i></p>
	<p><i>Контраст</i> (данный речевой ход используется говорящим, чтобы привлечь внимание слушающих, вызвать у них определенные эмоции путем противопоставления событий, фактов). Например, <i><u>...im Verhältnis zwischen Deutschland und Russland, im Verhältnis zwischen Europa und Russland...</u></i></p>

Остановившись на видах эксплицитных и имплицитных связей немецкого публичного политического дискурса, мы попытались рассмотреть его внутреннее содержание, т. е. те значения и смыслы, которые выражает говорящий эксплицитно либо имплицитно.

Таким образом, в данном подпункте исследования мы провели когнитивно-дискурсивный анализ немецких публичных политических речей.

Исходя из полученных результатов нашего когнитивно-дискурсивного анализа, перейдем к выявлению, описанию и сопоставлению когнитивных аспектов британского, американского и немецкого политического дискурса.

3.3. Когнитивные аспекты британского, американского и немецкого публичного политического дискурса: сопоставительный анализ

Целью данного параграфа является сопоставительный анализ британского, американского и немецкого политического дискурса.

Проведенный нами когнитивно-дискурсивный анализ публичных речей премьер-министров Великобритании XX века, президентов США XX века и федеральных президентов и канцлеров Германии способствует выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Итак, на основе когнитивно-дискурсивного анализа политических речей нами были выявлены следующие когнитивные аспекты, объединяющие британский, американский и немецкий политический дискурс и позволяющие установить у него некоторое сходство:

1. *Обращение.*
2. *Эмоциональность.*
3. *Речевые стратегии.*
4. *Целевая направленность.*

1. *Обращение* (говорящего к слушающему, адресату) позволяет установить тесный контакт с аудиторией, способствует отождествлению говорящего со слушающими. Зачастую обращение отражает позитивный настрой говорящего, подчеркивает его умение вести себя на публике, взаимодействовать с ней, привлекать ее внимание.

Исходя из проведенного нами когнитивно-дискурсивного анализа, следует отметить, что британские премьер-министры, обращаясь к публике, зачастую высказываются как за себя, так и за свою страну и за свой народ, используя при этом личные местоимения “I” и “We”, а также прямой порядок слов: *I do not*

propose...; I am accordingly to inform...; We have no quarrel...; We are resolved that...

То же самое касается американских президентов: *I am compelled...; I have ordered...; I have similarly directed...; We have waited many months...; We cannot have complete protection...*

И немецких федеральных президентов и канцлеров, которые используют личные местоимения “Ich” и “Wir”: *Ich habe deutlich gemacht...; Ich bin zutiefst davon überzeugt...; Wir haben die schrecklichen Bilder... ; Wir sind in der Lage...*

Вместе с тем в качестве вступительного или прямого обращения встречаются следующие фразы в британском публичном политическом дискурсе: *Distinguished guests; Ladies and gentlemen; My friends*; в американском публичном дискурсе: *My fellow citizens; My fellow Americans; Ladies and gentlemen; My friends*; в немецком публичном политическом дискурсе: *Meine sehr verehrten Damen und Herren; Meine Damen und Herren; Liebe Freunde*. Данные обращения придают, как правило, дискурсу позитивный настрой, отражают предрасположенность говорящего к коммуникации.

Обращение к публике (адресату) может выражаться политическим деятелем (говорящим) косвенно.

Британский публичный политический дискурс: через обращение к стране, к его Превосходительству, к правительству его Величества и т. д. Например: *...to ask this country to accept the awful arbitrament of war...; ...I am accordingly to inform your Excellency...; ...to give His Majesty's Government satisfactory assurances...*

Американский публичный политический дискурс: через обращение к стране. Например: *... America hopes for peace; America hates war; America actively engages in the search for peace.*

Немецкий публичный политический дискурс: через обращение к стране. Например: *Deutschland in dieser Phase...; ...ist gut für Deutschland...; ...hat Deutschland als eine mittlere Macht positioniert...*

2. *Эмоциональность* (говорящего) — проявление эмоциональности также свойственно для публичного политического

дискурса, это важный когнитивно-риторический аспект, отражающий настроение говорящего, которое, в свою очередь, передается слушающим.

В британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе *эмоциональность* выражается:

1) *соответствующими лексическими единицами с положительными и отрицательными коннотациями:*

- *британский публичный политический дискурс*, например: honorable and equitable settlement (благородное и равноправное урегулирование), good faith (честные намерения), fullest justification (полнейшее оправдание) // (the awful arbitrament of war (ужасный арбитраж войны), burden (бремя), dispute (конфликт, ссора), terrible catastrophe (ужасная катастрофа), aggressive act (агрессивный акт) и т. д.;
- *американский публичный политический дискурс*, например: to live in peace and amity (жить в мире и дружелюбии), innocent people (невинные люди), independent notions (независимые нации) // direct threat (прямая угроза) grave concern and anxiety (серьезная озабоченность и тревога), to conquer (захватывать) и т. д.;
- *немецкий публичный политический дискурс*, например: friedlich lösen (мирно решать), eine Friedensmacht (мирная власть), die wirtschaftlichen Erfolge (экономические успехи) / fürchterliche Naturkatastrophe (ужасная природная катастрофа), die schrecklichen Bilder (ужасные картины), die Klimakatastrophe (климатическая катастрофа) и т. д.;

2) «внутренними» предикатами:

- *британский публичный политический дискурс*, например: *I fear...; I prayed...; I do not suggest...* и т. д.;
- *американский публичный политический дискурс*, например: *I am compelled...; I deeply regret to say...; I believe this partnership...* и т. д.;
- *немецкий публичный политический дискурс*, например: *Ich habe deutlich gemacht...; Ich bin zutiefst davon überzeugt...; Ich sage das nicht...* и т. д.;

3) *модальными глаголами* (они отражают отношение говорящего к содержанию высказывания (действительности)):

- *британский публичный политический дискурс*, например: *I may not be able to avoid...; I cannot wish...; I am accordingly to inform...* и т. д.;
- *американский публичный политический дискурс*, например: *I cannot afford...; I really can't say...; We must have a concert opinion...; We shall yet prove...* и т. д.;
- *немецкий публичный политический дискурс*, например: *Ich darf nicht sagen...; Ich muß sagen...; Dazu muß ich...* и т. д.;

4) *стилистическими средствами: метафорами, эпитетами, сравнениями и т. д.* (на стилистических фигурах политического дискурса мы не останавливались подробно в нашем исследовании, но их можно проследить на анализируемых нами примерах проявления политической толерантности. Смотреть более подробно в нашем исследовании в вышеприведенных подпунктах главы 3).

О наличии эмоций также говорит название жанра политической речи, например: *инаугурационная речь* американских президентов подразумевает *торжественность, возвышенный стиль*. Или же любая *речь об отставке* включает в себе *сожаление* об утраченной возможности править страной.

3. *Речевые стратегии* (говорящего) — как нам удалось проследить на материале исследования, политические деятели Великобритании, США, Германии в своем публичном дискурсе активно используют следующие когнитивно-речевые ходы: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст. Их применение позволяет говорящему взаимодействовать со слушающими, привлекать их внимание и воздействовать на их сознание определенным образом. Поясним еще раз значение указанных и сформулированных нами когнитивно-речевых стратегий в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе (см. примеры в главе 3 настоящей монографии).

Обобщение (данный речевой ход побуждает слушающего зачастую предельно сконцентрироваться и в общих чертах уловить

мысль говорящего, поскольку именно при обобщении подводится некий итог высказыванию). При этом говорящий может открыто поставить перед аудиторией вопрос, чтобы привлечь сначала ее внимание, а затем уже дать свой обобщающий ответ.

Приведение примера (данный речевой ход является показателем того, что говорящий руководствуется какими-либо событиями, фактами, предшествующими происходящей действительности, или же личным опытом, своими наблюдениями, которые на имплицитном уровне могут положительно или отрицательно воздействовать на слушающих).

Поправка (данный речевой ход является формульной и риторической стратегией, неким пояснением, разъяснением или донесением до публики какой-либо информации).

Усиление (данный речевой ход так же является формульной стратегией, нацеленной на лучший и более эффективный контроль над вниманием слушающего, зачастую усиление происходит за счет сообщения говорящим какой-либо негативной информации).

Очевидные уступки (данный речевой ход отражает условное обобщение информации говорящим, который идет на какие-либо уступки, демонстрируя реальную или воображаемую терпимость и сочувствие к объекту речи).

Повтор (данный речевой ход в своих функциях достаточно схож с усилением. Его задача — привлечение внимания слушающих, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значимых тем и т. д.).

Контраст (данный речевой ход используется говорящим, чтобы привлечь внимание слушающих, вызвать у них определенные эмоции путем противопоставления событий, фактов).

4. *Целевая направленность* (публичного политического дискурса) предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение определенной информации слушающим, затрагивающей их общественные интересы и ценности (безопасность, свобода, благосостояние нации). При когнитивно-дискурсивном анализе нами учитывались следующие критерии: призыв говорящего

(политика) к какому-нибудь действию, информирование о каких-либо событиях, пояснение чего-либо.

Вместе с тем на основе наших наблюдений и проведенного когнитивно-дискурсивного анализа удалось установить некоторые различия в том, как данные когнитивные аспекты проявляются в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе.

На наш взгляд, наиболее ярко *обращение* (говорящего к слушающим) прослеживается в речах американских президентов, особенно в инаугурационных речах, в которых принципы демократии и свободы населения всегда играли главенствующую роль. Американские президенты в общении с публикой в основном предстают как люди из народа, живущие их интересами и верующими в Бога. Тогда как премьер-министры Великобритании и федеральные канцлеры Германии предстают, прежде всего, как первые и главные лица своих правительств. Они более сдержанны и вынуждены соблюдать некую дистанцию, держать себя в соответствующих рамках.

В отличие от британского и американского публичного политического дискурса, немецкий политический дискурс в целом более конкретен, сжат. Часто прослеживается четкость формулировок и идей говорящего. С другой стороны, немецкий политический дискурс более сложен и самобытен. Это обусловлено структурой языка, архитектурной построения предложений.

Целевая направленность политического дискурса исторически также проявляется достаточно по-разному. То есть британцев в основном заботило благосостояние нации, для американцев важны принципы личной свободы и борьба за мировое господство. Для немцев после Второй мировой войны главным стали объединение Германии и слияние общества в единое целое, создание нового конкурентоспособного государства с развитой экономикой.

Таковы основные особенности выявленных и рассмотренных нами когнитивных аспектов британского, американского и немецкого публичного политического дискурса.

Выводы по главе 3

В данной главе нашего исследования мы остановились на проведении когнитивно-дискурсивного анализа британских, американских и немецких публичных политических речей (850 политических речей общим объемом в 3700 страниц), а также их сопоставлении, отражающем когнитивные аспекты и способствующем установлению сходств и различий в данных политических дискурсах.

Когнитивно-дискурсивный анализ осуществлялся нами по следующим критериям:

1. *Общая характеристика* британского, американского и немецкого политического дискурса. *Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

Данный критерий помог нам охарактеризовать британских, американских и немецких политических деятелей как языковые личности, на основе анализируемого материала нам удалось установить некоторые принципы проявления толерантности в политическом дискурсе. Кроме того, политическую языковую личность значительно характеризуют когнитивно-речевые стратегии, которые отражают определенные интенции говорящего. Среди них можно выделить рассмотренные нами когнитивно-речевые стратегии: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст.

2. *Характеристика коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристика языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

На данном этапе когнитивно-дискурсивного анализа мы провели контекстуальный и текстуальный анализы публичного политического дискурса. При текстуальном анализе британских, американских и немецких публичных политических речей мы ограничились лишь синтаксическим и лексическим

уровнями языка, поскольку они вызывают особый интерес с точки зрения когнитивно-коммуникативной прагматики. На основе этих анализов мы получили необходимые данные, способствующие выявлению, описанию и сопоставлению когнитивных аспектов британского, американского и немецкого публичного политического дискурса.

4. *Эксплицитность и имплицитность* в британском, американском и немецком политическом дискурсе.

При исследовании проявления эксплицитности и имплицитности в публичном политическом дискурсе нами учитывались, прежде всего, существующие виды эксплицитных и имплицитных связей. Рассматривая виды эксплицитных связей в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе, мы проследили формальную выраженность элементов языка и связей между ними. Что касается имплицитных видов связей, то для них характерно отсутствие специальных средств для коммуникативного высказывания и распознавания его содержания, общей ситуации речи, общих фоновых знаний участников коммуникации. Мы соотнесли имплицитность с когнитивно-речевыми стратегиями говорящего, с его интенциями и воздействием на подсознание слушающего.

Проведенный нами когнитивно-дискурсивный анализ публичных речей премьер-министров Великобритании XX века, президентов США XX века и федеральных президентов и канцлеров Германии второй половины XX века способствовал выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

Нами были выявлены и сопоставлены следующие когнитивные аспекты, объединяющие британский, американский и немецкий публичный политический дискурс и позволяющие установить у него некоторые сходства и различия:

1. *Обращение.*
2. *Эмоциональность.*
3. *Речевые стратегии.*
4. *Целевая направленность.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время в лингвистике активно используется когнитивный подход к языку, который открывает широкий спектр возможностей и позволяет исследователям взглянуть на те или иные существующие явления в языке совершенно под другим углом зрения, а именно с точки зрения познавательных (когнитивных) механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека.

Кроме того, в связи с расширением и возрастанием роли средств массовой информации в современном мире усилились политическое воздействие и манипуляция общественным сознанием. Политизация общественных масс, а именно *политический дискурс* (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), становится неотъемлемым компонентом «информационной жизни» человека. Поэтому анализ политического дискурса, как мы считаем, необходим для изучения его внутреннего содержания, его истинных интенций (т. е. всего того, что обеспечивает понимание речи и существующих намерений политического деятеля), которые заключаются в его публичных высказываниях.

В настоящей работе нами была предпринята попытка выявления и сопоставления особенностей реализации когнитивных аспектов в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе.

В ходе работы нами уточнялись теоретические основы, понятия и методы исследования в когнитивной лингвистике, коммуникативной прагматике и теории дискурса.

Нами исследовалось такое понятие, как «политический дискурс», была предпринята попытка разработки и применения его когнитивной модели.

В результате мы разработали эффективную методологию, выявили соответствующие критерии и провели когнитивно-дискурсивный анализ британских, американских и немецких публичных политических речей.

Когнитивно-дискурсивный анализ осуществлялся нами по следующим критериям:

1. *Общая характеристика* британского, американского и немецкого политического дискурса. *Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность) // характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.*

При описании политических деятелей как языковой личности нами учитывались следующие критерии:

- степень сложности восприятия дискурса;
- глубина и точность отражения действительности;
- определенная целевая направленность дискурса.

2. *Характеристика коммуникативно-прагматического пространства (контекста), т. е. контекстуальный анализ.*

3. *Характеристика языкового пространства (текста), т. е. текстуальный анализ.*

4. *Эксплицитность и имплицитность* в британском, американском и немецком политическом дискурсе.

Проведенный нами когнитивно-дискурсивный анализ публичных речей премьер-министров Великобритании XX века, президентов США XX века и федеральных президентов и канцлеров Германии второй половины XX века способствовал выявлению когнитивных аспектов политического дискурса.

В целом нами были выявлены следующие когнитивные аспекты, объединяющие британский, американский и немецкий политический дискурс и позволяющие установить у него некоторые сходства и различия:

1. *Обращение.*
2. *Эмоциональность.*
3. *Речевые стратегии.*
4. *Целевая направленность.*

В данном случае целесообразно отметить следующее:

1. Политическая языковая личность всегда сама по себе разнообразна и сложна в своих проявлениях. Говорящий должен постоянно вести отбор языковых средств, руководствоваться принципами *плюрилингвизма* в соответствии с избранной стилистической тональностью, ориентируясь на ситуацию общения, характер адресата, официальность/неофициальность обстановки. В этом отношении *интенциональности* речевых произведений политического деятеля также отводится немало важная роль.

Используя обращения в речи, политический деятель реализует поэтапно и политкорректно свои интенции.

Обращение (говорящего к слушающему, адресату) позволяет установить тесный контакт с аудиторией, способствует отождествлению говорящего со слушающими. Зачастую обращение отражает позитивный настрой говорящего, подчеркивает его умение вести себя на публике, взаимодействовать с ней, привлекать ее внимание.

Таким образом, на примере представленных в работе обращений можно проследить феномен политкорректности как языковой категории, обладающей соответствующими категориальными признаками:

- отсутствием в коннотативном значении языковых единиц дискриминации по расовой, национальной, половой принадлежности, состоянию здоровья и возрастному и социальному статусам;
- способностью языковых единиц исключать проявления вышеперечисленных видов дискриминации.

2. *Эмоциональность* (говорящего) — проявление эмоциональности также свойственно для публичного политического дискурса, это важный когнитивно-риторический аспект, отражающий настроение говорящего, которое, в свою очередь, передается слушающим. В британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе *эмоциональность* выражается соответствующими лексическими единицами с положительными и отрицательными коннотациями, «внутренними» предикатами,

модальными глаголами, а также за счет стилистических средств: метафор, эпитетов, сравнений и т. д. Метафоры часто помогают в политическом дискурсе экономить слова и делают речь более запоминающейся, живописной.

О наличии эмоций также говорит название политической речи, например: *инаугурационная речь (торжественность), речь об отставке (сожаление)*.

3. *Речевые стратегии* (говорящего) — как нам удалось проследить на материале исследования, политические деятели Великобритании, США, Германии в своем публичном дискурсе активно используют следующие когнитивно-речевые ходы: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст. Их применение позволяет говорящему взаимодействовать со слушающими, привлекать их внимание и воздействовать на их сознание определенным образом.

4. Прагматический потенциал политического дискурса раскрывает, на наш взгляд, его *целевая направленность*, которая предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение определенной информации слушающим, затрагивающей их общественные интересы и ценности, такие, например, как: обеспечение, поддержание и сохранение единства и благосостояния нации, создание конкурентоспособного государства с развитой экономикой, предоставление безопасности, свободы. Поскольку под политическим дискурсом понимается особая знаковая система, соответственно, языковой знак обладает в нем не только семантикой (отношением к обозначаемому) и синтактикой (отношением) к другим знакам, но и прагматикой (отношением к пользующимся языком). Знаки языка (языковые единицы) могут производить на людей определенное впечатление: положительное, отрицательное или нейтральное; оказывать на них какое-то воздействие, манипулируя сознанием вызывать ту или иную реакцию. Способностью оказывать на слушателя и читателя определенное прагматическое воздействие обладают любое высказывание и любой текст. Таким образом, реализуя какие-либо запланированные заранее прагматические установ-

ки, говорящий в политическом дискурсе всегда подбирает языковые средства при построении высказывания в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие на реципиента.

Вместе с тем нам удалось установить некоторые различия в том, как данные когнитивные аспекты проявляются в британском, американском и немецком политическом дискурсе.

На наш взгляд, наиболее ярко *обращение* (говорящего к слушающим) прослеживается в речах американских президентов, особенно в инаугурационных речах, в которых принципы демократии и свободы населения всегда играли главенствующую роль. Американские президенты в общении с публикой в основном предстают как люди из народа, живущие их интересами и верующими в Бога. Тогда как премьер-министры Великобритании и федеральные канцлеры Германии предстают, прежде всего, как первые и главные лица своих правительств. Они более сдержанны и вынуждены соблюдать некую дистанцию, держать себя в соответствующих рамках.

В отличие от британского и американского публичного политического дискурса, немецкий политический дискурс в целом более конкретен, сжат. Часто прослеживается четкость формулировок и идей. С другой стороны, немецкий политический дискурс более сложен и самобытен. Это обусловлено структурой языка, архитектурой построения предложений.

Целевая направленность политического дискурса исторически также проявляется достаточно по-разному. То есть британцев в основном заботило благосостояние нации, для американцев важны принципы личной свободы и борьба за мировое господство. Для немцев после Второй мировой войны главным стали объединение Германии и слияние общества в единое целое, создание нового конкурентоспособного государства с развитой экономикой.

Таким образом, в данной работе была достигнута поставленная нами цель — выявить, описать и сопоставить особенности реализации когнитивных аспектов в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе на основе

когнитивно-дискурсивного анализа публичных политических речей.

Нами была подтверждена выдвигаемая гипотеза:

- для интерпретации политического дискурса требуется построение его когнитивной модели;
- когнитивная модель политического дискурса является важным составляющим компонентом при обнаружении критериев когнитивно-дискурсивного анализа;
- когнитивно-дискурсивный анализ публичных политических речей способствует выявлению, описанию и сопоставлению когнитивных аспектов британского, американского и немецкого политического дискурса.

Сформулированные нами в процессе научного исследования теоретические выводы вносят определенный вклад в область интерпретации политического дискурса и открывают перспективы дальнейшего исследования когнитивных аспектов в политических речах.

Практическая ценность работы состоит в том, что мы применили когнитивно-дискурсивный анализ при интерпретации британского, американского и немецкого публичного политического дискурса, который, в свою очередь, способствовал выявлению в них, описанию и сопоставлению когнитивных аспектов.

В качестве дальнейших перспектив исследования политического дискурса можно обозначить следующие направления:

- детальное рассмотрение стилистических фигур в британском, американском и немецком публичном политическом дискурсе;
- изучение ментальных особенностей и приемов проявления политкорректности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельсон, Р. Структуры убеждений / Р. Абельсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. — 212 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. — М., 1976. — Т. 1. — 539 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
4. Асмолов, А. Г. О смыслах понятия «толерантность» / А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Век толерантности: научно-публицистический вестник / гл. ред. А. Асмолов. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 8–18.
5. Базылев, В. Н. Автопортреты политиков: от психопоэтики к психополитике / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России–3: материалы рабочего совещания. — М., 1999. — 235 с.
6. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990. — 24 с.
7. Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А. Н. Баранов // Человек. — 1999. — № 6. — С. 108–118.
8. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56, № 1. — С. 11–21.
9. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новаторство / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М., 1991. — 215 с.
10. Баранов, А. Н. К построению словаря терминов когнитивной науки / А. Н. Баранов, П. В. Паршин // Когнитивные исследования за рубежом: Методы искусственного интеллекта. — М., 1990. — С. 139–149.
11. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1994. — 616 с.
12. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — М., 1986. — С. 121–262.

13. Безменова, Н. А. Речевое воздействие как риторическая проблема / Н. А. Безменова // Проблемы эффективности речевой коммуникации. — М., 1989. — 178 с.
14. Бейтс, Э. Интенции, конвенции и символы / Э. Бейтс // Психолингвистика. — М., 1984. — С. 50–102.
15. Белозерова, Н. Н. Парадоксы дискурса / Н. Н. Белозерова // Language and literature [Электронный ресурс]. — 2002. — № 13. — URL: <http://www.frgf.utmn.ru/journal/No13/journal.htm>
16. Белозерова, Н. Н. Когнитивные модели дискурса / Н. Н. Белозерова, Л. Е. Чуфистова. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. — 256 с.
17. Бенвенист, Э. О субъективности в языке / Э. Бенвенист // Общая лингвистика (глава XXIII). — М.: Прогресс, 1974. — С. 292–300.
18. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. — СПб., 1993. — 231 с.
19. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. — Л., 1984. — 23 с.
20. Булатова, А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе / А. П. Булатова // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1999. — № 4. — С. 34–49.
21. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 224 с.
22. Вацлавик, П. Прагматика человеческой коммуникации / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. — М., 2000. — 311 с.
23. Вернадский, В. И. Труды по всеобщей истории науки / В. И. Вернадский. — М.: Наука, 1988. — 336 с.
24. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. — Л.: Гослитиздат, 1940. — 789 с.
25. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. — М.: Высш. шк., 1981. — 320 с.
26. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
27. Воробьев, В. В. Языковая личность и национальная идея / В. В. Воробьев // Народное образование. — 1998. — № 5. — С. 25–30.
28. Воробьева, О. И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации / О. И. Воробьева. — Архангельск, 1999. — 249 с.
29. Гегель, Г. В. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Гегель. — М., 1974. — Т. 1. — С. 84–104.

30. Городецкая, Л. А. Концепция многокультурности в американском образовании и ее применимость к российским общественным реалиям / Л. А. Городецкая // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — № 1. — С. 7–17.
31. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
32. Гуманова, Ю. Л. Политическая корректность: как это делается в России / Ю. Л. Гуманова // Россия и Запад: диалог культур. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — Т. 1, вып. 8. — С. 195–202.
33. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М., 1984. — С. 34–298.
34. Гюббенет, И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 109 с.
35. Дворцова, Н. П. Дискурс как категория гуманитарных наук / Н. П. Дворцова // Вестник Тюменского государственного университета. — Тюмень, 2000. — № 4. — С. 3–8.
36. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — С. 259–336.
37. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
38. Дейк, Т. А. ван. Критический анализ дискурса / Т. А. ван Дейк. — М.: Совместное изд-во ВЦП и кафедры русского языка Маастрихтского ин-та переводчиков, 1994. — С. 169–217.
39. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста. — Вып. 2: Тетради новых терминов. — М.: ВЦП, 1982. — 90 с.
40. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
41. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2002. — № 3. — С. 32–43.
42. Ермакова, О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермаков // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 2000. — 314 с.

43. Зарецкая, Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — М.: Изд-во «Дело», 2001. — 478 с.
44. Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. — 1997. — № 3. — С. 23–48.
45. Иванов, А. В. Сознание и мышление / А. В. Иванов. — М., 1994. — 345 с.
46. Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1999. — № 1. — С. 74–79.
47. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. — М.: Высш. шк., 1990. — 151 с.
48. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. — М., 1963. — Т. 3. — С. 105–112.
49. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. — 330 с.
50. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 37–64.
51. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 476 с.
52. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
53. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 264 с.
54. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
55. Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. — СПб., 1998. — 271 с.
56. Кибрик, А. Е. Лингвистические постулаты / А. Е. Кибрик // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; вып. 621. Тр. по искусственному интеллекту). — Тарту, 1983. — 191 с.
57. Кибрик, А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А. Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. — М., 1987. — С. 33–51.
58. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А. Е. Кибрик. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 335 с.
59. Кибрик, А. Е. Когнитивно ориентированная типология / А. Е. Кибрик // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1998. — № 3. — С. 156–160.

60. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. — М., 1983. — 218 с.
61. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 2004.
62. Коноваленко, Л. И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Коноваленко. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. — 23 с.
63. Концептуализация и смысл: сб. науч. тр. / под ред. И. В. Полякова. — Новосибирск, 1990. — 213 с.
64. Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования» [Электронный ресурс]. — 2003. — URL: <http://www.kogni.narod.ru/concept.htm>
65. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — СПб., 1999. — 286 с.
66. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. — 210 с.
67. Кравченко, А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. — 160 с.
68. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология / А. В. Кравченко // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2001. — Т. 60, № 5. — С. 3–13.
69. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 385–405.
70. Кубрякова, Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е. С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. — М., 1992. — С. 4–38.
71. Кубрякова, Е. С. Проблемы представления знаний в языке / Е. С. Кубрякова // Структуры представления знаний в языке. — М., 1994а. — С. 5–31.
72. Кубрякова, Е. С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1994б. — Т. 53, № 2. — С. 3–15.
73. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика–психология–когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994в. — № 4. — С. 34–47.
74. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. — М.: Институт языкознания РАН, 1997. — 326 с.

75. Кубрякова, Е. С. В защиту когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1999. — Т. 58, № 6. — С. 35–42.
76. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. — М.: РАН ИНИОН, 2000. — С. 7–25.
77. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в среде словообразования / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2002. — Т. 61, № 1. — С. 23–39.
78. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2004. — Т. 63, № 3. — С. 3–12.
79. Кузанский, Н. Сочинения: в 2 т. — М., 1979. — Т. 1. — С. 140–181.
80. Купина, Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния / Н. А. Купина // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. — 215 с.
81. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф // Лакофф, Дж. Язык и моделирование социального взаимодействия / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 1987. — 312 с.
82. Лакофф, Дж. Когнитивные аспекты языка / Дж. Лакофф // Лакофф, Дж. Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 1988. — № 23. — С. 34–58.
83. Ле, Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе / Э. Ле // Полис. Политические исследования. — М.: Полис, 2001. — С. 95–112.
84. Лейбниц, Г. В. Сочинения: в 4 т. / Г. В. Лейбниц. — М., 1982. — Т. 1. — С. 418–480.
85. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история / Ю. М. Лотман. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 464 с.
86. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов н/Д: Феникс, 1998. — 416 с.
87. Макаров, М. Л. Анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. — Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1995. — 82 с.
88. Марова, Н. Д. Текст и точка зрения / Н. Д. Марова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 1995. — Т. 1. — С. 90–98.
89. Маркс, К. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1996. — С. 22–38.

90. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.
91. Миронова, Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1997а. — Т. 56, № 4. — С. 52–59.
92. Миронова, Н. Н. Дискурс — анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. — М.: НВИ-Тезаурус, 1997б. — 157 с.
93. Михайлова, О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. — С. 99–111.
94. Михайлова, О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания / О. А. Михайлова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: сб. монографий. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. — 591 с.
95. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Радуга, 1983.
96. Нефедова, Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации: монография / Л. А. Нефедова. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2001. — 151 с.
97. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд // Полис. Политические исследования. — 2000. — № 4. — С. 82–93.
98. Ножин, Е. А. Мастерство устного выступления / Е. А. Ножин. — М.: Изд-во политической литературы, 1982. — 255 с.
99. Павиленис, Р. Й. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. Й. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 181 с.
100. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Панин. — Тюмень, 2004. — 217 с.
101. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: монография / В. В. Панин. — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. — 160 с.
102. Паршин, П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики. Архив. 23 марта 1999 [Электронный ресурс] / П. Б. Паршин. — URL: <http://www/elections/ru/biblio/parshin.htm>
103. Парыгин, Б. Д. Социальная психология / Б. Д. Парыгин. — СПб., 1999. — 456 с.

104. Петров, В. В. От философии языка к философии сознания / В. В. Петров // Петров, В. В. Философия. Логика. Язык / В. В. Петров. — М., 1987. — С. 3–17.
105. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. — М.: Педагогика-пресс, 1994. — 526 с.
106. Пирогова, Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования / Ю. К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. — М., 2001. — С. 209–227.
107. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. — М., 1971. — Т. 3, ч. I. — С. 343–361.
108. Попова, Е. А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения / Е. А. Попова // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1994. — С. 143–152.
109. Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. — М., 2000. — 281 с.
110. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. — М., 1998. — Вып. 36. — С. 40–49.
111. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике / Е. В. Рахилина. — М.: АДД, 1999. — 161 с.
112. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2000. — Т. 59, № 3. — С. 3–15.
113. Рябцева, Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка [Электронный ресурс] / Н. К. Рябцева. — 2000. — URL: <http://www.dialog-21.ru>
114. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 12–26.
115. Сергеев, В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях / В. М. Сергеев // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 23–33.
116. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999. — 328 с.
117. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серль // Философия. Логика. Язык. — М., 1987. — С. 96–126.
118. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т. Г. Скребцова. — СПб., 2000. — 240 с.
119. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.

120. Сорокин, Ю. А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский / Ю. А. Сорокин // Политический дискурс в России—3: материалы рабочего совещания. — М., 1999. — 151 с.
121. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
122. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. — М., 1957. — Т. 2. — С. 104–150.
123. Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. — М.: Гардарики, 2002. — 736 с.
124. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1971. — 168 с.
125. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1985.
126. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. статей. — М.: Изд-во РГТУ, 1995.
127. Сусов, И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И. П. Сусов // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1990. — С. 125–133.
128. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. — 1999. — № 1. — С. 30–48.
129. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 264 с.
130. Феденева, Ю. Б. Функции метафоры в политической речи / Ю. Б. Феденева // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. — Екатеринбург, 1997. — 172 с.
131. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. 22. — С. 52–92.
132. Фихте, И. Г. Сочинения: в 2 т. / И. Г. Фихте. — М., 1993. — Т. 1. — С. 11–40.
133. Формановская, Н. И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. — 1996. — № 1–3. — С. 42–47.
134. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. — С. 84.
135. Фуко, М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб.: А-сад, 1994. — 407 с.
136. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине. — М., 1996. — 270 с.
137. Чейф, У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной

- лингвистике. — Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — М., 1982. — 231 с.
138. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике. Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / А. Ченки. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 36–79.
139. Ченки, А. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / А. Ченки. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 480 с.
140. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. — 238 с.
141. Шапочкин, Д. В. Многозначность дискурса и неоднородность его видов в условиях современности / Д. В. Шапочкин // Культурологические и типологические аспекты языковых единиц. — Тюмень: Изд. центр «Академия», 2003. — С. 98–102.
142. Шапочкин, Д. В. Языковая личность в политическом дискурсе / Д. В. Шапочкин // Коммуникационный процесс в вузе: материалы I междунар. научно-практ. интернет-конференции (Челябинск, 21–25 декабря 2004 г.). — Челябинск: Изд-во Академии культуры и искусств, 2004. — С. 106–109.
143. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: У. Черчилль и А. Гитлер как ораторы / Д. В. Шапочкин // Академический журнал Западной Сибири. — 2005. — № 1. — С. 10–12.
144. Шапочкин, Д. В. Когнитивная модель политического дискурса / Д. В. Шапочкин // Актуальные проблемы лингвистики. Уральские лингвистические чтения–2005: материалы ежегодной науч. конференции (Екатеринбург, 1–2 февраля 2005 г.). — № 18. — С. 126–127.
145. Шапочкин, Д. В. Специфика когнитивного анализа политического дискурса и перспективы его применения (на материале публичных выступлений Л. Эрхарда и Р. М. Никсона) / Д. В. Шапочкин // Вестник Тюменского государственного университета. — 2005. — № 2. — С. 256–262.
146. Шапочкин, Д. В. Когнитивная модель политического дискурса / Д. В. Шапочкин // Стилистика и теория языковой коммуникации: тезисы докл. междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. МГЛУ И. Р. Гальперина (Москва, 20–21 апреля 2005 г.). — М.: Изд-во МГЛУ, 2005. — С. 293–294.
147. Шапочкин, Д. В. Сопоставительно-контекстуальный анализ публичной политической речи / Д. В. Шапочкин // Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности: материалы научно-практ. конференции (Самара, 16–17 мая 2005 г.). — Самара: Изд-во Самарской гос. академии культуры и искусств, 2005. — С. 146–152.

148. Шапочкин, Д. В. Комплексный лингвистический подход к исследованию политической языковой личности / Д. В. Шапочкин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 26 (355). — С. 129–132.
 149. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. — М., 1998. — 312 с.
 150. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык–система. Язык–текст. Язык–способность: сб. статей. — М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. — С. 213–223.
 151. Шаховский, В. И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе / В. И. Шаховский // Политический дискурс в России–2: материалы рабочего совещания. — М., 1998. — 212 с.
 152. Шейгал, Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология. — 1998. — № 14. — С. 22–29.
 153. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. — М.; Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
 154. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. — М., 1966. — С. 63–100.
 155. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк. — М., 1980. — 117 с.
 156. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л.: Наука, 1974. — 427 с.
 157. Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001. — 702 с.
-
158. Anisfeld, M. Language and development from birth to three / M. Anisfeld. — Hillsdale, 1984.
 159. Bartlett, F. C. Remembering: a study in experimental and social psychology / F. C. Bartlett. — Cambridge: Cambridge UP, 1932. — 152 p.
 160. Bayley, P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D. Miller (eds.). — Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. — P. 77–174.
 161. Bever, Th. G. Introduction / Th. G. Bever, J. M. Carrol, L. Miller // Talking minds: The study of language in cognitive science. — Cambridge (Mass.), 1984. — P. 4–17.
 162. Brustein, R. Dumbocracy in America / R. Brustein // Our Country, Our Culture: The Politics of Political Correctness — A Partisan Review Press. — N. Y., 1994. — P. 25–33.

163. Charniak, E. Towards a model of children's story comprehension / E. Charniak. — Cambridge: MIT, 1972. — 187 p.
164. Cienki, A. 19th and 20th Century Theories of Case: A Comparison of Localist and Cognitive Approaches / A. Cienki // *Historiographia Linguistica*. — 1995. — № 22. — P. 35–78.
165. Crane, M. Literary studies and cognitive science: Toward a new interdisciplinarity / M. Crane, A. Richardson // *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. — Winnipeg, 1999. — Vol. 32, № 2. — P. 25–39.
166. Derrida, J. Dissemination. Translated by Barbara Johnson / J. Derrida. — Chicago: University of Chicago Press, 1981.
167. Dijk, T. A. van. Strategies of Discourse Comprehension / T. A. van Dijk, W. Kintsch. — N. Y.: Academic Press, 1983. — 418 p.
168. Dijk, T. A. van. News as Discourse / T. A. van Dijk. — New Jersey; L.: Lawrence Erlbaum Associates. Publ., 1988. — 200 p.
169. Dijk, T. A. van. What is political discourse analysis? / T. A. van Dijk // *Political linguistics* / Ed. J. Blommaert, C. Bulcaen. — Amsterdam, 1998.
170. Dijk, T. A. van. Context models in discourse processing / T. A. van Dijk. — N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. — P. 123–148.
171. Dijk, T. A. van. Cognitive discourse analysis [Электронный ресурс] / T. A. van Dijk. — 2000. — URL: <http://www.discourse-in-society.org/teun.htm>
172. Dijk, T. A. van. Political Discourse and Ideology [Электронный ресурс] / T. A. van Dijk. — 2001. — URL: <http://www.discourse-in-society.org/dis-pol-ideo.htm>
173. Eckardt, B. von. What is cognitive science? / B. von Eckardt. — Cambridge (Mass.), 1993.
174. Ellis, H. C. Fundamentals of cognitive psychology / H. C. Ellis, R. R. Hunt. — Madison (Wisc.), 1993.
175. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. — N. Y., 2001. — P. 226.
176. Felix, S.W. Vorwort / S.W. Felix, S. Kanngiesser, G. Rickheit // *Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik*. — Opladen, 1990. — S. 1–3.
177. Fillmore, Ch. J. Some thought on the boundaries and components of linguistics / Ch. J. Fillmore // *Talking minds: The study of language in cognitive science*. — Cambridge (Mass.), 1984. — P. 73–108.
178. Fodor, J. A. The language of thought / J. A. Fodor. — Cambridge (Mass.), 1975.
179. Fromkin, A. Language and Brain: Redefining the goals and methodology of linguistics / A. Fromkin // *The Chomskyan turn*. — Cambridge (Mass.), 1991. — P. 78–103.

180. Givon, T. Mind, code and context. Essays in pragmatics / T. Givon. — Hillsdale, 1989.
181. Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik / J. Habermas. — 2. Aufl. — Frankfurt am Main: Suhrkamp. Verl., 1992.
182. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — L., 1976.
183. Harman, G. Cognitive science? / G. Harman // The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller. — Cambridge (Mass.), 1988.
184. Horgan, J. Can science explain consciousness / J. Horgan // Scientific American. — 1994. — P. 88–94.
185. Jackendoff, R. Sense and reference in a psychologically based semantics / R. Jackendoff // Talking minds. — Cambridge (Mass.), 1984. — P. 49–72.
186. Jackendoff, R. Languages of the mind: Essays on mental representation / R. Jackendoff. — Cambridge (Mass.), 1992.
187. Jackendoff, R. X-bar semantics / R. Jackendoff // Semantics and the lexicon. — Dordrecht, 1993. — P. 15–26.
188. Jackendoff, R. The Architecture of the Language Faculty / R. Jackendoff. — Cambridge (Mass.), 1997.
189. Jorna, R. J. Wissenrepräsentation im Künstlichen Intelligenzen. Zeichentheorie und Kognitionsforschung / R. J. Jorna // Zeitschrift für Semiotik. — 1990. — Bd. 12, H. 1–2. — S. 9–23.
190. Kirkeby, O. F. Cognitive sciences / O. F. Kirkeby // The Encyclopedia of Language and Linguistics. — Pergamon, 1994. — Vol. 2. — P. 14–56.
191. Lakoff, G. Categories and cognitive models / G. Lakoff // Berkeley cognitive science report. — Berkeley, 1982.
192. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. — Chicago, 1987.
193. Langacker, R. W. Foundation of cognitive grammar / R. W. Langacker. — Vol. 1: Theoretical prerequisites. — Stanford, 1987.
194. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. — Vol. 2: Descriptive application. — Stanford, 1991.
195. Lepore, E. What is cognitive science? / E. Lepore, Z. Pylyshyn (eds.). — Blackwell, 1999.
196. Mandelbrot, B. The Fractal Geometry of Nature / B. Mandelbrot. — N. Y.: Freeman, 1983.
197. Paivio, A. Imagery and verbal processes / A. Paivio. — N. Y., 1971.
198. Paivio, A. Mental representations. A dual coding approach / A. Paivio. — Oxford, 1986.
199. Pylyshyn, Z. Computation and cognition. Toward a foundation for cognitive science / Z. Pylyshyn. — Cambridge (Mass.), 1984.

200. Rathmayr, R. Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow / R. Rathmayr // Totalitäre Sprache — langue de bois — language of dictatorship / R. Wodak, F. P. Kirsch (eds.). — Wien: Passagen, 1995. — S. 195–214.
201. Rickheit, G. Grundlagen der kognitiven Sprachverarbeitung, Modelle, Methoden, Ergebnisse / G. Rickheit, H. Strohner. — Tübingen, 1993.
202. Rosh, E. H. Human categorization / E. H. Rosh // Advances in cross-cultural psychology. — L., 1975.
203. Rudzka-Ostin, B. Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostin. — Amsterdam; Philadelphia, 1988.
204. Rudzka-Ostin, B. Introduction / B. Rudzka-Ostin // Conceptualizations and mental processing in language. — Berlin, 1993. — P. 1–20.
205. Schank, R. C. Scripts, plans, goals and understanding / R. C. Schank, R. P. Abelson. — Hillsdale; N. Y.: Erlbaum, 1977. — 208 p.
206. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. — Tübingen, 1992.
207. Slembroke, S. What is discourse analysis? [Электронный ресурс] / S. Slembroke. — 2001. — URL: <http://www.bank.rug.fc.be/da/da.htm>
208. Talmy, L. How language structures space / L. Talmy // Spacial orientation: theory, research, and application. — Plenum press, 1983.
209. Talmy, L. The relation of grammar to cognition / L. Talmy // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostin. — Amsterdam; Philadelphia, 1988. — P. 162–205.
210. Taylor, J. R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. — Oxford, 1989.
211. Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmid. — L.; N. Y.; Longman, 1996. — P. 3–7.
212. Wunderlich, D. Lokale Verben und Präpositionen — semantische und konzeptuelle Aspekte / D. Wunderlich, I. Kaufmann // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. — Opladen, 1990. — S. 223–252.

Словари и справочники

213. Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. проф. Г. В. Чернова. — Смоленск: Полиграмма, 1996. — 1185 с.
214. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1969. — 608 с.
215. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под рук. О. И. Москальской. — М.: Русский язык, 1999. — 988 с.

216. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М.: Большая российская энциклопедия, 2001. — 1459 с.
 217. Карманная энциклопедия The Hutchinson. — М.: Внешсигма, 1995. — 750 с.
 218. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. — М.: Эксмо-пресс, 1999. — 672 с.
 219. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 244 с.
 220. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
 221. Николаева, Т. М. Универсалии / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
 222. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна [и др.]. — М.: Русский язык, 2000.
 223. Новый немецко-русский словарь и новый русско-немецкий словарь / под ред. М. Я. Цвиллинга, А. Н. Зуева. — М.: Иностранный язык, 2004. — 1005 с.
 224. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1976. — 544 с.
 225. Словарь иностранных слов / под ред. В. В. Бурцевой, И. М. Семеновой. — М.: Русский язык-Медиа, 2003. — 820 с.
 226. Трофимова, З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке / З. С. Трофимова. — М.: Павлин, 1993. — 304 с.
 227. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 6-е изд. — М.: Политиздат, 1991. — 559 с.
 228. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
 229. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2000. — 688 с.
-
230. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. — Cambridge University Press, 1995. — 490 p.
 231. Das Grosse Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bänden. — Dudenverlag, 1981.
 232. Deutsche Sprachlehre für Ausländer / H. Schulz, W. Sundermeyer. — Hüber Verlag München, 1999. — 328 s.
 233. Dictionary of English Language and Culture. — Longman; L., 2000. — 1568 p.

234. Duden Sinn- und sachverwandte Wörter. — Dudenverlag, 1986. — 800 s.
235. Encarta World English Dictionary. — St. Martin's Press, 1999. — 2078 p.
236. Encyclopedia Britannica Deluxe. Electronic Version, 2004.
237. Macmillan English Dictionary. — Oxford, 2002. — 1692 p.
238. Neues Deutsches Wörterbuch. — Köln, 2000. — 1064 s.
239. Raymond, W. J. Dictionary of Politics / W. J. Raymond. — Lawrenceville: Brunswick Publishing Co., 1995. — 730 p.
240. The American Heritage Book of English Usage [Электронный ресурс]. — URL: www.bartleby.com/64
241. The American Heritage Dictionary: third edition. — Laurel; N. Y., 1994. — 952 p.
242. The American Heritage Dictionary: forth edition [Электронный ресурс]. — 2000. — URL: www.bartleby.com/61
243. The Longman Register of New Words. — Longman; L., 1989. — 434 p.
244. The Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.m-w.com>
245. The Oxford Dictionary of New Words. — Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1998 — 357 s.

Архивные материалы и интернет-источники

246. A Selection of President Clinton's Remarks and Addresses [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.4uth.gov.ua/usa/english/facts/speeches/clinton/clinton.htm#1993>
247. Audio Archiv. Reden / Interviews [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bundesregierung.de/txt/Reden-Interviews/-,11636/Reden.htm>
248. Bundespräsident. Reden / Interviews [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bundespraesident.de/-,11057/Reden-und-Interviews.htm>
249. Eine Dokumentation. 40 Jahre Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben vom Auswärtigen Amt. — Stuttgart, 1989.
250. Famous Speeches [Электронный ресурс]. — URL: <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/facts/speeches.htm>
251. Frölich, D. Von Adenauer zur grossen Koalition. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (1966–1982). Eine Dokumentation / D. Frölich. — Bonn, 1996. — 198 s.
252. Frölich, M. Von der Besatzung zur Souveränität. Die Vor — und Frühgeschichte der Bundesrepublik Deutschland (1945–1955). Eine Dokumentation / D. Frölich. — Bonn, 1996. — 176 s.

253. Frölich, M. Von der großen Koalition zur Regierung Schmidt. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (1966–1982). Eine Dokumentation / D. Frölich. — Bonn, 1998. — 141 s.
254. History and Politics Out Loud [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hpol.org/browse.html>
255. Inaugural Addresses of the Presidents of the United States [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bartleby.com/124/index.html>
256. Info USA [Электронный ресурс]. — URL: <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/facts/spchlink.htm>
257. Münch, I. von. Dokumente des geteilten Deutschland / I. von Münch. — Bd. 1. — Stuttgart, 1974.
258. Political Speeches [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.politicalspeeches.com>
259. Political Speeches [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.politicalspeeches.co.uk>
260. Potthoff, H. Die Koalition der Vernunft. Deutschlandpolitik in den achtziger Jahren / H. Potthoff. — München, 1995.
261. Prime Minister's Speeches. Archive [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.number-10.gov.uk/output/Page5.asp>
262. Safeguarding the Republic. Essays and Documents in American Foreign Relations 1890–1991 / Ed. by H. Jones. — University of Alabama, 1992. — 485 p.
263. Schubert, K. von. Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland. Dokumentation 1945–1977 / K. von Schubert. — Teil 1. — Köln, 1978.
264. Speech archives. Hear the Words that Changed the World [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.historychannel.com/speeches/archive1.html>
265. Speech & Transcript Center. Historic Material [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.freepint.com/gary/speechhistoric.htm>
266. The History place. Great Speeches collection [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.historyplace.com/speeches/previous.htm>
267. The White House [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.whitehouse.gov/president>

ПРИЛОЖЕНИЯ

**РЕЧИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ БРИТАНСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

**I. Речь Н. Чемберлена
о германском вторжении в Польшу,
1 сентября 1939 года**

I do not propose to say many words tonight. The time has come when action rather than speech is required. Eighteen months ago in this House I prayed that the responsibility might not fall upon me to ask this country to accept the awful arbitrament of war. I fear that I may not be able to avoid that responsibility.

But, at any rate, I cannot wish for conditions in which such a burden should fall upon me in which I should feel clearer than I do today as to where my duty lies. No man can say that the Government could have done more to try to keep open the way for an honorable and equitable settlement of the dispute between Germany and Poland. Nor have we neglected any means of making it crystal clear to the German Government that if they insisted on using force again in the manner in which they had used it in the past we were resolved to oppose them by force.

Now that all the relevant documents are being made public we shall stand at the bar of history knowing that the responsibility for this terrible catastrophe lies on the shoulders of one man, the German Chancellor, who has not hesitated to plunge the world into misery in order to serve his own senseless ambitions... Only last night the Polish Ambassador did see the German Foreign Secretary, Herr von Ribbentrop. Once again he expressed to him what, indeed, the Polish Government had already said publicly, that they were willing to negotiate with Germany about their disputes on an equal basis.

What was the reply of the German Government? The reply was that without another word the German troops crossed the Polish frontier this morning at dawn and are since reported to be bombing open towns. In these circumstances there is only one course open to us. His Majesty's Ambassador in Berlin and the French Ambassador have been instructed to hand to the German Government the following document: "Early this morning the German Chancellor issued a proclama-

tion to the German Army which indicated that he was about to attack Poland. Information which has reached His Majesty's Government in the United Kingdom and the French Government indicates that attacks upon Polish towns are proceeding. In these circumstances it appears to the Governments of the United Kingdom and France that by their action the German Government have created conditions, namely, an aggressive act of force against Poland threatening the independence of Poland, which call for the implementation by the Government of the United Kingdom and France of the undertaking to Poland to come to her assistance. I am accordingly to inform your Excellency that unless the German Government are prepared to give His Majesty's Government satisfactory assurances that the German Government have suspended all aggressive action against Poland and are prepared promptly to withdraw their forces from Polish territory, His Majesty's Government in the United Kingdom will without hesitation fulfill their obligations to Poland". If a reply to this last warning is unfavorable, and I do not suggest that it is likely to be otherwise, His Majesty's Ambassador is instructed to ask for his passports. In that case we are ready. Yesterday, we took further steps towards the completion of our defensive preparation. This morning we ordered complete mobilization of the whole of the Royal Navy, Army and Royal Air Force. We have also taken a number of other measures, both at home and abroad, which the House will not perhaps expect me to specify in detail. Briefly, they represent the final steps in accordance with pre-arranged plans. These last can be put into force rapidly, and are of such a nature that they can be deferred until war seems inevitable. Steps have also been taken under the powers conferred by the House last week to safeguard the position in regard to stocks of commodities of various kinds. The thoughts of many of us must at this moment inevitably be turning back to 1914, and to a comparison of our position now with that which existed then. How do we stand this time? The answer is that all three Services are ready, and that the situation in all directions is far more favorable and reassuring than in 1914, while behind the fighting Services we have built up a vast organization of Civil Defense under our scheme of Air Raid Precautions. As regards the immediate manpower requirements, the Royal Navy, the Army and the Air Force are in the fortunate position of having almost as many men as they can conveniently handle at this moment. There are, however, certain categories of service in which

men are immediately required, both for Military and Civil Defense. These will be announced in detail through the press and the BBC. The main and most satisfactory point to observe is that there is today no need to make an appeal in a general way for recruits such as was issued by Lord Kitchener 25 years ago. That appeal has been anticipated by many months, and the men are already available.

So much for the immediate present. Now we must look to the future. It is essential in the face of the tremendous task which confronts us, more especially in view of our past experiences in this matter, to organize our manpower this time upon as methodical, equitable and economical a basis as possible. We, therefore, propose immediately to introduce legislation directed to that end. A Bill will be laid before you which for all practical purposes will amount to an expansion of the Military Training Act. Under its operation all fit men between the ages of 18 and 41 will be rendered liable to military service if and when called upon. It is not intended at the outset that any considerable number of men other than those already liable shall be called up, and steps will be taken to ensure that the manpower essentially required by industry shall not be taken away. There is one other allusion which I should like to make before I end my speech, and that is to record my satisfaction of His Majesty's Government, that throughout these last days of crisis Signor Mussolini also has been doing his best to reach a solution. It now only remains for us to set our teeth and to enter upon this struggle, which we ourselves earnestly endeavored to avoid, with determination to see it through to the end. We shall enter it with a clear conscience, with the support of the Dominions and the British Empire, and the moral approval of the greater part of the world.

We have no quarrel with the German people, except that they allow themselves to be governed by a Nazi Government. As long as that Government exists and pursues the methods it has so persistently followed during the last two years, there will be no peace in Europe. We shall merely pass from one crisis to another, and see one country after another attacked by methods which have now become familiar to us in their sickening technique. We are resolved that these methods must come to an end. If out of the struggle we again re-establish in the world the rules of good faith and the renunciation of force, why, then even the sacrifices that will be entailed upon us will find their fullest justification.

II. Речь У. Черчилля о советско-германской войне, 22 июня 1941 года

I have taken occasion to speak to you tonight because we have reached one of the climacterics of the war. In the first of these intense turning points, a year ago, France fell prostrate under the German hammer and we had to face the storm alone.

The second was when the Royal Air Force beat the Hun raiders out of the daylight air raid and thus warded off the Nazi invasion of our islands while we were still ill-armed and ill-prepared.

The third turning point was when the President and Congress of the United States passed the lease and lend enactment, devoting nearly 2,000,000,000 sterling of the wealth of the New World to help us defend our liberties and their own. Those were the three climacterics. The fourth is now upon us. At 4 o'clock this morning Hitler attacked and invaded Russia. All his usual formalities of perfidy were observed with scrupulous technique. A non-aggression treaty had been solemnly signed and was in force between the two countries. No complaint had been made by Germany of its non-fulfillment. Under its cloak of false confidence the German armies drew up in immense strength along a line which stretched from the White Sea to the Black Sea and their air fleets and armoured divisions slowly and methodically took up their stations.

Then, suddenly, without declaration of war, without even an ultimatum, the German bombs rained down from the sky upon the Russian cities; the German troops violated the Russian frontiers and an hour later the German Ambassador, who till the night before was lavishing his assurances of friendship, almost of alliance, upon the Russians, called upon the Russian Foreign Minister to tell him that a state of war existed between Germany and Russia.

Thus was repeated on a far larger scale the same kind of outrage against every form of signed compact and international faith which we have witnessed in Norway, in Denmark, in Holland, in Belgium and which Hitler's accomplice and jackal, Mussolini, so faithfully imitated in the case of Greece.

All this was no surprise to me. In fact I gave clear and precise warnings to Stalin of what was coming. I gave him warnings, as I have given warnings to others before. I can only hope that these warnings did not fall unheeded.

All we know at present is that the Russian people are defending their native soil and that their leaders have called upon them to resist to the utmost. Hitler is a monster of wickedness, insatiable in his lust for blood and plunder. Not content with having all Europe under his heel or else terrorized into various forms of abject submission, he must now carry his work of butchery and desolation among the vast multitudes of Russia and of Asia. The terrible military machine which we and the rest of the civilized world so foolishly, so supinely, so insensately allowed the Nazi gangsters to build up year by year from almost nothing this machine cannot stand idle, lest it rust or fall to pieces. It must be in continual motion, grinding up human lives and trampling down the homes and the rights of hundreds of millions of men.

Moreover, it must be fed not only with flesh but with oil. So now this bloodthirsty guttersnipe must launch his mechanized armies upon new fields of slaughter, pillage and devastation. Poor as are the Russian peasants, workmen and soldiers, he must steal from them their daily bread. He must devour their harvests. He must rob them of the oil which drives their ploughs and thus produce a famine without example in human history.

And even the carnage and ruin which his victory, should he gain it-though he's not gained it yet-will bring upon the Russian people, will itself be only a stepping stone to the attempt to plunge four or five hundred millions who live in China and the 350,000,000 who live in India into that bottomless pit of human degradation over which the diabolic emblem of the swastika flaunts itself.

It is not too much to say here this pleasant summer evening that the lives and happiness of a thousand million additional human beings are now menaced with brutal Nazi violence. That is enough to make us hold our breath.

But presently I shall show you something else that lies behind and something that touches very nearly the life of Britain and of the United States.

The Nazi regime is indistinguishable from the worst features of Communism. It is devoid of all theme and principle except appetite and racial domination. It excels in all forms of human wickedness, in the efficiency of its cruelty and ferocious aggression. No one has been a more consistent opponent of Communism than I have for the last twenty-five years. I will unsay no words that I've spoken about it. But all this fades away before the spectacle which is now unfolding.

The past, with its crimes, its follies and its tragedies, flashes away. I see the Russian soldiers standing on the threshold of their native land, guarding the fields which their fathers have tilled from time immemorial. I see them guarding their homes; their mothers and wives pray, ah yes, for there are times when all pray for the safety of their loved ones, for the return of the breadwinner, of the champion, of their protectors.

I see the 10,000 villages of Russia, where the means of existence was wrung so hardly from the soil, but where there are still primordial human joys, where maidens laugh and children play I see advancing upon all this, in hideous onslaught, the Nazi war machine, with its clanking, heel-clicking, dandified Prussian officers, its crafty expert agents, fresh from the cowing and tying down of a dozen countries. I see also the dull, drilled, docile brutish masses of the Hun soldiery, plodding on like a swarm of crawling locusts. I see the German bombers and fighters in the sky, still smarting from many a British whipping, so delighted to find what they believe is an easier and a safer prey.

And behind all this glare, behind all this storm, I see that small group of villainous men who planned, organized and launched this cataract of horrors upon mankind.

And then my mind goes back across the years to the days when the Russian armies were our Allies against the same deadly foe when they fought with so much valor and constancy and helped to gain a victory, from all share in which, alas, they were, through no fault of ours, utterly cut off.

I have lived through all this and you will pardon me if I express my feelings and the stir of old memories. But now I have to declare the decision of His Majesty's Government, and I feel sure it is a decision in which the great Dominions will, in due course, concur. And that we must speak of now, at once, without a day's delay. I have to make the declaration, but can you doubt what our policy will be?

We have but one aim and one single irrevocable purpose. We are resolved to destroy Hitler and every vestige of the Nazi regime. From this nothing will turn us. Nothing. We will never parley; we will never negotiate with Hitler or any of his gang. We shall fight him by land; we shall fight him by sea; we shall fight him in the air, until, with God's help, we have rid the earth of his shadow and liberated its people from his yoke.

Any man or State who fights against Nazism will have our aid. Any man or State who marches with Hitler is our foe. This applies not only to organized States but to all representatives of that vile race of Quislings who make themselves the tools and agents of the Nazi regime against their fellow-countrymen and against the lands of their births. These Quislings, like the Nazi leaders themselves, if not disposed of by their fellow-countrymen, which would save trouble, will be delivered by us on the morrow of victory to the justice of the Allied tribunals. That is our policy and that is our declaration.

It follows, therefore, that we shall give whatever help we can to Russia and to the Russian people. We shall appeal to all our friends and Allies in every part of the world to take the same course and pursue it as we shall, faithfully and steadfastly to the end.

We have offered to the Government of Soviet Russia any technical or economic assistance which is in our power and which is likely to be of service to them.

We shall bomb Germany by day as well as by night in ever-increasing measure, casting upon them month by month a heavier discharge of bombs and making the German people taste and gulp each month a sharper dose of the miseries they have showered upon mankind.

It is noteworthy that only yesterday the Royal Air Force, striking inland over France, cut down with very small loss to themselves twenty-eight of the Hun fighting machines in the air above the French soil they have invaded, defiled and profess to hold.

But this is only a beginning. From now henceforward the main expansion of our air force proceeds with gathering speed. In another six months the weight of the help we are receiving from the United States in war materials of all kinds, especially in heavy bombers, will begin to tell. This is no class war. It is a war in which the whole British Empire and Commonwealth of Nations is engaged without distinction of race, creed or party.

It is not for me to speak of the action of the United States, but this I will say: If Hitler imagines that his attack on Soviet Russia will cause the slightest division of aims or slackening of effort in the great democracies, who are resolved upon his doom, he is woefully mistaken. On the contrary, we shall be fortified and encouraged in our efforts to rescue mankind from his tyranny.

We shall be strengthened and not weakened in our determination and in our resources.

This is no time to moralize upon the follies of countries and governments which have allowed themselves to be struck down one by one when by united action they could so easily have saved themselves and saved the world from this catastrophe.

But, when I spoke a few minutes ago of Hitler's bloodlust and the hateful appetites which have impelled or lured him on his Russian adventure, I said there was one deeper motive behind his outrage. He wishes to destroy the Russian power because he hopes that if he succeeds in this he will be able to bring back the main strength of his army and air force from the East and hurl it upon this island, which he knows he must conquer or suffer the penalty of his crimes.

His invasion of Russia is no more than a prelude to an attempted invasion of the British Isles. He hopes, no doubt, that all this may be accomplished before the Winter comes and that he can overwhelm Great Britain before the fleets and air power of the United States will intervene. He hopes that he may once again repeat upon a greater scale than ever before that process of destroying his enemies one by one, by which he has so long thrived and prospered, and that then the scene will be clear for the final act, without which all his conquests would be in vain, namely, the subjugation of the Western Hemisphere to his will and to his system.

The Russian danger is therefore our danger and the danger of the United States just as the cause of any Russian fighting for his hearth and home is the cause of free men and free peoples in every quarter of the globe.

Let us learn the lessons already taught by such cruel experience. Let us redouble our exertions and strike with united strength while life and power remain.

III. Фултонская речь У. Черчилля, 5 марта 1946 года

I am glad to come to Westminster College this afternoon, and am complimented that you should give me a degree. The name "Westminster" is somehow familiar to me.

I seem to have heard of it before. Indeed, it was at Westminster that I received a very large part of my education in politics, dialectic, rhetoric, and one or two other things. In fact we have both been educated at the same, or similar, or, at any rate, kindred establishments.

It is also an honour, perhaps almost unique, for a private visitor to be introduced to an academic audience by the President of the United States. Amid his heavy burdens, duties, and responsibilities-unsought but not recoiled from the President has travelled a thousand miles to dignify and magnify our meeting here today and to give me an opportunity of addressing this kindred nation, as well as my own countrymen across the ocean, and perhaps some other countries too. The President has told you that it is his wish, as I am sure it is yours, that I should have full liberty to give my true and faithful counsel in these anxious and baffling times. I shall certainly avail myself of this freedom, and feel the more right to do so because any private ambitions I may have cherished in my younger days have been satisfied beyond my wildest dreams. Let me, however, make it clear that I have no official mission or status of any kind, and that I speak only for myself. There is nothing here but what you see.

I can therefore allow my mind, with the experience of a lifetime, to play over the problems which beset us on the morrow of our absolute victory in arms, and to try to make sure with what strength I have that what has been gained with so much sacrifice and suffering shall be preserved for the future glory and safety of mankind.

The United States stands at this time at the pinnacle of world power. It is a solemn moment for the American Democracy. For with primacy in power is also joined an awe inspiring accountability to the future. If you look around you, you must feel not only the sense of duty done but also you must feel anxiety lest you fall below the level of achievement. Opportunity is here now, clear and shining for both our countries. To reject it or ignore it or fritter it away will bring upon us all the long reproaches of the after-time. It is necessary that constancy of mind, persistency of purpose, and the grand simplicity of decision shall guide and rule the conduct of the English-speaking peoples in peace as they did in war. We must, and I believe we shall, prove ourselves equal to this severe requirement.

When American military men approach some serious situation they are wont to write at the head of their directive the words "over all strategic concept". There is wisdom in this, as it leads to clarity of thought. What then is the over all strategic concept which we should inscribe today? It is nothing less than the safety and welfare, the freedom and progress, of all the homes and families of all the men and women in

all the lands. And here I speak particularly of the myriad cottage or apartment homes where the wage earner strives amid the accidents and difficulties of life to guard his wife and children from privation and bring the family up in the fear of the Lord, or upon ethical conceptions which often play their potent part.

To give security to these countless homes, they must be shielded from the two giant marauders, war and tyranny. We all know the frightful disturbances in which the ordinary family is plunged when the curse of war swoops down upon the bread-winner and those for whom he works and contrives. The awful ruin of Europe, with all its vanished glories, and of large parts of Asia glares us in the eyes. When the designs of wicked men or the aggressive urge of mighty States dissolve over large areas the frame of civilised society, humble folk are confronted with difficulties with which they cannot cope. For them all is distorted, all is broken, even ground to pulp.

When I stand here this quiet afternoon I shudder to visualise what is actually happening to millions now and what is going to happen in this period when famine stalks the earth. None can compute what has been called "the unestimated sum of human pain". Our supreme task and duty is to guard the homes of the common people from the horrors and miseries of another war. We are all agreed on that.

Our American military colleagues, after having proclaimed their "over all strategic concept" and computed available resources, always proceed to the next step-namely, the method. Here again there is widespread agreement. A world organisation has already been erected for the prime purpose of preventing war, UNO, the successor of the League of Nations, with the decisive addition of the United States and all that that means, is already at work. We must make sure that its work is fruitful, that it is a reality and not a sham, that it is a force for action, and not merely a frothing of words, that it is a true temple of peace in which the shields of many nations can some day be hung up, and not merely a cockpit in a Tower of Babel. Before we cast away the solid assurances of national armaments for self preservation we must be certain that our temple is built, not upon shifting sands or quagmires, but upon the rock. Anyone can see with his eyes open that our path will be difficult and also long, but if we persevere together as we did in the two world wars-though not, alas, in the interval between them I cannot doubt that we shall achieve our common purpose in the end.

I have, however, a definite and practical proposal to make for action. Courts and magistrates may be set up but they cannot function without sheriffs and constables. The United Nations Organisation must immediately begin to be equipped with an international armed force. In such a matter we can only go step by step, but we must begin now. I propose that each of the Powers and States should be invited to delegate a certain number of air squadrons to the service of the world organisation. These squadrons would be trained and prepared in their own countries, but would move around in rotation from one country to another. They would wear the uniform of their own countries but with different badges. They would not be required to act against their own nation, but in other respects they would be directed by the world organisation. This might be started on a modest scale and would grow as confidence grew. I wished to see this done after the First World War, and I devoutly trust it may be done forthwith.

It would nevertheless be wrong and imprudent to entrust the secret knowledge or experience of the atomic bomb, which the United States, Great Britain, and Canada now share, to the world organisation, while it is still in its infancy. It would be criminal madness to cast it adrift in this still agitated and ununited world. No one in any country has slept less well in their beds because this knowledge and the method and the raw materials to apply it, are at present largely retained in American hands. I do not believe we should all have slept so soundly had the positions been reversed and if some Communist or neo-Fascist State monopolised for the time being these dread agencies. The fear of them alone might easily have been used to enforce totalitarian systems upon the free democratic world, with consequences appalling to human imagination. God has willed that this shall not be and we have at least a breathing space to set our house in order before this peril has to be encountered: and even then, if no effort is spared, we should still possess so formidable a superiority as to impose effective deterrents upon its employment, or threat of employment, by others. Ultimately, when the essential brotherhood of man is truly embodied and expressed in a world organisation with all the necessary practical safeguards to make it effective, these powers would naturally be confided to that world organisation.

Now I come to the second danger of these two marauders which threatens the cottage, the home, and the ordinary people namely,

tyranny. We cannot be blind to the fact that the liberties enjoyed by individual citizens throughout the British Empire are not valid in a considerable number of countries, some of which are very powerful. In these States control is enforced upon the common people by various kinds of all embracing police governments. The power of the State is exercised without restraint, either by dictators or by compact oligarchies operating through a privileged party and a political police. It is not our duty at this time when difficulties are so numerous to interfere forcibly in the internal affairs of countries which we have not conquered in war. But we must never cease to proclaim in fearless tones the great principles of freedom and the rights of man which are the joint inheritance of the English-speaking world and which through Magna Carta, the Bill of Rights, the Habeas Corpus, trial by jury, and the English common law find their most famous expression in the American Declaration of Independence.

All this means that the people of any country have the right, and should have the power by constitutional action, by free unfettered elections, with secret ballot, to choose or change the character or form of government under which they dwell; that freedom of speech and thought should reign; that courts of justice, independent of the executive, unbiased by any party, should administer laws which have received the broad assent of large majorities or are consecrated by time and custom. Here are the title deeds of freedom which should lie in every cottage home. Here is the message of the British and American peoples to mankind. Let us preach what we practise — let us practise what we preach.

I have now stated the two great dangers which menace the homes of the people: War and Tyranny. I have not yet spoken of poverty and privation which are in many cases the prevailing anxiety. But if the dangers of war and tyranny are removed, there is no doubt that science and co-operation can bring in the next few years to the world, certainly in the next few decades newly taught in the sharpening school of war, an expansion of material well being beyond anything that has yet occurred in human experience. Now, at this sad and breathless moment, we are plunged in the hunger and distress which are the aftermath of our stupendous struggle; but this will pass and may pass quickly, and there is no reason except human folly or subhuman crime which should deny to all the nations the inauguration and enjoyment of an age of

plenty. I have often used words which I learned fifty years ago from a great Irish-American orator, a friend of mine, Mr. Bourke Cockran. "There is enough for all. The earth is a generous mother; she will provide in plentiful abundance food for all her children if they will but cultivate her soil in justice and in peace". So far I feel that we are in full agreement.

Now, while still pursuing the method of realising our overall strategic concept, I come to the crux of what I have travelled here to say. Neither the sure prevention of war, nor the continuous rise of world organisation will be gained without what I have called the fraternal association of the English-speaking peoples. This means a special relationship between the British Commonwealth and Empire and the United States. This is no time for generalities, and I will venture to be precise. Fraternal association requires not only the growing friendship and mutual understanding between our two vast but kindred Systems of society, but the continuance of the intimate relationship between our military advisers, leading to common study of potential dangers, the similarity of weapons and manuals of instructions, and to the interchange of officers and cadets at technical colleges. It should carry with it the continuance of the present facilities for mutual security by the joint use of all Naval and Air Force bases in the possession of either country all over the world. This would perhaps double the mobility of the American Navy and Air Force. It would greatly expand that of the British Empire Forces and it might well lead, if and as the world calms down, to important financial savings. Already we use together a large number of islands; more may well be entrusted to our joint care in the near future.

The United States has already a Permanent Defence Agreement with the Dominion of Canada, which is so devotedly attached to the British Commonwealth and Empire. This Agreement is more effective than many of those which have often been made under formal alliances. This principle should be extended to all British Commonwealths with full reciprocity. Thus, whatever happens, and thus only, shall we be secure ourselves and able to work together for the high and simple causes that are dear to us and bode no ill to any. Eventually there may come I feel eventually there will come the principle of common citizenship, but that we may be content to leave to destiny, whose outstretched arm many of us can already clearly see.

There is however an important question we must ask ourselves. Would a special relationship between the United States and the British Commonwealth be inconsistent with our overriding loyalties to the World Organisation? I reply that, on the contrary, it is probably the only means by which that organisation will achieve its full stature and strength. There are already the special United States relations with Canada which I have just mentioned, and there are the special relations between the United States and the South American Republics. We British have our twenty years Treaty of Collaboration and Mutual Assistance with Soviet Russia. I agree with Mr. Bevin, the Foreign Secretary of Great Britain, that it might well be a fifty years Treaty so far as we are concerned. We aim at nothing but mutual assistance and collaboration. The British have an alliance with Portugal unbroken since 1384, and which produced fruitful results at critical moments in the late war. None of these clash with the general interest of a world agreement, or a world organisation; on the contrary they help it. "In my father's house are many mansions". Special associations between members of the United Nations which have no aggressive point against any other country, which harbour no design incompatible with the Charter of the United Nations, far from being harmful, are beneficial and, as I believe, indispensable.

I spoke earlier of the Temple of Peace. Workmen from all countries must build that temple. If two of the workmen know each other particularly well and are old friends, if their families are inter-mingled, and if they have "faith in each other's purpose, hope in each other's future and charity towards each other's shortcomings" to quote some good words I read here the other day why cannot they work together at the common task as friends and partners? Why cannot they share their tools and thus increase each other's working powers? Indeed they must do so or else the temple may not be built, or, being built, it may collapse, and we shall all be proved again unteachable and have to go and try to learn again for a third time in a school of war, incomparably more rigorous than that from which we have just been released. The dark ages may return, the Stone Age may return on the gleaming wings of science, and what might now shower immeasurable material blessings upon mankind, may even bring about its total destruction. Beware, I say; time may be short. Do not let us take the course of allowing events to drift along until it is too late. If there is to be a fraternal association

of the kind I have described, with all the extra strength and security which both our countries can derive from it, let us make sure that that great fact is known to the world, and that it plays its part in steadying and stabilising the foundations of peace. There is the path of wisdom. Prevention is better than cure.

A shadow has fallen upon the scenes so lately lighted by the Allied victory. Nobody knows what Soviet Russia and its Communist international organisation intends to do in the immediate future, or what are the limits, if any, to their expansive and proselytising tendencies. I have a strong admiration and regard for the valiant Russian people and for my wartime comrade, Marshal Stalin. There is deep sympathy and goodwill in Britain and I doubt not here also towards the peoples of all the Russias and a resolve to persevere through many differences and rebuffs in establishing lasting friendships. We understand the Russian need to be secure on her western frontiers by the removal of all possibility of German aggression. We welcome Russia to her rightful place among the leading nations of the world. We welcome her flag upon the seas. Above all, we welcome constant, frequent and growing contacts between the Russian people and our own people on both sides of the Atlantic. It is my duty however, for I am sure you would wish me to state the facts as I see them to you, to place before you certain facts about the present position in Europe.

From Stettin in the Baltic to Trieste in the Adriatic, an iron curtain has descended across the Continent. Behind that line lie all the capitals of the ancient states of Central and Eastern Europe. Warsaw, Berlin, Prague, Vienna, Budapest, Belgrade, Bucharest and Sofia, all these famous cities and the populations around them lie in what I must call the Soviet sphere, and all are subject in one form or another, not only to Soviet influence but to a very high and, in many cases, increasing measure of control from Moscow. Athens alone Greece with its immortal glories is free to decide its future at an election under British, American and French observation. The Russian dominated Polish Government has been encouraged to make enormous and wrongful inroads upon Germany, and mass expulsions of millions of Germans on a scale grievous and undreamed of are now taking place. The Communist parties, which were very small in all these Eastern States of Europe, have been raised to pre-eminence and power far beyond their numbers and are seeking everywhere to obtain totalitarian control. Police governments

are prevailing in nearly every case, and so far, except in Czechoslovakia, there is no true democracy.

Turkey and Persia are both profoundly alarmed and disturbed at the claims which are being made upon them and at the pressure being exerted by the Moscow Government. An attempt is being made by the Russians in Berlin to build up a quasi-Communist party in their zone of Occupied Germany by showing special favours to groups of left wing German leaders. At the end of the fighting last June, the American and British Armies withdrew westwards, in accordance with an earlier agreement, to a depth at some points of 150 miles upon a front of nearly four hundred miles, in order to allow our Russian allies to occupy this vast expanse of territory which the Western Democracies had conquered.

If now the Soviet Government tries, by separate action, to build up a pro-Communist Germany in their areas, this will cause new serious difficulties in the British and American zones, and will give the defeated Germans the power of putting themselves up to auction between the Soviets and the Western Democracies. Whatever conclusions may be drawn from these facts and facts they are this is certainly not the Liberated Europe we fought to build up. Nor is it one which contains the essentials of permanent peace.

The safety of the world requires a new unity in Europe, from which no nation should be permanently outcast. It is from the quarrels of the strong parent races in Europe that the world wars we have witnessed, or which occurred in former times, have sprung. Twice in our own lifetime we have seen the United States, against their wishes and their traditions, against arguments, the force of which it is impossible not to comprehend, drawn by irresistible forces, into these wars in time to secure the victory of the good cause, but only after frightful slaughter and devastation had occurred. Twice the United States has had to send several millions of its young men across the Atlantic to find the war; but now war can find any nation, wherever it may dwell between dusk and dawn. Surely we should work with conscious purpose for a grand pacification of Europe, within the structure of the United Nations and in accordance with its Charter. That I feel is an open cause of policy of very great importance.

In front of the iron curtain which lies across Europe are other causes for anxiety. In Italy the Communist Party is seriously hampered by hav-

ing to Support the Communist-trained Marshal Tito's claims to former Italian territory at the head of the Adriatic. Nevertheless the future of Italy hangs in the balance. Again one cannot imagine a regenerated Europe without a strong France. All my public life I have worked for a Strong France and I never lost faith in her destiny, even in the darkest hours. I will not lose faith now. However, in a great number of countries, far from the Russian frontiers and throughout the world, Communist fifth columns are established and work in complete unity and absolute obedience to the directions they receive from the Communist centre. Except in the British Commonwealth and in the United States where Communism is in its infancy, the Communist parties or fifth columns constitute a growing challenge and peril to Christian civilisation. These are sombre facts for anyone to have to recite on the morrow of a victory gained by so much splendid comradeship in arms and in the cause of freedom and democracy; but we should be most unwise not to face them squarely while time remains.

The outlook is also anxious in the Far East and especially in Manchuria. The Agreement which was made at Yalta, to which I was a party, was extremely favourable to Soviet Russia, but it was made at a time when no one could say that the German war might not extend all through the summer and autumn of 1945 and when the Japanese war was expected to last for a further 18 months from the end of the German war. In this country you are all so well informed about the Far East, and such devoted friends of China, that I do not need to expatiate on the situation there.

I have felt bound to portray the shadow which, alike in the west and in the east, falls upon the world. I was a high minister at the time of the Versailles Treaty and a close friend of Mr. Lloyd-George, who was the head of the British delegation at Versailles. I did not myself agree with many things that were done, but I have a very Strong impression in my mind of that situation, and I find it painful to contrast it with that which prevails now. In those days there were high hopes and unbounded confidence that the wars were over, and that the League of Nations would become all powerful. I do not see or feel that same confidence or even the same hopes in the haggard world at the present time.

On the other hand I repulse the idea that a new war is inevitable; still more that it is imminent. It is because I am sure that our fortunes are still in our own hands and that we hold the power to save

the future, that I feel the duty to speak out now that I have the occasion and the opportunity to do so. I do not believe that Soviet Russia desires war. What they desire is the fruits of war and the indefinite expansion of their power and doctrines. But what we have to consider here to-day while time remains, is the permanent prevention of war and the establishment of conditions of freedom and democracy as rapidly as possible in all countries. Our difficulties and dangers will not be removed by closing our eyes to them. They will not be removed by mere waiting to see what happens; nor will they be removed by a policy of appeasement. What is needed is a settlement, and the longer this is delayed, the more difficult it will be and the greater our dangers will become.

From what I have seen of our Russian friends and Allies during the war, I am convinced that there is nothing they admire so much as strength, and there is nothing for which they have less respect than for weakness, especially military weakness. For that reason the old doctrine of a balance of power is unsound. We cannot afford, if we can help it, to work on narrow margins, offering temptations to a trial of strength. If the Western Democracies stand together in strict adherence to the principles of the United Nations Charter, their influence for furthering those principles will be immense and no one is likely to molest them. If however they become divided or falter in their duty and if these all important years are allowed to slip away then indeed catastrophe may overwhelm us all.

Last time I saw it all coming and cried aloud to my own fellow-countrymen and to the world, but no one paid any attention. Up till the year 1933 or even 1935, Germany might have been saved from the awful fate which has overtaken her and we might all have been spared the miseries Hitler let loose upon mankind. There never was a war in all history easier to prevent by timely action than the one which has just desolated such great areas of the globe. It could have been prevented in my belief without the firing of a single shot, and Germany might be powerful, prosperous and honoured today; but no one would listen and one by one we were all sucked into the awful whirlpool. We surely must not let that happen again. This can only be achieved by reaching now, in 1946, a good understanding on all points with Russia under the general authority of the United Nations Organisation and by the maintenance of that good understanding through many peaceful

years, by the world instrument, supported by the whole strength of the English-speaking world and all its connections. There is the solution which I respectfully offer to you in this Address to which I have given the title "The Sinews of Peace".

Let no man underrate the abiding power of the British Empire and Commonwealth. Because you see the 46 millions in our island harassed about their food supply, of which they only grow one half, even in war-time, or because we have difficulty in restarting our industries and export trade after six years of passionate war effort, do not suppose that we shall not come through these dark years of privation as we have come through the glorious years of agony, or that half a century from now, you will not see 70 or 80 millions of Britons spread about the world and united in defence of our traditions, our way of life, and of the world causes which you and we espouse. If the population of the English-speaking Commonwealths be added to that of the United States with all that such co-operation implies in the air, on the sea, all over the globe and in science and in industry, and in moral force, there will be no quivering, precarious balance of power to offer its temptation to ambition or adventure. On the contrary, there will be an overwhelming assurance of security. If we adhere faithfully to the Charter of the United Nations and walk forward in sedate and sober strength seeking no one's land or treasure, seeking to lay no arbitrary control upon the thoughts of men; if all British moral and material forces and convictions are joined with your own in fraternal association, the high-roads of the future will be clear, not only for us but for all, not only for our time, but for a century to come.

**IV. Отрывок из речи Э. Идена,
посвященной объединению Германии,
1 февраля 1956 года**

With respect to Germany, we agree that so long as it remains divided, there can be no genuine and stable peace. We shall continue our efforts to bring about the reunification of Germany in freedom. We regard the Government of the Federal Republic of Germany as the only German Government freely and legitimately constituted, and therefore alone entitled to speak as the representative of the German people in international affairs.

We reaffirm our abiding interest in the security and welfare of Berlin. We shall continue, as we have stated in the past, to regard any attack against Berlin from any quarter as an attack upon our forces and ourselves.

**V. Речь Г. Вильсона, обращенная
к гражданам Северной Ирландии,
25 мая 1974 года**

As this holiday weekend begins, Northern Ireland faces the gravest crisis in her history. It is a crisis equally for all of us who live on this side of the water. What we are seeing in Northern Ireland is not just an industrial strike. It has nothing to do with wages. It has nothing to do with jobs—except to imperil jobs. It is a deliberate and calculated attempt to use every undemocratic and unparliamentary means for the purpose of bringing down the whole constitution of Northern Ireland so as to set up there a sectarian and undemocratic state, from which one third of the people of Northern Ireland will be excluded. This is not — this has not been at any time over these past few difficult years — a party matter in the House of Commons or in this country at all. Where the political wildcats of Northern Ireland seek to divide and embitter, all the major parties in Britain have sought to heal and to unite. In the years before 1970 the then Conservative opposition supported the action the Labour Government took when we put the troops in, in a security role, and issued the Downing Street Declaration which gave the most specific guarantees to the people of Northern Ireland about their right to determine their own future. When Labour was in opposition we supported Mr. Heath, Mr. Whitelaw and later Mr Francis Pym, first when they suspended the old one-sided Stormont parliamentary system which had broken down, then when they devised a new constitution aimed at reconciliation and shared power in Northern Ireland and again in the initiatives they took to secure better relations between Ulster and the Irish Republic. On few constitutional issues in our history have we seen the full government party and the full opposition party voting together for such measures and carrying them with overwhelming majorities. Agreement was reached by the Northern Ireland Executive in the last few days on arrangements for a new and constructive relationship between North and South. It provides additional reassurance to those in the North who still feared that their

way of life would give way to a new all-Ireland system threatening their religious and political beliefs.

There is nothing to fear here and they know it. What has been achieved in Northern Ireland these last two years provides hope for its future. We are not going to see that set aside by thugs and bullies behaving as they did at Ballymena last night. We have made clear as a government, and we speak for the overwhelming majority of the House of Commons so recently elected, that we will not negotiate on constitutional or political matters in Northern Ireland with anyone who chooses to operate outside the established constitutional framework, with non-elected, self-appointed people who are systematically breaking the law and intimidating the people of Northern Ireland their fellow citizens and our fellow citizens within the United Kingdom.

We stand by, as our predecessors stood by — and still stand by the decision taken last year that the Northern Ireland Assembly and the Northern Ireland Executive provide the only basis for peace, the only basis for order and good government in Northern Ireland. Today the law is being set aside. British troops are being hampered in tasks which were already daunting and unprecedented within a nation supposed to be enjoying the benefits of peace. Those who are now challenging constitutional authority are denying the fundamental right of every man and woman the right to work. They have decided, without having been elected by a single vote, who shall work in Northern Ireland and who shall not. They seek to allocate food, to decide who shall eat and who shall not. By their action, children are prevented from going to school, essential services are in peril. The payment of social security benefits is reduced to chaos through interference with the methods of payment. By their use of force and intimidation they have condemned hundreds of thousands of workers to involuntary unemployment. What they do not realise — what I hope that they do not realise — is how far they may be imperilling the jobs of Northern Ireland for years to come, and this in a province where unemployment is traditionally one of the greatest social evils. We recognise that behind this situation lie many genuine and deeply held fears. I have to say that these fears are unfounded: that they are being deliberately fostered by people in search of power.

The people on this side of the water — British parents — have seen their sons vilified and spat upon and murdered. British taxpayers have seen the taxes they have poured out, almost without regard to

cost — over J300 million a year this year with the cost of the Army operation on top of that — going into Northern Ireland. They see property destroyed by evil violence and are asked to pick up the bill for rebuilding it. Yet people who benefit from all this now viciously defy Westminster, purporting to act as though they were an elected government; people who spend their lives sponging on Westminster and British democracy and then systematically assault democratic methods. Who do these people think they are? It is when we see the kind of arrogant, undemocratic behaviour now going on that the patience of citizens, parents, taxpayers becomes strained. Tonight I ask for an extension of that patience for as long as it is needed. Tonight I ask for the continued support of a long-suffering people in dealing with a situation in which the law is being set aside and essential services are being interrupted. It is our duty as the United Kingdom Parliament and the United Kingdom Government to ensure that minorities are protected, that those in greatest need are helped, that essential services are maintained, not by the condescension of a group of self-appointed persons operating outside the law, but by those who have been elected to ensure that these things shall be done.

The people of Northern Ireland and their democratically elected Assembly and Executive have the joint duty of seeing this thing through on the only basis on which true unity can be achieved — democratic elections, constitutional government and the spirit of tolerance and reconciliation.

And in doing that they will have the support of the British Government, with our responsibilities within the United Kingdom and our responsibilities in world affairs, for law and order in Northern Ireland. We intend to see it through with them.

**VI. Речь Дж. Каллагэна («Британия сегодня»),
14 сентября 1976 года**

Mr. Chairman, distinguished guests, ladies and gentlemen: My wife and I are very happy to be here at this dinner meeting of the members of the Empire and Canadian Clubs. It gives us the opportunity of saying thank you to many people in different provinces of this, the second largest country in the world, for the kindness and hospitality that we have met during our journey.

It is not given to everybody to fulfil their lifetime ambitions. But I am very happy to be in the process now of fulfilling a boyhood dream to travel the length of Canada and to see for myself its beauty, its diversity, its skill and its strength. This particularly struck me today, when I had the opportunity of seeing from the top of the CN Tower a view of the vast productive complex of industry and development that typifies Canada today. Canada is a country which excites the imagination of the British people. There are few in Britain who do not have relatives or friends who have come to live here. Only a few days ago I entertained the British athletes who had competed in the Olympic Games in Montreal. Without exception I was told that they had never before experienced such warm hospitality, whilst the administrative arrangements had excelled anything in their previous experience. Canada has made many friends among our young athletes, which will strengthen the ties of kinship and friendship which bind us together.

This extended visit of mine is intended to symbolise Britain's recognition of Canada as a country of great and growing significance in world affairs. This is well illustrated by your expected membership of the Security Council of the United Nations next year, and your joint chairmanship of the Conference on International Economic Cooperation, and of course you are making great contributions to United Nations Peace-keeping Forces, as well as continuing to play an important role in the defence of the North Atlantic and Europe. The purpose of my visit is to strengthen the partnership between Canada and my own country. Because Britain is an old country it has become the fashion to underrate the great reserves of strength and stability that we possess, the massive technological knowledge and experience of our people, and to ignore the achievements and the process of adaptation and change that is taking place.

Misinformed people talk of decline but let me speak of achievements: our nuclear engineering; our medical and scientific instrumentation; our computer manufacturing; our off-shore oil technology; and our agricultural machinery which supports one of the most efficient agricultural industries in the world.

Our industrial system is an old one, the forerunner for most of the world. Now we have embarked upon a new industrial strategy to modernise and broaden that industrial base. Perhaps the element of this strategy that is most likely to ensure its success is that it is being

worked out with the active consent and assistance of employers and trade unionists, working together to analyse and propose improvements in 39 separate sectors of industry. They are agreed on the need to regenerate our industrial structure and it is taking place at a time when we have the good fortune of a growing substantial bonus from North Sea oil. Already this year the North Sea oil will contribute nearly \$2 billion to our balance of payments. Next year that figure should be more than doubled and by 1980 Britain will be self-sufficient in our oil supplies. This will be worth more than \$11 billion a year, all of which will represent an improvement in our balance of payments.

I repeat that this will be a bonus, for we are working on the assumption that our long term prosperity depends upon a successful regeneration of our industrial system. We are placing great reliance upon the Social Contract entered into between the government and the trade unions. As a result of this combination of circumstances, Britain has a great opportunity to emerge in the 1980s as a most powerful economy. Britain and Canada therefore have much to contribute to each other, based on our kinship, our history, our understanding, our affection and our joint interests. Yours is a land of great opportunity with a tremendous future, and I shall return home determined to play my part in making our partnership thrive. We shall be working together in a world whose fortunes and economies are increasingly interdependent a world which has recently suffered a major industrial recession. In some measure it is true to say that inflation and unemployment have had their roots in national policies, but these twin evils are also products of the world recession. The booms that took place in a number of national economies in 1972 and 1973 took place simultaneously and resulted in an explosion of the prices of commodities and an over-plentiful supply of money, whose effects were compounded by the unprecedented leap in energy prices. Together these produced a deeper world recession than we have witnessed since the 1930s. Each country has a responsibility to take its own measures to overcome inflation and reduce unemployment, but there is an increasing understanding that our economies are interdependent and that what one country does may have a major impact on others.

The present preoccupations of the major industrial countries of the world are to achieve a rate of growth in our economies that can be sustained whilst at the same time overcoming inflation and reducing

unemployment. As individual countries our economies do not always move in step. Although that is not necessarily a disadvantage, for my country it is a matter of concern at the present time that the rate of growth of industrial activity in a number of other countries is slowing down, for at this very moment our economy is beginning to grow faster. It will be important to ensure that all our countries maintain a rate of economic growth that can be sustained in the longer term. Both Canada and Britain must play an active part in international discussions to achieve this end.

It is a matter of concern that in the ten major industrial countries as a whole there has been virtually no change in the total level of unemployment during the past year. It is falling in very few countries and in some countries it is still rising. There is as yet no international agreement as to whether all our policies will ensure that unemployment falls to the levels to which we have become accustomed since the Second World War. I confess to some doubts as to whether they will and add that people will not be willing to accept a situation in which the statesmen of the world seem to be incapable or unwilling to develop policies to overcome the scourge of unemployment, particularly among the young. I cannot accept the idea that large numbers of young people must leave school to go into unemployment. This is socially and morally corrupting and disastrous. In the United Kingdom we are exploring new ways of ameliorating the effects on young people in the present recession, and some very imaginative schemes are being developed; but both here and with my colleagues in the Council of Europe I shall be laying great stress on the importance of finding lasting solutions to the whole problem of unemployment. It must be our continuous task in our international discussions to find lasting solutions.

One particular problem I must raise is the future of those economies Japan is a near example with vast balance of payments surpluses. Their output has risen strongly, their exports have leapt ahead, but their imports have lagged behind. This situation is causing concern in Britain and in other countries of Europe and the world. Of course we want to boost world trade the UK is nothing if not a trading nation but trade must be reciprocal. For example, as a result of her policies Japan had a balance of payments surplus of \$2.8 billion in the first six months of 1976. I advance the view that the world cannot achieve a healthy balance in its economy on the basis of vast export surpluses in

certain countries and that whilst we all have a responsibility to correct this imbalance, a major responsibility rests upon the surplus countries themselves. We should not fall into the error of assuming that the western industrialised world is alone in its troubles. Eastern Europe has its problems too. Not all of the targets of the last five year plan in the Soviet Union were achieved. Consumer interests in the Soviet Union seem to be accorded a rather lower priority than they have had in recent years despite their importance as incentives to greater productivity. Mr. Brezhnev himself has stressed the difficulties which the Soviet Union will need to overcome because of the increasing cost of extracting raw materials, and because of the Soviet Union's need to invest heavily in their economic infrastructure at a time when the labour force will be growing at a smaller rate. It may be that the Soviet Union's economic growth will itself slow down during the next five years. At the same time, eastern Europe has accepted very large credits from the west for its own industrial development, and their indebtedness to the rest of the world has increased substantially.

There are those who argue that growth in the east/west trade, particularly if financed by credits from the west, will serve only to assist the growth of Soviet armed strength. Whilst we should take due note of the fact that the Soviet Union has in fact been building substantial armed forces, nevertheless I believe that the development of economic relations can increasingly involve the Soviet Union in a more stable and beneficial relationship with the west which it will not be in their interest to disturb. This policy has become known as detente, and as a signatory of the Helsinki Agreement we accept its implications in all the fields of economic relations, cultural exchanges and human relationships and we look to all signatories and do the same. Nevertheless, we should give the Soviet Union no reason to underestimate the long term risks to this agreement if they pursue policies in parts of the world other than Europe that are at odds with the policy of detente.

We have in common with the Soviet Union the desire to achieve a sufficient degree of stability to avoid the horrors of war. We proceed on the assumption that the Soviet Union is in earnest in its wish to improve relations between states. We must nevertheless not lose sight of the fact that, as the Russians' own statements have told us, the ideological struggle will continue. Nor must we be blind to Soviet priorities in the third world. Britain stands for the right of the people of Namibia and

Rhodesia to free themselves, and the west must beware of being wrong footed in the struggle that is going on in these territories and which will gain momentum. In my judgment we are at the moment making the correct response. The mission of Dr. Kissinger to Africa is one which I welcome wholly, for he is proceeding on a basis which recognises that the black community in Rhodesia must secure their own majority rule and their independence, whilst offering the white minority a secure future. In Namibia also the policy is clear, namely that this territory should become independent and free. In South Africa it is the policies of apartheid which will fail, for these policies are not morally right.

This brings me to the question of the current dialogue at the Conference for International Economic Cooperation between the industrialised countries and the developing world. We owe a considerable debt of gratitude to Canada for providing a joint chairman of the Conference in the person of your Minister of External Affairs, Mr. MacEachen, and for his skilful and patient co-chairmanship. We are particularly glad that the Conference has now got back to work and we attach great importance to a satisfactory conclusion to the Conference in December. Britain, like Canada, will play her full part. Our position on a number of unresolved questions is well known and we shall take a positive and constructive attitude in order to try to ensure the success of the Conference.

If that success can be achieved it will provide a useful forerunner to the Commonwealth Prime Ministers' Conference which will take place in London next year. This Conference, now made up of 36 member nations, will represent another stage in our efforts to strengthen the developing nations of the world. It was for this reason that two months ago, when we in Britain cut our public expenditures in almost every field, we left untouched the sums that we had voted for the purpose of overseas development and aid to the poorer countries of the Commonwealth and other parts of the world.

Coming to our own affairs, I do not see in any way that Britain's membership of the European Community has weakened our relationships with Canada. Indeed we warmly supported, and gave every encouragement to Canada to become the first developed country to reach an agreement of commercial and economic cooperation with the European Community. But we naturally do not wish to see the Community supplant our relations with you, based as they are on our historic ties and

our close personal relationships. We shall continue to look to you as a secure economic and industrial partner, a secure source of supplies of all kinds, not only the traditional food and raw materials but also your industrial products. At the same time we wish to 'sell you more than you buy from us at the present, and I am sorry to see that Japan is now the second largest exporter to Canada instead of Britain. We have much that we can offer you in capital and industrial goods as well as consumer goods, and I was very happy to hear in some of the western provinces that they feel that British business is playing its full part in taking advantage of the growing economic development of those provinces. In the field of aero-engines there is a prospect of doing worthwhile business and we also see prospects for cooperation between your Department of Energy and Mines and our own National Coal Board which has developed new coalproducing equipment and new and different techniques for coal utilisation. The British government is encouraging British industry to develop further its trade with your stable and expanding market, not only in eastern Canada, but also in western Canada. We are ready to explore with you cooperation in all industrial fields that can be of mutual benefit, for our countries have a common understanding and a common outlook. Our two governments share a deep commitment to containing the dangers of further proliferation of nuclear explosives. We both act responsibly as nuclear exporters and accept safeguards on our civil nuclear installations, and we hope soon to conclude a new arrangement with you to cover civil nuclear transfers. There is considerable nuclear cooperation between the two of us in a field in which we are amongst the world leaders. It is our desire that this cooperation should develop to the benefit of both our nations. We hope that eventually all countries will realise, as we have done, that the acceptance of international safeguards of the full nuclear fuel cycle is the best way to build up international confidence in a world regime that will prevent proliferation and so ensure the safety of the next generation.

Finally, a further word about Britain's industrial regeneration and the Social Contract, a concept which I find is of increasing interest to other countries. This understanding, reached between the trade unions and the government, is not only about wages and labour relations. If it were so, it would not endure. An essential condition for its success is that the government takes the trade unions actively into consultation

about new government policies, especially in the economic and social fields. It is more than a matter of keeping the trade unions informed of what government is doing or proposing. It is a meaningful consultation about alternative policies and about priorities in the social field. As such it has already begun to produce valuable results and has stood up to many strains. You are aware that since last year the trade unions have voluntarily undertaken to limit their wage settlements. Only last week a proposed strike by our seamen, against what they regard as the rough justice of the last pay deal, was averted by the intervention of the other trade unions themselves.

The time has come to correct the fashionable impression that because of some well-publicised disputes Britain is a strike-ridden country. It does us immense harm and is not true. Last year was a good year, and as for 1976, so far we have had fewer stoppages that at any time since the early 1950s. Indeed if you will allow me to say so, our strike record is better than either the United States or your own.

The Social Contract has contributed to this improvement and has also enabled us to launch a combined attack on the problem of inflation. I am glad to say that our inflation rate has gone down dramatically from over 26% to about 13% during the last twelve months. The trade union movement is at one with the government in the view that the best long-term method of reducing our unemployment is to overcome the problem of inflation, and they have given their full support in this difficult task.

As part of the Social Contract the government has given undertakings to ensure that the worst-off section of our community does not suffer unduly. Following on this, there has been agreement among ourselves between government, industry and labour together, that the balance of payments, increased investment in our manufacturing industry and the better use of our existing investment must take priority both over personal consumption and over our desired social objectives. The results are to be seen in our rising export figures which during the first seven months of this year have gone up by 6 1/2% in volume compared with the same period last year. I do not know whether what is happening in Britain has any significance for other countries for conditions are everywhere different. But it may be that we are pioneering in a new approach to overcome problems that are being experienced by all the western industrialised countries in a greater or lesser degree.

We are now at a watershed in Britain's history. I believe there are rational grounds for optimism, for Britain is better poised now to achieve a new industrial thrust and new and stable prosperity than it has been in my lifetime. The British people know that this will not be achieved overnight nor without considerable effort, but we are working towards a Britain that will be economically powerful and socially just.

**VII. Речь М. Тэтчер о европейской
политической архитектуре,
15 мая 1992 года**

We are fortunate to be meeting in the Hague, a beautiful city kept beautiful by a country which values its architectural heritage. Goethe described architecture as "frozen music". And in a city like this it is not hard to imagine the grand symphonic melodies and subtle chamber music harmonies that might be released if we could defrost the Town Hall, the great urban squares, or some of the smaller side-streets. Because it is a public art with which we all have to live, architecture tells us a lot about ourselves, about our idea of God, about our relationship with our fellow-men, about our vision of Man's destiny.

The great medieval cathedrals gave us an exalted spiritual view of Man's place in a universe governed by an all-loving and all-seeing Creator. The Age of Reason pictured civilised man in a neat geometrically ordered landscape dotted with neo-classical structures at regular intervals — with no more than one small folly to each estate. The revival of Religion and Moral Seriousness under Queen Victoria saw also a Gothic Revival that again pointed man's eyes heavenwards.

And in our own day, the vision of New European Man walking purposefully towards the Common Agricultural Policy was exquisitely realized in the Berlaymont building in Brussels. What music would Goethe hear if he could look upon the Berlaymont, perhaps while acting as an advisor to the Commissioner responsible for developing a policy for European culture (which has languished so long without one)?

Surely the music would be something atonal and very long, perhaps performed by an orchestra including vacuum cleaners, scrubbing boards, and taxi-horns, with Songs of Harmonisation sung by a mixed choir from the Paris School of Deconstructionism. And what a climax of discord and disharmony! For the Berlaymont — its halls lined with

cancer-causing asbestos — is to be pulled down. We might say of such architecture that it is modern in conception, but uncomfortable to live in, and likely to fall down in a few years. But is it even modern in conception?

It was once. But look at the architecture of the last fifty years — look, in particular, at the architecture that went beyond the modern to the futuristic. It was certainly a very dramatic architecture but the one thing it no longer expresses is the Future. What it expresses is yesterday's vision of the future — one captured by the poet John Betjeman in 1945: "I have a vision of the future, chum. The workers' flats, in fields of soya beans, Tower up like silver pencils, score on score". But the Berlaymont school of architecture is a convenient symbol for the political architecture of the European Community. For it too is infused with the spirit of "yesterday's future". Mr. Chairman, the European Community we have today was created in very different circumstances to deal with very different problems. It was built upon very different assumptions about where the world was heading. And it embodied political ideas and economic theories that in the light of recent history we have to question.

Today I want to do exactly that. In particular, I shall try to answer three questions. First, how can we best deal with the imbalance in Europe created by the re-unification and revival of Germany?

Second, how can we reform European institutions so that they accommodate the diversity of post-Communist Europe and be truly democratic?

Third, how can we ensure that the new Europe contributes to — rather than undermines — the world's economic prosperity and political stability? Our answers to these questions can no longer be bound by the conventional collectivist wisdom of the 1940's and 50's. That is yesterday's future. We must draw on the ideas of liberty, democracy, free markets and nation-hood that have swept the world in the last decade.

The Beginning of the Community The European Community which we now have was set up for circumstances that were quite different from those of today. It was Winston Churchill who, with characteristic magnanimity in 1946, with his Zurich speech, argued that Germany should be rehabilitated through what he called "European Union" as "an association between France and Germany" which would "assume

direction". This could not be done overnight, and it took American leadership.

In 1947, after travelling through Europe in that terrible winter, when everything froze over, George C. Marshall, the then Secretary of State, promoted the idea of American help. Marshall Aid was administered by institutions set up ad hoc (it had to be, if only because most European states did not have adequate machinery, the Greek delegate being found one day simply making up figures for his country's needs. Plus ça change. Plus c'est la meme chose).

The initial impetus was for European recovery. It owed much to simple American good-heartedness. It owed something to commercial calculation — the prosperity of Europe, in free-trade conditions, would also be the prosperity of America. But the main thing was the threat from Stalin. Eastern Europe had shown how demoralized peoples could not resist cunningly executed Communist take-overs, and Marshall Aid was intended to set western Europe back on its feet.

It was a prodigious success. Who, in 1945, would have guessed that defeated and ruined Germany would, by 1951, be exporting more than the British? But we have found, again and again, that institutions devised for one set of problems become obstacles to solving the next set — even that they become problems in their own right. The Common Agricultural Policy is one such.

As originally devised, it had a modest aim that was not unreasonable. Over-numerous peasant farmers had been unable to earn a decent living between the wars, and in those days subsidy and regulation were the conventional wisdom. We in Great Britain had not suffered nearly as badly as our continental neighbours, because we had, even in 1900, almost no peasants: nonetheless we had, in the 1930's, a Milk Marketing Board which was supposed to control prices, and therefore had the precise function of not marketing milk — instead, pouring it down mine-shafts and regulating various cheeses out of existence. Yet we all know that the CAP, is now an expensive headache, and one quite likely to derail the Uruguay Round. Because of agricultural protection we stop food-imports from the poorer countries. They themselves are nowadays vehement supporters of market-principles: it is from the Cairns Group of developing countries that you hear demands for free trade.

Yet in the industrialized part of the world, the tax-payer and the consumer stump up \$270 billion in subsidies and higher costs; and the

World Bank has calculated that, if the tariff and other barriers were cut by half, then the poorer countries would gain at once, in exports, \$50 billion.

In case you might think that these sentiments are somehow anti-European, I should say that they come from an editorial in the economic section of the *Frankfurter Allgemeine Zeitung* of 4 May. Here we have a prime example of yesterday's solutions, becoming to-morrow's problems.

You could extend this through the European institutions as a whole. They were meant to solve post-war problems, and did so in many ways extremely well. Western Europe did unite against the Soviet threat, and, with Anglo-American precepts, became free and very prosperous. That prosperity, denied to the peoples of eastern Europe and Russia, in the end caused demoralization among their rulers, and revolt from below. We are now in a quite different set of circumstances, with the Cold War over.

Looking at European institutions today, I am reminded of a remark made about political parties in the French Third Republic. Some of them had names which reflected radical republican origins from the 1870's, but years later they had become conservative. These radical names, ran the remark, were like the light reaching Earth from stars that were long extinct.

Equally with the end of the Cold War we have to look again at the shape of Europe and its institutions. Mr. Chairman, let me turn first to the new situation created by the re-unification of Germany. And let me say that if I were a German today, I would be proud — proud but also worried.

I would be proud of the magnificent achievement of rebuilding my country, entrenching democracy and assuming the undoubtedly preponderant position in Europe. But I would also be worried about the European Community and its direction. The German taxpayer pays dearly for its place in Europe. Britain and Germany have a strong joint interest in ensuring that the other Community countries pay their fair share of the cost — and control the Community's spending more enthusiastically — without leaving us to carry so much of the burden. Germany is well-equipped to encourage such fiscal prudence. Indeed I would trust the Bundesbank more than any other European Central Bank to keep down inflation — because the Germans have none too

distant memories of the total chaos and political extremism which hyper-inflation brings.

The Germans are therefore right to be increasingly worried about the terms they agreed for economic and monetary union. Were I a German, I would prefer the Bundesbank to provide our modern equivalent of the gold standard rather than any committee of European bankers. But there is an understandable reluctance on the part of Bonn to defend its views and interests so straightforwardly.

For years the Germans have been led to believe by their neighbours that their respectability depends on their subordinating their national interest to the joint decisions in the Community.

It is better that that pretence be stopped. A reunited Germany can't and won't subordinate its national interests in economic or in foreign policy to those of the Community indefinitely. And sometimes Germany will be right, when the rest are wrong, as it was over the recognition of Croatia and Slovenia. Indeed, if the Federal Republic had led the way in recognising these countries earlier, Serbian aggression might have been deterred and much bloodshed prevented. Whether rightly or wrongly exercised, however, Germany's new pre-eminence is a fact. We will all be better off if we recognise that modern democratic Germany has come of age. Nevertheless Germany's power is a problem — as much for the Germans as for the rest of Europe.

Germany is too large to be just another player in the European game, but not large enough to establish unquestioned supremacy over its neighbours. And the history of Europe since 1870 has largely been concerned with finding the right structure to contain Germany.

It has been Germany's immediate neighbours, the French, who have seen this most clearly. Both Briand in 1929 and Schuman after the Second World War proposed structures of economic union to achieve this. Briand's proposal was made just at the moment when the rise of the Nazis made such a visionary scheme impossible and it failed. But Schuman's vision of a European Community was realised because of an almost unique constellation of favourable circumstances.

The Soviet threat made European cooperation imperative. Germany was itself divided. Other Western nations sought German participation in the defence of Western Europe. West Germany needed the respectability that NATO and the Community could give. And American presence in, and leadership of, Europe reduced the fears of Germany's neighbours.

With the collapse of the Soviet Union and reunion of Germany, the entire position has changed. A new Europe of some 30 states has come into being, the problem of German power has again surfaced and statesmen have been scrambling to produce a solution to it. At first France hoped that the post-War Franco-German partnership with France as the senior partner would continue. Chancellor Kohl's separate and successful negotiations with Mr. Gorbachev quickly showed this to be an illusion. The next response of France and other European countries was to seek to tie down the German Gulliver within the joint decision-making of the European Community. Again, however, this quickly proved to be an illusion. Germany's preponderance within the Community is such that no major decision can really be taken against German wishes.

In these circumstances, the Community augments German power rather than containing it. Let me illustrate this point with two examples where I agree with the German position. The first, as I have mentioned, was the German decision to recognise Croatia and Slovenia which compelled the rest of Europe to follow suit.

The second, is the refusal of the Bundesbank to pursue imprudent financial policies at the urging of some of the countries of the G7. However much I may sympathise with these policies, the blunt fact is that Germany has followed its own interests rather than the advice of its neighbours who have then been compelled to adjust their own stance. In these circumstances Mr. Chairman I understand Chancellor Kohl's willingness to surrender Germany's sovereignty in the interests of European unity!

What follows from this is that German power will be best accommodated in a looser Europe in which individual nation-states retain their freedom of action. If Germany or any other power then pursues a policy to which other countries object, it will automatically invite a coalition against itself. And the resulting solution will reflect the relative weight of the adversaries. A common foreign policy, however, is liable to express the interests of the largest single actor. And a serious dispute between EC member states locked into a common foreign policy would precipitate a crisis affecting everything covered by the Community. The general paradox here is that attempts at co-operation that are too ambitious are likely to create conflict.

We will have more harmonious relationships between the states of Europe if they continue to have room to make their own decisions and

to follow their own interests — as happened in the Gulf War. But it would be idle to deny that such a balance of power — for that is what I have been describing — has sometimes broken down and led to war. And Europe on its own, however organised, will still find the question of German power insoluble. Europe has really enjoyed stability only since America became a European power. The third response therefore is to keep an American presence in Europe. American power is so substantial that it dwarfs the power of any other single European country. It reassured the rest of Europe in the face of Soviet power until yesterday; and it provides similar comfort against the rise of Germany today — as the Germans themselves appreciate. Why aren't we worried about the abuse of American power? It is difficult to be anxious about a power so little inclined to throw its weight around that our principal worry is that American troops will go home.

And there's the rub. There is pressure isolationist opinion in the USA to withdraw from Europe. It is both provoked and encouraged by similar thinking in the Community which is protectionist in economics and "little European" in strategy. In trade, in the GATT negotiations, in NATO's restructuring, we need to pursue policies that will persuade America to remain a European power.

Europe Free and Democratic If America is required to keep Europe secure, what is required to keep Europe free and democratic?

When the founders of the European Community drew up the Treaty of Rome, they incorporated features from two quite different economic traditions. From Liberalism they took free trade, free markets and competition. From Socialism (in guises as various as Social Catholicism and Corporatism) they took regulation and intervention. And for thirty years — up to the signing of the Single European Act — these two traditions were in a state of perpetual but unacknowledged tension. Now — with the Commission exploiting the Single European Act to accumulate powers of greater direction and regulation — Europe is reaching the point at which it must choose between these two approaches. Is it to be a tightly-regulated, centralised bureaucratic federal state, imposing uniform standards throughout the Continent? Or is it to be a loose-knit decentralised free-market Europe of sovereign states, based upon competition between different national systems of tax and regulation within a free trade area? M. Delors at least seems to be quite clear.

Before the ink is even dry on the Maastricht Treaty, the President of the European Commission, who has always been admirably frank about his ambitions, is seeking more money and more powers for the Commission which would become the Executive of the Community, in other words a European Government.

And this initiative comes on top of a Treaty that met the Commission's demand for a "single institutional structure" for the Community. So there is no doubt what the President of the Commission is aiming at — it is a tightly centralised European federal state. Nor is there any mystery about the urgency with which he presses the Federalist cause. Even though he may wish to defer the "enlargement" of the Community with the accession of Eastern Europe, he realises it is impossible.

A half-Europe imposed by Soviet tyranny was one thing; a half-Europe imposed by Brussels would be a moral catastrophe depriving the Community of its European legitimacy. The Commission knows it will have to admit new members in the next few decades. But it hopes to construct a centralised European super-state in advance — and irrevocably — so that the new members will have to apply for entry on federalist terms. This is not so much constructing a common European home — as a Common European Prison. And it's just not on.

Imagine a European Community of 30 nations, ranging in their economic productivity from Germany to Ukraine, and in their political stability from Britain to Poland,

- all governed from Brussels;
 - all enforcing the same conditions at work;
 - all having the same worker rights as the German Unions;
 - all subject to the same interest rates, monetary, fiscal and economic policies;
 - all agreeing on a common Foreign and defence policy;
 - and all accepting the authority of an Executive and a remote foreign Parliament over "80% of economic and social legislation".
- Mr. Chairman, such a body is an even more utopian enterprise than the Tower of Babel. For at least the builders of Babel all spoke the same language when they began. They were, you might say, communautaire. Mr Chairman, the thinking behind the Commission's proposals is essentially the thinking of "yesterday's tomorrow". It was how the best minds of Europe saw the future in the ruins after the Second World War. But they made a central intellectual mistake. They assumed that

the model for future government was that of a centralised bureaucracy that would collect information upwards, make decisions at the top, and then issue orders downwards.

And what seemed the wisdom of the ages in 1945 was in fact a primitive fallacy. Hierarchical bureaucracy may be a suitable method of organising a small business that is exposed to fierce external competition — but it is a recipe for stagnation and inefficiency in almost every other context.

It can collect and use only a fraction of the information that the market picks up, and acts upon minute by minute — and so it gets it wrong. The top cannot be sure that its orders are carried out by the bottom. And the organisation as a whole has no feedback that would indicate whether it is performing well or badly. Such flaws might be of minor importance in a monastery where, after all, the wishes of the monks are not the criteria of success. In a Government, however, they produce the economic chaos and alienation we saw under communism.

Yet it is precisely this model of remote, centralised, bureaucratic organisation that the European Commission and its federalist supporters seek to impose on a Community which they acknowledge may soon contain many more countries of widely differing levels of political and economic development, and speaking more than fifteen languages.

“C’est magnifique, mais ce n’est pas la politique”. The larger Europe grows, the more diverse must be the forms of co-operation it requires. Instead of a centralised bureaucracy, the model should be a market — not only a market of individuals and companies, but also a market in which the players are governments.

Thus governments would compete with each other for foreign investments, top management and high earners through lower taxes and less regulation. Such a market would impose a fiscal discipline on governments because they would not want to drive away expertise and business. It would also help to establish which fiscal and regulatory policies produced the best overall economic results. No wonder socialists don’t like it. To make such a market work, of course, national governments must retain most of their existing powers in social and economic affairs.

Since these governments are closer and accountable to their voters — it is doubly desirable that we should keep power at the

national level. Mr Chairman, in 1996, when the arrangements agreed at Maastricht are due to be reviewed, and probably a good deal earlier, the Community should move in exactly the opposite direction to that proposed by the President of the Commission.

A Community of sovereign states committed to voluntary co-operation, a lightly regulated free market and international free trade does not need a Commission in its present form.

The government of the Community — to the extent that this term is appropriate — is the Council of Ministers, consisting of representatives of democratically elected national governments.

The work of the Commission should cease to be legislative in any sense. It should be an administrative body, like any professional civil service, and it should not initiate policy, but rather carry it out. In doing this it should be subject to the scrutiny of the European Parliament acting on the model of Commons Select Committees.

In that way, whatever collective policies or regulations are required would emerge from deliberation between democratic governments accountable to their national parliaments rather than being imposed by a bureaucracy with its own agenda. But need this always be done in the same “single institutional structure”? New problems arise all the time. Will these always require the same level and type of co-operation in the same institutions?

I doubt it. We need a greater flexibility than the structures of the European Community have allowed until very recently. A single institutional structure of its nature tends to place too much power in the central authorities.

It is a good thing that a Common Foreign Policy will continue to be carried on under a Separate Treaty and will neither be subject to the European Court nor permit the Commission to fire off initiatives at will.

If “Europe” moves into new areas, it must do so under separate treaties which clearly define the powers which have been surrendered. And why need every new European initiative require the participation of all members of the Community? It will sometimes be the case — especially after enlargement that only some Community members will want to move forward to another stage of integration.

Here I pay tribute to John Major’s achievement in persuading the other 11 Community Heads of Government that they could move ahead

to a Social Chapter but not within the treaty and without Britain's participation. It sets a vital precedent. For an enlarged Community can only function if we build in flexibility of that kind. We should aim at a multi-track Europe in which ad hoc groups of different states — such as the Schengen Group — forge varying levels of co-operation and integration on a case-by-case basis. Such a structure would lack graph paper neatness.

But it would accommodate the diversity of post-Communist Europe. The European Parliament Supporters of federalism argue, no doubt sincerely, that we can accommodate this diversity by giving more powers to the European Parliament. But democracy requires more than that.

To have a genuine European democracy — you would need a Europe-wide public opinion based on a single language; Europe-wide political parties with a common programme understood similarly in all member-states; a Europe-wide political debate in which political and economic concepts and words had the same agreed meaning everywhere. We would be in the same position as the unwielding Habsburg Empire's Parliament. That parliament was a notorious failure. There were dozens of political parties, and nearly a dozen peoples were represented — Germans, Italians, Czechs, Poles and so on. For the government to get anything through — for instance, in 1889 a modest increase in the number of conscripts — took ages, as all the various interests had to be propitiated. When one or other was not satisfied, its spokesmen resorted to obstruction — lengthy speeches in Russian, banging of desk-lids, throwing of ink-wells and on one occasion the blowing of a cavalry trumpet by the Professor of Jurisprudence at the German University of Prague. Measures could not be passed, and budgets could only be produced by decree. The longest-lasting prime minister, Count Taaffe, remarked that his highest ambition in politics was the achievement of supportable dissatisfaction on all sides — not a bad description of what the European Community risks becoming.

And because of the irresponsibility of parliaments, the Habsburg Monarchy could really only be ruled by bureaucrats. It took twenty-five signatures for a tax-payment to be validated; one in four people in employment worked for the state in some form or another, even in 1914, and so many resources went to all of this that not much was left for defence: even, the militarybands had to be cut back, Radetzky March

and all. Of course it was a tremendous period in cultural terms both in Vienna and in Budapest. We in England have done mightily well by the emigration, often forced, to our shores of so many talented people from Central Europe. But the fact is that they had to leave their native lands because political life became impossible. This example could be multiplied again and again. Belgium and Holland, which have so much in common, split apart in 1831. Sweden and Norway, which have even more in common, split apart in 1905.

It does seem simply to be a straight-forward rule in modern times that countries which contain two languages, even if they are very similar, must in the end divide, unless the one language absorbs the other. It would be agreeable to think that we could all go back to the world of the Middle Ages, when the educated classes spoke Latin, and the rulers communicated in grunts.

But we cannot. Unless we are dealing with international co-operation and alliances, freely entered-into, we create artificial structures which become the problem that they were meant to address.

The League of Nations when the Second World War broke out, resolved to ignore the fact and to discuss, instead, the standardization of level-crossings. Mr Chairman, I am sometimes tempted to think that the new Europe which the Commission and Euro-federalists are creating is equally ill-equipped to satisfy the needs of its members and the wishes of their peoples. It is, indeed, a Europe which combines all the most striking failures of our age.

— The day of the artificially constructed megastate has gone. So the Euro-federalists are now desperately scurrying to build one.

— The Swedish style welfare state has failed — even in Sweden. So the Euro-statists press ahead with their Social Chapter.

— Large scale immigration has in France and Germany already encouraged the growth of extremist parties. So the the European Commission is pressing us to remove frontier controls. If the European Community proceeds in the direction which the majority of Member State Governments and the Commission seem to want they will create a structure which brings insecurity, unemployment, national resentment and ethnic conflict. Insecurity — because Europe's protectionism will strain and possibly sever that link with the United States on which the security of the continent ultimately depends. Unemployment — because the pursuit of policies of regulation will increase costs, and

price European workers out of jobs. National resentment — because a single currency and a single centralised economic policy, which will come with it, will leave the electorate of a country angry and powerless to change its conditions. Ethnic conflict — because not only will the wealthy European countries be faced with waves of immigration from the South and from the East.

Also within Europe itself, the effect of a single currency and regulation of wages and social costs will have one of two consequences. Either there will have to be a massive transfer of money from one country to another, which will not in practice be affordable. Or there there will be massive migration from the less successful to the more successful countries.

Yet if the future we are being offered contains so very many risks and so few real benefits, why it may be asked is it proving all but irresistible? The answer is simple. It is that in almost every European country there has been a refusal to debate the issues which really matter.

And little can matter more than whether the ancient, historic nations of Europe are to have their political institutions and their very identities transformed by stealth into something neither wished nor understood by their electorates. Yet so much is it the touchstone of respectability to accept this ever closer union, now interpreted as a federal destiny, that to question is to invite affected disbelief or even ridicule. This silent understanding — this Euro-snobbism — between politicians, bureaucracies, academics, journalists and businessmen is destructive of honest debate.

So John Major deserves high praise for ensuring at Maastricht that we would not have either a Single Currency or the absurd provisions of the Social Chapter forced upon us: our industry, workforce, and national prosperity will benefit as a result. Indeed, as long as we in Britain now firmly control our spending and reduce our deficit, we will be poised to surge ahead in Europe.

For our taxes are low: our inflation is down: our debt is manageable: our reduced regulations are favourable to business. We take comfort from the fact that both our Prime Minister and our Foreign Secretary have spoken out sharply against the forces of bureaucracy and federalism. Our choice is clear: Either we exercise democratic control of Europe through co-operation between national governments and parliaments which have legitimacy, experience and closeness to the people. Or, we

transfer decisions to a remote multi-lingual parliament, accountable to no real European public opinion and thus increasingly subordinate to a powerful bureaucracy.

No amount of misleading language about pooling sovereignty can change that. Europe and the Wider World Mr. Chairman, in world affairs for most of this century Europe has offered problems, not solutions. The founders of the European Community were consciously trying to change that.

Democracy and prosperity in Europe were to be an example to other peoples in other continents. Sometimes this view took an over-ambitious turn with talk of Europe as a third force brokering between two superpowers of East and West. This approach was always based upon a disastrous illusion — that Western Europe could at some future date dispense with the military defence offered by the United States. Now that the forces of Communism have retreated and the threat which Soviet tanks and missiles levelled at the heart of Europe has gone, there is a risk that the old tendency towards de-coupling Europe from the United States may again emerge. This is something against which Europeans themselves must guard — and of which the United States must be aware. This risk could become reality in several ways. Trade First, there is the question of trade.

It is a terrible indictment of the complacency which characterises the modern post-Cold War world that we have allowed the present GATT round to be stalled for so long. Free trade is the greatest force for prosperity and peaceful cooperation. It does no good to the Western alliance when Europe and the United States come to regard each other as hostile interests. In practice, whatever the theory may be, economic disputes do sour political relations. Agricultural subsidies and tariffs lie at the heart of the dispute which will not go away unless we in Europe decide that the Common Agricultural Policy has to be fundamentally changed. That will go far to determine what kind of Europe we are building. For, as I have said before, I would like to see the European Community — embracing include the former Communist countries to its East — agree to develop an Atlantic free trade area with the United States.

That would be a means of pressing for more open multi-lateral trade throughout the world. Europe must seek to move the world away from competing regional trade blocs — not promote them.

In such a trading arrangement, Britain would have a vital role bridging that Atlantic divide — just as Germany should provide Europe with a bridge to the East and to the countries of the former Soviet Union.

Secondly, we must modify and modernise our defence. The dangers on Europe's Eastern border have receded. But let us not forget that on the credibility of NATO's military strength all our wider objectives depend — reassurance for the post-communist countries, stability in Europe, trans-Atlantic political cooperation.

Communism may have been vanquished. But all too often the Communists themselves have not. The chameleon qualities of the comrades have never been more clearly demonstrated than in their emergence as democratic socialists and varieties of nationalist in the countries of Central and Eastern Europe. From the powerful positions they retain in the bureaucracy, security apparatus and the armed forces, from their places in not-really-privatised enterprises, they are able to obstruct, undermine and plunder. The systems of proportional representation which so many of these countries have adopted have allowed these tactics to succeed all the more, leading to weak governments and a bewildering multiplicity of parties.

All this risks bringing democracy into discredit. If Eastern European countries which retain some links with a pre-communist past, and have some sort of middle class on which to draw, falter on the path to reform, how will the leaders of the countries of the former Soviet Union dare to proceed further upon it? We can help by allowing them free access to our markets. I am delighted that Association agreements have been signed between the European Community and several of these countries. I would like speedy action to include the others in similar arrangement.

But, ten years is too long to wait before the restrictions on trade are removed. And I would like to see these countries offered full membership of the European Community rapidly.

Above all we must offer these countries greater security. Russian troops are still stationed on Polish territory. Moreover, it is understandable that the central and eastern European countries are alarmed at what conflict in the old USSR and the old Yugoslavia may portend. Although I recognise that the North Atlantic Cooperation Council has been formed with a view to this, I still feel that the European ex-

Communist countries are entitled to that greater degree of reassurance which a separate closer relationship with NATO would bring.

But, Mr. Chairman, most of the threats to Europe's and the West's interests no longer come from this Continent. I believe — and I have been urging this on NATO members since 1990 — that the American and Europeans ought to be able to deploy our forces under NATO outside the area for which the present North Atlantic Treaty allows.

It is impossible to know where the danger may next come. But two considerations should make us alive to real risks to our security. First, the break up of the Soviet Union has led to large numbers of advanced weapons becoming available to would-be purchasers at knock-down prices: it would be foolish to imagine that these will not, some of them, fall into the worst possible hands.

Second, Europe cannot ignore its dependence for oil on the Middle East. Saddam Hussein is still in power. Fundamentalism is as strong as ever. Old scores are still unsettled. We must beware. And we must widen our ability to defend our interests and be prepared to act when necessary.

Finally, the European Community must come to recognise its place in what is called the new world order. The ending of the Cold War has meant that the international institutions created in the post-War years — the UN, the IMF, the World Bank, the GATT — can work much more effectively. This means that the role for the Community is inevitably circumscribed. Within Europe, a wider role for NATO and the CSCE should also be reflected in more modest ambitions for the Community's diplomacy. In Yugoslavia, the Community has shown itself incapable of dealing effectively with security questions. Outside Europe, GATT with its mandate to reduce trade barriers should be the body that establishes the rules of the game in trade. The Community must learn to live within those rules. All in all, the Community must be prepared to fit in with the new internationalism, not supplant it.

Mr Chairman, I end as I began with architecture. The Hague is a splendid capital, and how much we should admire the Dutch for keeping it together so well, as they have done with so many other of their towns. The Mauritshuis is a testimony to the genius which they showed. It was here, and in Amsterdam that so much of the modern world was invented in the long Dutch fight for freedom.

Dutch architecture, here and in Amsterdam, has its own unmistakable elegance and durability — it was copied all around the north-European world, from Wick in northern Scotland to Tallinn in Estonia. Some architecture does last. Other architecture does not. Let us make sure that we build a Europe as splendid and lasting as the Mauritshuis rather than one as shabby and ephemeral as the Berlaymont.

**VIII. Речь Дж. Мейджора о его отставке,
2 мая 1997 года**

Good morning. I said most of what I wish to say when I had the opportunity of speaking last evening. Perhaps, there are just one or two things it would be appropriate to add this morning.

It has been an immense privilege to serve as Prime Minister of the United Kingdom over the past 6 1/2 years. It is a privilege which comes to very few people and it is a very precious privilege indeed.

I hope, as I leave Downing Street this morning, that I can say with some accuracy that the country is in far better shape than it was when I entered Downing Street. The economy is booming, interest rates are low and inflation is low and unemployment is falling. The growth pattern is well set, the health service is expanding, the education service is improving and the crime statistics are falling.

All of those I think are benevolent improvements in the interests of all of the people of this country. I believe the incoming government ...to whom I repeat my warm congratulations upon their success ...the incoming government will inherit the most benevolent set of economic statistics of any incoming government since before the First World War. I hope very much in the interests of the whole British nation that they are successful in retaining this economy in the future.

If I may, I would like to clear up one area of speculation that I know has been abroad a little over the last few days. I have been a member of Parliament for 18 years. I have been a member of the Government for 14 years, of the Cabinet for ten years and Prime Minister since 1990. When the curtain falls it is time to get off the stage and that is what I propose to do. I shall, therefore, advise my parliamentary colleagues that it would be appropriate for them to consider the selection of a new leader of the Conservative Party to lead the party through Opposition through the years that lie immediately ahead. This will

necessarily take a little while to organise. Parliament must meet and the Members of Parliament must make their own consideration of the matter.

Naturally, I shall remain at the service of the party during what I hope will be a reasonably brief interregnum. I should just like if I may to add one final thought. During the 6 1/2 years I have been in Downing Street there have been innumerable kindnesses from a huge number of people, many of whom I have never met, and never heard from except by way of their individual kindness. I would like to take this opportunity, if I may, to extend my thanks to them and the other millions of people in the British nation who have always given me their trust and the kindnesses to which I referred. I hope you will forgive me if I say no more this morning. I believe, as you know, I have an appointment with Her Majesty the Queen in a few moments to tender my resignation so that a new Government may then be formally appointed. I propose to see Her Majesty in just a few moments. The second reason I shall say no more now is that after that I hope that Norma and I will be able, with the children, to get to The Oval in time for lunch and for some cricket this afternoon. Thank you all very much indeed.

**IX. Речь Т. Блэра об антирасизме
в спортивной кампании,
2 декабря 1997 года**

I am delighted to be here today to lend my personal support to the “Campaign to help kick racism out of football”.

Sport — and particularly football — is the international language. How many times have people all over the world found themselves in a foreign country forging friendships with strangers over a coffee or a beer as they discuss the latest exploits of the likes of Asprilla and Shearer — when they are fit! That is how it should be. Sport uniting nations and communities — not dividing them.

In the past the cancer of racism has too often scarred our game — the sound of revolting monkey chanting whenever a black player got the ball. Bananas thrown on the pitch. Black players and fans verbally intimidated.

That has now changed for the better and the Campaign is to be applauded for helping to make a difference. The racist’s moronic

chanting is no longer tolerated on the terraces. The campaign shows what can be achieved when clubs, the football authorities and the fans themselves unite in a common cause.

But we would be wrong to think that racism has totally disappeared from the game. It may be less overt, but it is still there — outside grounds, in the pub or at park level. There is still more work to be done. We can never be complacent. Fascist parties with their vile views still see some football grounds as breeding places for their organisations.

Just about every team in the country has a black player but there are still far too few black and Asian faces in the crowd. We may have done much to eliminate racism on the terraces but we have to ask whether they still do not come to matches because they feel the atmosphere is too intimidating. It is something that needs to be worked on.

That is why today's schools initiative is so important. By educating our youngsters on why people become racist and teaching them how to tackle prejudice we can make them ambassadors of tolerance in the future.

I am proud of the multi cultural society we live in where all have a part to play. I am proud to lead a Government that believes that nobody should be shut out from society's mainstream. A fairer, more tolerant, more inclusive Britain is in the interests of all of us. And there can be no better way to break down barriers than through sport. The project is an important part of this year's European Year against Racism. I look forward to hearing about the winning entries next year.

It is also vital to the success of our World Cup Bid, which the Government is backing wholeheartedly, that we show the world the real face of football in this country — friendly, open, lively, entertaining.

I am pleased that Patrick Vieira is able to join Glenn and me today. He has made a great impression here in England in the last 18 months. Patrick, I know you are fighting your way back from injury but as a Newcastle fan I'd be grateful if you could leave it another week. We don't want you scoring any more goals like the one against Manchester United when Arsenal play at St James's Park this Saturday, especially after last night's defeat at Bolton.

But I thank you for the contribution you have made to British sport and to this campaign. Together, all of us, can make a difference and drive out racism at every level.

**Х. Речь Т. Блэра
(церемония прибытия в Белый дом),
5 февраля 1998 года**

Mr. President, I was honoured to accept your invitation to make an official visit to Washington, and I am delighted to be here.

Your visit to London last year was without doubt a highlight of the early months of my Premiership. Perhaps more important, your visit to Northern Ireland in 1995 was a highlight of the struggle of that Province for peace. Then, I was Leader of the Opposition. Today, as Prime Minister, I know and value your concern, and your support, as we work towards a lasting and peaceful settlement. We value too the determination you have expressed once more to bring to justice those responsible for the Lockerbie bombing.

On so many issues we think alike. We are in politics for the same things: because we want to modernise our countries in preparation for the new Millennium; because we believe in freedom, in fairness; because we want greater prosperity for our people, a better standard of living for what you call middle America, and I call middle Britain — the majority of hardworking decent people who play by the rules.

Bill Clinton has in his time said some very kind things about me. Let me say something about Bill Clinton. He said what he wanted to deliver, and he is delivering. He never said it would be easy, but he stuck to his guns. He never promised miracles, but he has delivered progress for the people who elected him.

Bill Clinton has been here for six years. In Britain, we are a new Government, at the beginning of our journey. There will be tough times and tough decisions for us too. But we too are determined to deliver for our people, and to fulfil the promises we made to them.

It is an ambitious project because it seeks to reach out beyond the old boundaries of left and right, which the people found to be irrelevant long before the politicians did. Ours is the politics of the radical centre, managing economic and social change rather than allowing it to manage us.

As the next few days unfold, I know that the ties between us will strengthen further. More important, the bonds between our countries will strengthen.

We have stood together before in the face of tyranny. Today, in the face of Saddam Hussein, we must stand together once more. We

want a diplomatic solution to the crisis. But the success or failure of diplomacy rests on Saddam. If he fails to respond, then he knows that the threat of force is there, and it is real.

We must also work together to move forward the Middle East Peace Process. There are few more important tasks for international diplomacy in the next few months.

In the next three days, we will spend many hours together, and discuss many issues. We do so with a shared language, shared values, a shared determination to stand up for what is right.

We do so confident of strengthening the bonds that tie us together, and building a new transatlantic relationship founded on the successful modernisation of our two countries — a new and modern relationship for a new Century.

**РЕЧИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

**I. Речь президента Т. Рузвельта
(«Напряженная жизнь»),
10 апреля 1899 года**

As it is with the individual, so it is with the nation. It is a base untruth to say that happy is the nation that has no history. Thrice happy is the nation that has a glorious history. Far better it is to dare mighty things, to win glorious triumphs, even though checkered by failure, than to take rank with those poor spirits who neither enjoy much nor suffer much, because they lie in the gray twilight that knows not victory nor defeat...

We of this generation do not have to face a task such as that our fathers faced, but we have our tasks, and woe to us if we fail to perform them! We cannot, if we would, play the part of China, and be content to rot by inches in ignoble ease within our borders, taking no interest in what goes on beyond them, sunk in a scrambling commercialism; heedless of the higher life, the life of aspiration, of toil and risk, busying ourselves only with the wants of our bodies for the day, until suddenly we should find, beyond a shadow of question, what China has already found, that in this world the nation that has trained itself to a career of unwarlike and isolated ease is bound, in the end, to go down before other nations which have not lost the manly and adventurous qualities. If we are to be a really great people, we must strive in good faith to play a great part in the world. We cannot avoid meeting great issues. All that we can determine for ourselves is whether we shall meet them well or ill. In 1898 we could not help being brought face to face with the problem of war with Spain. All we could decide was whether we should shrink like cowards from the contest, or enter into it as beseemed a brave and high-spirited people; and, once in, whether failure or success should crown our banners. So it is now. We cannot avoid the responsibilities that confront us in Hawaii, Cuba, Porto Rico, and the Philippines. ...To refuse to deal with them at all merely amounts to dealing with

them badly. We have a given problem to solve. If we undertake the solution, there is, of course, always danger that we may not solve it aright; but to refuse to undertake the solution simply renders it certain that we cannot possibly solve it aright. The timid man, the lazy man, the man who distrusts his country, the overcivilized man, who has lost the great fighting, masterful virtues, the ignorant man, and the man of dull mind, whose soul is incapable of feeling the mighty lift that thrills "stern men with empires in their brains" — all these, of course, shrink from seeing the nation undertake its new duties; shrink from seeing us build a navy and an army adequate to our needs; shrink from seeing us do our share of the world's work, by bringing order out of chaos in the great, fair tropic islands from which the valor of our soldiers and sailors has driven the Spanish flag. These are the men who fear the strenuous life, who fear the only national life which is really worth leading. They believe in that cloistered life which saps the hardy virtues in a nation, as it saps them in the individual; or else they are wedded to that base spirit of gain and greed which recognizes in commercialism the be-all and end-all of national life, instead of realizing that, though an indispensable element, it is, after all, but one of the many elements that go to make up true national greatness. ... We cannot sit huddled within our own borders and avow ourselves merely an assemblage of well-to-do hucksters who care nothing for what happens beyond. Such a policy would defeat even its own end; for as the nations grow to have ever wider and wider interests, and are brought into closer and closer contact, if we are to hold our own in the struggle for naval and commercial supremacy, we must build up our power without our own borders. We must build the Isthmian Canal, and we must grasp the points of vantage which will enable us, to have our say in deciding the destiny of the oceans of the East and the West. So much for the commercial side. From the standpoint of international honor the argument is even stronger. The guns that thundered off Manila and Santiago left us echoes of glory, but they also left us a legacy of duty. If we drove out a mediaeval tyranny only to make room for savage anarchy, we had better not have begun the task at all. It is worst than idle to say that we have no duty to perform, and can leave to their fates the islands we have conquered. Such a course would be the course of infamy. It would be followed at once by utter chaos in the wretched islands themselves. Some stronger, manlier power would have to step in and do the work,

and we would have shown ourselves weaklings, unable to carry to successful completion the labors that great and high-spirited nations are eager to undertake.

The work must be done; we cannot escape our responsibility; and if we are worth our salt, we shall be glad of the chance to do the work — glad of the chance to show ourselves equal to one of the great tasks set modern civilization.

**II. Речь президента В. Вильсона
о мексиканских делах,
27 августа 1913 года**

The deplorable posture of affairs in Mexico I need not describe, but I deem it my duty to speak very frankly of what this Government has done and should seek to do in fulfillment of its obligation to Mexico herself, as a friend and neighbor, and to American citizens whose lives and vital interests are daily affected by the distressing conditions which now obtain beyond our southern border.

Those conditions touch us very nearly. Not merely because they lie at our very doors... The peace, prosperity, and contentment of Mexico mean more, much more, to us than merely an enlarged field for our commerce and enterprise. They mean an enlargement of the field of self-government and the realization of the hopes and rights of a nation with whose best aspirations, so long suppressed and disappointed, we deeply sympathize. We shall yet prove to the Mexican people that we know how to serve them without first thinking how we shall serve ourselves...

The present circumstances of the Republic, I deeply regret to say, do not seem to promise even the foundations of such a peace. We have waited many months, months full of peril and anxiety, for the conditions there to improve, and they have not improved. They have grown worse, rather. The territory in some sort controlled by the provisional authorities at Mexico City has grown smaller, not larger. The prospect of the pacification of the country, even by arms, has seemed to grow more and more remote; and its pacification by the authorities at the capital is evidently impossible by any other means than force. Difficulties more and more entangle those who claim to constitute the legitimate government of the Republic. They have not made good their claim in fact. Their successes in the field have proved only temporary. War and disorder, devastation

and confusion, seem to threaten to become the settled fortune of the distracted country. As friends we could wait no longer for a solution which every week seemed further away. It was our duty at least to volunteer our good offices — to offer to assist, if we might, in effecting some arrangement which would bring relief and peace and set up a universally acknowledged political authority there...

Meanwhile, what is it our duty to do? Clearly, everything that we do must be rooted in patience and done with calm and disinterested deliberation. Impatience on our part would be childish, and would be fraught with every risk of wrong and folly. We can afford to exercise the self-restraint of a really great nation which realizes its own strength and scorns to misuse it. It was our duty to offer our active assistance. It is now our duty to show what true neutrality will do to enable the people of Mexico to set their affairs in order again and wait for a further opportunity to offer our friendly counsels.

III. Речь президента Ф. Рузвельта («Карантин»), 5 октября 1937 года

The political situation in the world, which of late has been growing progressively worse, is such as to cause grave concern and anxiety to all the peoples and nations who wish to live in peace and amity with their neighbors...

The present reign of terror and international lawlessness began a few years ago... through unjustified interference in the internal affairs of other nations or the invasion of alien territory in violation of treaties and has now reached a stage where the very foundations of civilization are seriously threatened...

Without a declaration of war and without warning or justification of any kind, civilians, including women and children, are being ruthlessly murdered with bombs from the air. In times of so-called peace ships are being attacked and sunk by submarines without cause or notice. Nations are fomenting and taking sides in civil warfare in nations that have never done them any harm. Nations claiming freedom for themselves deny it to others.

Innocent people and nations are being cruelly sacrificed to a greed for power and supremacy which is devoid of all sense of justice and humane consideration...

If those things come to pass in other parts of the world let no one imagine that America will escape, that it may expect mercy, that this Western Hemisphere will not be attacked, and that it will continue tranquilly and peacefully to carry on the ethics and the arts of civilization...

The peace-loving nations must make a concerted effort in opposition to those violations of treaties and those ignorings of humane instincts which today are creating a state of international anarchy and instability from which there is no escape through mere isolation or neutrality.

Those who cherish their freedom and recognize and respect the equal right of their neighbors to be free and live in peace, must work together for the triumph of law and moral principles in order that peace, justice, and confidence may prevail in the world. There must be a return to a belief in the pledged word, in the value of a signed treaty. There must be recognition of the fact that national morality is as vital as private morality.

There is a solidarity and interdependence about the modern world, both technically and morally, which makes it impossible for any nation completely to isolate itself from economic and political upheavals in the rest of the world, especially when such upheavals appear to be spreading and not declining. There can be no stability or peace either within nations or between nations except under laws and moral standards adhered to by all. International anarchy destroys every foundation for peace. It jeopardizes either the immediate or the future security of every nation, large or small. It is, therefore, a matter of vital interest and concern to the people of the United States that the sanctity of international treaties and the maintenance of international morality be restored.

The overwhelming majority of peoples and nations of the world today want to live in peace. They seek the removal of barriers against trade. They want to exert themselves in industry, in agriculture, and in business, that they may increase their wealth through the production of wealth-producing goods her than striving to produce military plans and bombs and machine guns and cannon for the destruction of human lives and useful property...

I am compelled and you are compelled, nevertheless, to look ahead. The peace, the freedom, and the security of 90 percent of the population of the world is being jeopardized by the remaining 10 percent, who are threatening a breakdown of all international order and law. Surely the

90 percent who want to live in peace under law and in accordance with moral standards that have received almost universal acceptance through the centuries, can and must find some way to make their will prevail.

The situation is definitely of universal concern...

It seems to be unfortunately true that the epidemic of world lawlessness is spreading.

When an epidemic of physical disease starts to spread, the community approves and joins in a quarantine of the patients in order to protect the health of the community against the spread of the disease.

It is my determination to pursue a policy of peace and to adopt every practicable measure to avoid involvement in war. It ought to be inconceivable that in this modern era, and in the face of experience, any nation could be so foolish and ruthless as to run the risk of plunging the whole world into war by invading in contravention of solemn treaties the territory of other nations that have done them no real harm and which are too weak to protect themselves adequately. Yet the peace of the world and the welfare and security of every nation is today being threatened by that very thing.

No nation which refuses to exercise forbearance and to respect the freedom and rights of others can long remain strong and retain the confidence and respect of other nations. No nation ever loses its dignity or good standing by conciliating its differences and by exercising great patience with and consideration for the rights of other nations.

War is a contagion, whether it be declared or undeclared. It can engulf states and peoples remote from the original scene of hostilities. We are determined to keep out of war, yet we cannot insure ourselves against the disastrous effects of war and the dangers of involvement. We are adopting such measures as will minimize our risk of involvement, but we cannot have complete protection in a world of disorder in which confidence and security have broken down.

If civilization is to survive the principles of the Prince of Peace must be restored. Shattered trust between nations must be revived.

Most important of all, the will for peace on the part of peace-loving nations must express itself to the end that nations that may be tempted to violate their agreements and the rights of others will desist from such a cause. There must be positive endeavors to preserve peace.

America hates war. America hopes for peace. Therefore, America actively engages in the search for peace.

IV. Речь президента Г. Трумэна о корейской войне, 27 июня 1950

In Korea the government forces, which were armed to prevent border raids and to preserve internal security, were attacked by invading forces from North Korea. The Security Council of the United Nations called upon the invading troops to cease hostilities and to withdraw to the 38th Parallel. This they have not done, but on the contrary have pressed the attack. The Security Council called upon all members of the United Nations to render every assistance to the United Nations in the execution of this resolution. In these circumstances I have ordered United States air and sea forces to give the Korean Government troops cover and support.

The attack upon Korea makes it plain beyond all doubt that communism has passed beyond the use of subversion to conquer independent nations and will now use armed invasion and war. It has defied the orders of the Security Council of the United Nations issued to preserve peace and security. In these circumstances the occupation of Formosa by

Communist forces would be a direct threat to the security of the Pacific area and to United States forces performing their lawful and necessary functions in that area.

Accordingly I have ordered the Seventh Fleet to prevent any attack on Formosa. As a corollary of this action I am calling upon the Chinese Government on Formosa to cease all air and sea operations against the mainland. The Seventh Fleet will see that this is done. The determination of the future status of Formosa must await the restoration of security in the Pacific, a peace settlement with Japan, or consideration by the United Nations.

I have also directed that United States forces in the Philippines be strengthened and that military assistance to the Philippine Government be accelerated.

I have similarly directed acceleration in the furnishing of military assistance to the forces of France and the associated states in Indochina and the dispatch of a military mission to provide close working relations with those forces.

I know that all members of the United Nations will consider carefully the consequences of this latest aggression in Korea in defiance

of the Charter of the United Nations. A return to the rule of force in international affairs would have far-reaching effects. The United States will continue to uphold the rule of law.

**V. Пресс-конференция президента Д. Эйзенхауэра,
7 апреля 1954 года**

Question. Robert Richards, Copley

Press: Mr. President, would you mind commenting on the strategic importance of Indochina to the free world? I think there has been, across the country, some lack of understanding on just what it means to us.

The President: You have, of course, both the specific and the general when you talk about such things.

First of all, you have the specific value of a locality in its production of materials that the world needs.

Then you have the possibility that many human beings pass under a dictatorship that is inimical to the free world.

Finally, you have broader considerations that might follow what you would call the “falling domino” principle. You have a row of dominoes set up, you knock over the first one, and what will happen to the last one is the certainty that it will go over very quickly. So you could have a beginning of a disintegration that would have the most profound influences.

Now, with respect to the first one, two of the items from this particular area that the world uses are tin and tungsten. They are very important. There are others, of course, the rubber plantations and so on.

Then with respect to more people passing under this domination, Asia, after all, has already lost some 450 million of its peoples to the Communist dictatorship, and we simply can’t afford greater losses.

But when we come to the possible sequence of events, the loss of Indochina, of Burma, of Thailand, of the Peninsula, and Indonesia following, now you begin to talk about areas that not only multiply the disadvantages that you would suffer through loss of materials, sources of materials, but now you are talking really about millions and millions and millions of people.

Finally, the geographical position achieved thereby does many things. It turns the so-called island defensive chain of Japan, Formosa,

of the Philippines and to the southward; it moves in to threaten Australia and New Zealand.

It takes away, in its economic aspects, that region that Japan must have as a trading area or Japan, in turn, will have only one place in the world to go — that is, toward the Communist areas in order to live.

So, the possible consequences of the loss are just incalculable to the free world.

Question. Raymond Brandt, St. Louis Post-Dispatch: Mr. President, what response has Secretary (of State John Foster) Dulles and the administration got to the requests for united action in Indochina?

The President: So far as I know there are no positive reactions as yet, because the time element would almost forbid.

The suggestions we have, have been communicated; and we will have communications on them in due course, I should say.

Question. Robert G. Spivack, New York Post: Mr. President, do you agree with Senator [John R] Kennedy that independence must be guaranteed the people of Indochina in order to justify an all-out effort there?

The President: Well, I don't know, of course, exactly in what way the Senator was talking about this thing.

I will say this: for many years, in talking to different countries, different governments, I have tried to insist on this principle: no outside country can come in and be really helpful unless it is doing what the local people want.

Now, let me call your attention to this independence theory. Senator [Henry Cabot] Lodge, on my instructions, stood up in the United Nations and offered one country independence if they would just simply pass a resolution saying they wanted it, or at least said, "I would work for it". They didn't accept it. So I can't say that the associated states want independence in the sense that the United States is independent. I do not know what they want.

I do say this: the aspirations of those people must be met, otherwise there is in the long run no final answer to the problem.

Question. Joseph Dear, Madison Capital Times: Do you favor bringing this Indochina situation before the United Nations?

The President: I really can't say. I wouldn't want to comment at too great a length at this moment, but I do believe this: this is the kind of thing that must not be handled by one nation trying to act alone.

We must have a concert opinion, and a concert of readiness to react in whatever way is necessary.

Of course, the hope is always that it is peaceful conciliation and accommodation of these problems.

Question. James Patterson, New York Daily News: Mr. President, as the last resort in Indochina, are we prepared to go it alone?

The President: Again you are bringing up questions that I have explained in a very definite sense several times this morning.

I am not saying what we are prepared to do because there is a Congress, and there are a number of our friends all over this world that are vitally engaged.

I know what my own convictions on this matter are: but until the thing has been settled and properly worked out with the people who also bear responsibilities, I cannot afford to be airing them everywhere, because it sort of stultifies negotiation which is often necessary.

VI. Инаугурационная речь президента Дж. Кеннеди, 20 января 1961 года

Vice President Johnson, Mr. Speaker, Mr. Chief Justice, President Eisenhower, Vice President Nixon, President Truman, Reverend Clergy, fellow citizens;

The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe — the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God.

We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans — born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage — and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this nation has always been committed, and to which we are committed today at home and around the world.

Let every nation know, whether it wishes us well or ill, that we shall pay any price, bear any burden, meet any hardship, support any friend, oppose any foe to assure the survival and the success of liberty.

This much we pledge and more.

To those old allies whose cultural and spiritual origins we share, we pledge the loyalty of faithful friends. United, there is little we cannot do in a host of cooperative ventures. Divided, there is little we can do — for we dare not meet a powerful challenge at odds and split asunder.

To those new states whom we welcome to the ranks of the free, we pledge our word that one form of colonial control shall not have passed away merely to be replaced by a far more iron tyranny. We shall not always expect to find them supporting our view. But we shall always hope to find them strongly supporting their own freedom — and to remember that, in the past, those who foolishly sought power by riding the back of the tiger ended up inside.

To those peoples in the huts and villages of half the globe struggling to break the bonds of mass misery, we pledge our best efforts to help them help themselves, for whatever period is required — not because the communists may be doing it, not because we seek their votes, but because it is right. If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich.

To our sister republics south of our border, we offer a special pledge — to convert our good words into good deeds — in a new alliance for progress — to assist free men and free governments in casting off the chains of poverty. But this peaceful revolution of hope cannot become the prey of hostile powers. Let all our neighbors know that we shall join with them to oppose aggression or subversion anywhere in the Americas. And let every other power know that this Hemisphere intends to remain the master of its own house.

To that world assembly of sovereign states, the United Nations, our last best hope in an age where the instruments of war have far outpaced the instruments of peace, we renew our pledge of support — to prevent it from becoming merely a forum for invective — to strengthen its shield of the new and the weak — and to enlarge the area in which its writ may run.

Finally, to those nations who would make themselves our adversary, we offer not a pledge but a request: that both sides begin anew the quest for peace, before the dark powers of destruction unleashed by science engulf all humanity in planned or accidental self-destruction.

We dare not tempt them with weakness. For only when our arms are sufficient beyond doubt can we be (sure) that they will never be employed.

But neither can two great and powerful groups of nations take comfort from our present course — both sides overburdened by the cost of modern weapons, both rightly alarmed by the steady spread of the deadly atom, yet both racing to alter that uncertain balance of terror that stays the hand of mankind's final war.

So let us begin anew — remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear. But let us never fear to negotiate.

Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us.

Let both sides, for the first time, formulate serious and precise proposals for the inspection and control of arms — and bring the absolute power to destroy other nations under the absolute control of all nations.

Let both sides seek to invoke the wonders of science instead of its terrors. Together let us explore the stars, conquer the deserts, eradicate disease, tap the ocean depths and encourage the arts and commerce.

Let both sides unite to heed in all corners of the earth the command of Isaiah — to “undo the heavy burdens... {and} let the oppressed go free”.

And if a beach-head of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating a new endeavor, not a new balance of power, but a new world of law, where the strong are just and the weak secure and the peace preserved.

All this will not be finished in the first one hundred days. Nor will it be finished in the first one thousand days, nor in the life of this Administration, nor even perhaps in our lifetime on this planet. But let us begin.

In your hands, my fellow citizens, more than mine, will rest the final success or failure of our course. Since this country was founded, each generation of Americans has been summoned to give testimony to its national loyalty. The graves of young Americans who answered the call to service surround the globe.

Now the trumpet summons us again — not as a call to bear arms, though arms we need — not as a call to battle, though embattled we are — but a call to bear the burden of a long twilight struggle, year in and year out, “rejoicing in hope, patient in tribulation” — a struggle against the common enemies of man: tyranny, poverty, disease and war itself.

Can we forge against these enemies a grand and global alliance, North and South, East and West, that can assure a more fruitful life for all mankind? Will you join in that historic effort?

In the long history of the world, only a few generations have been granted the role of defending freedom in its hour of maximum danger. I do not shrink from this responsibility — I welcome it. I do not believe that any of us would exchange places with any other people or any other generation. The energy, the faith, the devotion which we bring to this endeavor will light our country and all who serve it—and the glow from that fire can truly light the world.

And so, my fellow Americans: ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country.

My fellow citizens of the world: ask not what America will do for you, but what together we can do for the freedom of man.

Finally, whether you are citizens of America or citizens of the world, ask of us here the same high standards of strength and sacrifice which we ask of you. With a good conscience our only sure reward, with history the final judge of our deeds, let us go forth to lead the land we love, asking His blessing and His help, but knowing that here on earth God's work must truly be our own.

**VII. Речь президента Р. Никсона в Берлине,
27 февраля 1969 года**

And to all the people of Berlin today, I bring this message from the heart of America: You have justified the support and the commitment of your friends and, as a result, no city in the world has more friends, or more devoted friends, than has the city of Berlin.

The American responsibility here is derived from the most solemn international agreements. But what we have gone through together in those 24 years has given those agreements a special meaning. Four Presidents before me have held to this principle and I tell you at this time and in this place that I, too, hold fast to this principle: Berlin must remain free.

I do not say this in any spirit of bravado or belligerence. I am simply stating an irrevocable fact of international life.

Our commitment to the freedom of Berlin has never been more steady, never more firm than it is today. For more than a generation

we have pledged American lives to an ideal and a reality: that Berlin shall be free and that Berlin shall live. For its part, Berlin has remained steadfast.

So have we — and steadfast we shall stay.

No one should doubt the determination of the United States to live up to its obligations. The question before the world is not whether we shall rise to the challenge of defending Berlin — we have already demonstrated that we shall. The question now is how best to end the challenge and clear the way for a peaceful solution to the problem of a divided Germany.

VIII. Речь президента Дж. Картера к нации, 4 января 1980 года

I come to you this evening to discuss the extremely important and rapidly changing circumstances in Southwest Asia...

Recently, there has been another very serious development which threatens the maintenance of peace in Southwest Asia. Massive Soviet military forces have invaded the small, nonaligned, sovereign nation of Afghanistan, which had hitherto not been an occupied satellite of the Soviet Union.

Fifty thousand heavily armed Soviet troops have crossed the border and are now dispersed throughout Afghanistan, attempting to conquer the fiercely independent Muslim people of that country.

The Soviets claim, falsely, that they were invited into Afghanistan to help protect that country from some unnamed outside threat. But the President, who had been the leader of Afghanistan before the Soviet invasion, was assassinated — along with several members of his family — after the Soviets gained control of the capital city of Kabul. Only several days later was the new puppet leader even brought into Afghanistan by the Soviets.

This invasion is an extremely serious threat to peace because of the threat of further Soviet expansion into neighboring countries in Southwest Asia and also because such an aggressive military policy is unsettling to other peoples throughout the world.

This is a callous violation of international law and the United Nations Charter. It is a deliberate effort of a powerful atheistic government to subjugate an independent Islamic people.

We must recognize the strategic importance of Afghanistan to stability and peace. A Soviet-occupied Afghanistan threatens both Iran and Pakistan and is a steppingstone to possible control over much of the world's oil supplies...

...Neither the United States nor any other nation which is committed to world peace and stability can continue to do business as usual with the Soviet Union.

I have already recalled the United States Ambassador from Moscow back to Washington. He's working with me and with my other senior advisers in an immediate and comprehensive evaluation of the whole range of our relations with the Soviet Union.

The successful negotiation of the SALT (Strategic Arms Limitation Talks or Treaty) II treaty has been a major goal and a major achievement of this administration, and we Americans, the people of the Soviet Union, and indeed the entire world will benefit from the successful control of strategic nuclear weapons through the implementation of this carefully negotiated treaty.

However, because of the Soviet aggression, I have asked the United States Senate to defer further consideration of the SALT II treaty so that the Congress and I can assess Soviet actions and intentions and devote our primary attention to the legislative and other measures required to respond to this crisis. As circumstances change in the future we will, of course, keep the ratification of SALT II under active review in consultation with the leaders of the Senate.

The Soviets must understand our deep concern. We will delay opening of any new American or Soviet consular facilities, and most of the cultural and economic exchanges currently under consideration will be deferred. Trade with the Soviet Union will be severely restricted.

I have decided to halt or reduce exports to the Soviet Union in three areas that particularly important to them. These new policies are being and will be coordinated with those of our allies.

I've directed that no high technology other strategic items will be licensed for sale to the Soviet Union until further notice, while we revise our licensing policy.

Fishing privileges for the Soviet Union in United States waters will be severely curtailed.

The 17 million tons of grain ordered by the Soviet Union in excess of that amount which we are committed to sell will not be delivered.

This grain was not intended for human consumption but was to be used for building up Soviet livestock herds...

Although the United States would prefer not to withdraw from the Olympic games scheduled in Moscow this summer the Soviet Union must realize that its continued aggressive actions will endanger both the participation of athletes and the travel to Moscow by spectators who would normally wish to attend the Olympic games...

History teaches, perhaps, very few clear lessons. But surely one such lesson learned by the world at great cost is that aggression, unopposed, becomes a contagious disease.

The response of the international community to the Soviet attempt to crush Afghanistan must match the gravity of the Soviet action.

With the support of the American people and working with other nations, we will deter aggression, we will protect our Nation's security, and we will preserve the peace. The United States will meet its responsibilities.

**IX. Отрывок из речи президента Р. Рейгана
перед немецким бундестагом,
9 июня 1982 года**

Next year, we will jointly celebrate the 300th anniversary of the first German settlement in the American Colonies.

The German people have given us so much, we like to think that we've repaid some of that debt.

The United States is proud of your democracy.

Well, over the past 30 years, the convictions of the German people have built a cathedral of democracy — a great and glorious testament to your ideals.

I believe this partnership of the Atlantic Alliance nations is motivated primarily by the search for peace -inner peace for our citizens and peace among nations.

Let me assure you that the American commitment to Europe remains steady and strong. Europe's shores are our shores. Europe's borders are our borders. And we will stand with you in defense of our heritage of liberty and dignity. The American people recognize Europe's substantial contributions to our joint security. Nowhere is that contribution more evident than here in the Federal Republic.

German citizens host the forces of six nations. German soldiers and reservists provide the backbone of NATO's conventional deterrent in the heartland of Europe. Your Bundeswehr is a model for the integration of defense needs with a democratic way of life, and you have not shrunk from the heavy responsibility of accepting the nuclear forces necessary for deterrence. I ask your help in fulfilling another responsibility. Many American citizens don't believe that their counterparts in Europe, especially younger citizens, really understand the United States presence there. Now, if you'll work toward explaining the U.S. role to people on this side of the Atlantic, I'll explain it to those on the other side.

**Х. Речь Дж. Буша к нации
о военных действиях США в Панаме,
20 декабря 1989 года**

My fellow citizens, last night I ordered U.S. military forces to Panama. No President takes such action lightly. This morning, I want to tell you what I did and why I did it.

For nearly 2 years, the United States, nations of Latin America and the Caribbean have worked together to resolve the crisis in Panama. The goals of the United States have been to safeguard the lives of Americans, to defend democracy in Panama, to combat drug trafficking, and to protect the integrity of the Panama Canal Treaty. Many attempts have been made to resolve this crisis through diplomacy and negotiations. All were rejected by the dictator of Panama, General Manuel Noriega, an indicted drug trafficker.

Last Friday, Noriega declared his military dictatorship to be in a state of war with the United States and publicly threatened the lives of Americans in Panama. The very next day, forces under his command shot and killed an unarmed American serviceman; wounded another; arrested and brutally beat a third American serviceman; and then brutally interrogated his wife, threatening her with sexual abuse. That was enough.

General Noriega's reckless threats and attacks upon Americans in Panama created an imminent danger to the 35,000 American citizens in Panama. As President, I have no higher obligation than to safeguard the lives of American citizens. And that is why I directed our Armed

Forces to protect the lives of American citizens in Panama and to bring General Noriega to justice in the United States. I contacted the bipartisan leadership of Congress last night and informed them of this decision, and after taking this action, I also talked with leaders in Latin America, the Caribbean, and those of other U.S. allies.

At this moment, U.S. forces, including forces deployed from the United States last night, are engaged in action in Panama. The United States intends to withdraw the forces newly deployed to Panama as quickly as possible. Our forces have conducted themselves courageously and selflessly. And as Commander in Chief, I salute every one of them and thank them on behalf of our country.

Tragically, some Americans have lost their lives in defense of their fellow citizens, in defense of democracy. And my heart goes out to their families. We also regret the loss of innocent Panamanians.

The brave Panamanians elected by the people of Panama in the elections last May, President Guillermo Endara and Vice Presidents (Ricardo Arias) Calderon and (Guillermo) Ford, have assumed the rightful leadership of their country. You remember those horrible pictures of newly elected Vice President Ford, covered head to toe with blood, beaten mercilessly by so-called "dignity battalions". Well, the United States today recognizes the democratically elected government of President Endara. I will send our Ambassador back to Panama immediately.

Key military objectives have been achieved. Most organized resistance has been eliminated. But the operation is not over yet. General Noriega is in hiding. And, nevertheless, yesterday a dictator ruled Panama, and today constitutionally elected leaders govern.

I have today directed the Secretary of the Treasury and the Secretary of State to lift the economic sanctions with respect to the democratically elected government of Panama and, in cooperation with that government, to take steps to effect an orderly unblocking of Panamanian Government assets in the United States. I'm fully committed to implement the Panama Canal Treaties and turn over the Canal to Panama in the year 2000. The actions we have taken and the cooperation of a new, democratic government in Panama will permit us to honor these commitments. As soon as the new government recommends a qualified candidate, Panamanian, to be Administrator of the Canal, as called for in the treaties, I will submit this nominee to the Senate for expedited consideration.

I am committed to strengthening our relationship with the democratic nations in this hemisphere. I will continue to seek solutions to the problems of this region through dialog and multilateral diplomacy. I took this action only after reaching the conclusion that every other avenue was closed and the lives of American citizens were in grave danger. I hope that the people of Panama will put this dark chapter of dictatorship behind them and move forward together as citizens of a democratic Panama with this government that they themselves have elected.

The United States is eager to work with the Panamanian people in partnership and friendship to rebuild their economy. The Panamanian people want democracy, peace, and the chance for a better life in dignity and freedom. The people of the United States seek only to support them in pursuit of these noble goals.

Thank you very much.

РЕЧИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

I. Речь бундесканцлера К. Аденауэра о советском проекте мирного договора, 13 января 1959 года

Sie wissen, meine verehrten Zuschauer, daß Sowjetrußland etwa 30 Ländern den Entwurf eines Friedensvertrages mit Deutschland übersandt hat. Der Entwurf ist zu umfangreich, als daß er heute im einzelnen besprochen werden könnte. Ich muß mich darauf beschränken, einige sehr wesentliche Punkte herauszugreifen.

1. Nach dem Entwurf bleibt es nicht nur bei der jetzigen Teilung Deutschlands, es soll nunmehr Berlin ein dritter Teil Deutschlands werden.

2. Deutschland soll wehrlos werden. Seine Bündnisverträge mit den freien Ländern des Westens sollen aufgelöst werden.

3. Die europäischen wirtschaftlichen Organisationen sollen unmöglich gemacht werden.

4. Deutschland soll für immer unter Aufsicht gestellt werden.

5. Das kommunistische Regime, wie es in der Zone ist, soll auch in der Bundesrepublik eingeführt werden können.

Die Situation ist ernst. Wir sind sofort in engste Beratungen getreten mit unseren Verbündeten, mit denen wir Verträge, die gegenseitige Rechte und Pflichten schaffen, geschlossen haben. Es ist klar, ohne unsere Verbündeten sind wir gegenüber Sowjetrußland machtlos. [...] Sie werden mich fragen, warum handelt Sowjetrußland so? Nun, eines ist sicher, es handelt so nicht etwa aus Furcht vor Deutschland, nicht aus Furcht vor einer atomaren Bewaffnung der deutschen Bundeswehr. Chruschtschow selbst hat dem amerikanischen Journalisten Lippmann im Oktober 1958 erklärt, Sowjetrußland fürchte keinen Angriff von Deutschland, da Deutschland wisse, daß ein deutscher Angriff auf die Sowjetunion Selbstmord für Deutschland bedeuten würde. Was ist also das Ziel Sowjetrußlands? Das Ziel ist, den wirtschaftlichen und politischen Zusammenschluß der freien Völker zunichte zu machen, weil die Sowjetunion nur so die von ihr erstrebte Weltherrschaft gewinnen kann.

**II. Радио- и телевыступление
федерального президента Г. Любке,
31 августа 1961 года**

Mit tiefer Sorge habe ich — wie Sie alle — in den vergangenen Wochen verfolgt, was sich seit dem 13. August dieses Jahres an der Berliner Sektorengrenze, in Ostberlin und in der sowjetisch besetzten Zone unseres Vaterlandes ereignet hat. [...]

Viele haben trotz aller Schwierigkeiten den Weg in die Freiheit gesucht. Aber nicht für jeden endete dieser Versuch glücklich; mindestens drei Menschen, von denen wir wissen, haben die Flucht in diesen Tagen als Deutsche nach Deutschland mit dem Tode bezahlt. An manchen Stellen sind drei Stacheldrahtsperrren hintereinander errichtet; die Mauern werden ständig höher, Wohnungen und Häuser unmittelbar an der Sektorengrenze werden rücksichtslos geräumt. Hauseingänge, Fenster, Friedhofspforten und Kirchentore sind zugemauert. [...]

Das kommunistische System hat damit seine Visitenkarte ausgewechselt, ohne den Charakter geändert zu haben: Waren bis zum 13. August die Flüchtlingsmassen in Marienfelde das sprechende Symbol des Unrechtsregimes in der Zone, dann sind es heute Mauern, Stacheldrähte und Maschinengewehre. Waren bis dahin die überfüllten Lager Stätten der Anklage gegen das Zonenregime, dann ist nunmehr die kommunistische Brutalität bereits an den Grenzmauern, Stacheldrähten und Todesstreifen um West-Berlin herum sichtbar geworden. Morgen schon werden Zeugen dieser Untaten die Grabsteine derer sein, die unter den Schüssen der Schergen gefallen sind oder die als letzten Weg in die Freiheit den Weg in den Tod gewählt haben.

**III. Правительствоное пояснение
бундесканцлера Л. Эрхарда,
10 ноября 1965 года**

Wollen wir auf dem Weg des bisherigen Erfolges, des Fortschritts, des politischen und sozialen Friedens bleiben, so muß die deutsche Gesellschaft weitere Schritte in jene moderne Ordnung tun, die ich als Formierte Gesellschaft charakterisiere. Sie wird nicht durch eine Aktion geschaffen, sondern entfaltet sich aus einem Prozeß. Sie ist auch nicht ständestaatlich gegliedert; vielmehr beruht sie auf

der Überzeugung, daß die Menschen nicht nur durch Gesetze, sondern aus Einsicht das ihrem eigenen Wohle Dienende zu tun bereit sind. Die Formierte Gesellschaft ist jedoch alles andere als eine philanthropische Vision. Sie geht also nicht von einem weltfremden idealtypischen Menschenbild aus. Diese moderne Leistungsgesellschaft ist gewiß auch nicht frei von Interessengegensätzen. Aber diese sind nicht mehr Elemente des Zerfalls ihrer Einheit, sondern werden immer mehr Motor eines permanenten Interessenausgleichs unter dem Gesichtspunkt des allgemeinen Wohls.

Eine so formierte Gesellschaft setzt eine informierte Gesellschaft voraus. Der Bürger kann sich nur richtig verhalten, wenn er Bescheid weiß. Über Handlungen und Absichten des Staates muß er rasch, korrekt und umfassend unterrichtet werden.

Die Formierte Gesellschaft ist ihrem Wesen nach eine friedliche Gesellschaft, die auf der dynamischen Kraft des innen und außenpolitischen Interessenausgleichs beruht. Das heißt auch, daß der Selbstdarstellung unseres Staates im Ausland als Hilfsmittel, ja teilweise sogar als Voraussetzung unserer Außenpolitik, große Bedeutung zukommt. Alle Aufgaben, die sich auf diesem Feld stellen, verdienen vorrangige Lösung.

**IV. Отрывок из прощального выступления
экс-бундесканцлера Л. Эрхарда,
30 ноября 1966 год**

In einer innen und außenpolitisch so schwierigen Zeit wie der gegenwärtigen wird das politische Handeln nicht immer vom Glanz großer Bewegungen überstrahlt, sondern mehr vom harten mühevollen Alltag geprägt. Doch gerade in solcher Lage muss sich die innere Stärke einer freiheitlichen Gesellschaft in der sich selbst gesetzten parlamentarischen Ordnung erweisen.

Wenn ich das Bild betrachte, das Ihnen allenthalben in der öffentlichen Meinung von unserer Demokratie, unserem Staate und seiner Regierung gezeichnet wird, bewegt mich die große Sorge, dass Ihnen dieser Staat, der Ihnen aus dem Chaos heraus Wohlstand und Ordnung gebracht hat, wie es kaum eine andere Regierung in der Welt ihren Bürgern ermöglichen konnte, mit billigsten Vokabeln mehr und mehr zu verleiden versucht wird. Es ist ja so einfach, eine Regierung für jede

negative Erscheinung in Deutschland oder in der Welt verantwortlich und damit schlecht zu machen. Aber wie sehr schwer ist es dann, die daraus erwachsenden Folgen wieder gutzumachen.

**V. Отрывок из правительственного
пояснения бундесканцлера К. Г. Кизингера,
13 декабря 1966 года**

Zum ersten Mal haben sich die Christlich-Demokratische und Christlich-Soziale Union und die Sozialdemokratische Partei auf der Ebene des Bundes zur Bildung einer gemeinsamen Regierung entschlossen. Das ist ohne Zweifel ein Markstein in der Geschichte der Bundesrepublik, ein Ereignis, an das sich viele Hoffnungen und Sorgen unseres Volkes knüpfen. Die Hoffnungen richten sich darauf, dass es der Großen Koalition, die über eine so große, zwei Drittel weit übersteigende Mehrheit im Bundestag verfügt, gelingen werde, die ihr gestellten schweren Aufgaben zu lösen, darunter vor allem die Ordnung der öffentlichen Haushalte, eine ökonomische, sparsame Verwaltung, die Sorge für das Wachstum unserer Wirtschaft und die Stabilität der Währung.

Die Sorgen vieler gelten den möglichen Gefahren einer Großen Koalition, der nur eine verhältnismäßig kleine Opposition gegenübersteht.

Die stärkste Absicherung gegen einen möglichen Missbrauch der Macht ist der feste Wille der Partner der Großen Koalition, diese nur auf Zeit, also bis zum Ende dieser Legislaturperiode fortzuführen.

**VI. Отрывок из правительственного
пояснения бундесканцлера В. Брандта,
28 октября 1969 года**

Herr Präsident, meine Damen und Herren! Wir sind entschlossen, die Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und den Zusammenhalt der deutschen Nation zu wahren, den Frieden zu erhalten und an einer europäischen Friedensordnung mitzuarbeiten, die Freiheitsrechte und den Wohlstand unseres Volkes zu erweitern und unser Land so zu entwickeln, dass sein Rang in der Welt von morgen anerkannt und gesichert sein wird. Die Politik dieser Regierung wird

im Zeichen der Kontinuität und im Zeichen der Erneuerung stehen. Unser Respekt gebührt dem, was in den vergangenen Jahren geleistet worden ist — im Bund, in den Ländern und in den Gemeinden, von allen Schichten unseres Volkes. Ich nenne die Namen Konrad Adenauer, Theodor Heuss und Kurt Schumacher, stellvertretend für viele andere, mit denen die Bundesrepublik Deutschland einen Weg zurückgelegt hat, auf den sie stolz sein kann.

Unser Volk braucht, wie jedes andere, seine innere Ordnung. In den 70er Jahren werden wir aber in diesem Lande nur so viel Ordnung haben, wie wir an Mitverantwortung ermutigen. Solche demokratische Ordnung braucht außerordentliche Geduld im Zuhören und außerordentliche Anstrengung, sich gegenseitig zu verstehen. Wir wollen mehr Demokratie wagen. Wir werden unsere Arbeitsweise öffnen und dem kritischen Bedürfnis nach Information Genüge tun. Wir werden darauf hinwirken, dass durch Anhörungen im Bundestag, durch ständige Fühlungnahme mit den repräsentativen Gruppen unseres Volkes und durch eine umfassende Unterrichtung über die Regierungspolitik jeder Bürger die Möglichkeit erhält, an der Reform von Staat und Gesellschaft mitzuwirken. Wir wenden uns an die im Frieden nachgewachsenen Generationen, die nicht mit den Hypotheken der älteren belastet sind und belastet werden dürfen; jene jungen Menschen, die uns beim Wort nehmen wollen und sollen. Diese jungen Menschen müssen aber verstehen, dass auch sie gegenüber Staat und Gesellschaft Verpflichtungen haben. Wir werden dem Hohen Hause ein Gesetz unterbreiten, wodurch das aktive Wahlalter von 21 auf 18, das passive von 25 auf 21 Jahre herabgesetzt wird. Wir werden auch die Volljährigkeitsgrenze überprüfen. Mitbestimmung, Mitverantwortung in den verschiedenen Bereichen unserer Gesellschaft wird eine bewegende Kraft der kommenden Jahre sein. Wir können nicht die perfekte Demokratie schaffen. Wir wollen eine Gesellschaft, die mehr Freiheit bietet und mehr Mitverantwortung fordert.

Diese Regierung geht davon aus, dass die Fragen, die sich für das deutsche Volk aus dem Zweiten Weltkrieg und aus dem nationalen Verrat durch das Hitlerregime ergeben haben, abschließend nur in einer europäischen Friedensordnung beantwortet werden können. Niemand kann uns jedoch ausreden, dass die Deutschen ein Recht auf Selbstbestimmung haben, wie alle anderen Völker auch. Aufgabe der praktischen Politik in den jetzt vor uns liegenden Jahren ist es, die

Einheit der Nation dadurch zu wahren, dass das Verhältnis zwischen den Teilen Deutschlands aus der gegenwärtigen Verkrampfung gelöst wird. Die Deutschen sind nicht nur durch ihre Sprache und ihre Geschichte mit ihrem Glanz und ihrem Elend verbunden; wir sind alle in Deutschland zu Haus. Wir haben auch noch gemeinsame Aufgaben und gemeinsame Verantwortung: für den Frieden unter uns und in Europa. 20 Jahre nach Gründung der Bundesrepublik Deutschland und der DDR müssen wir ein weiteres Auseinanderleben der deutschen Nation verhindern, also versuchen, über ein geregeltes Nebeneinander zu einem Miteinander zu kommen. [...]

Eine völkerrechtliche Anerkennung der DDR durch die Bundesregierung kann nicht in Betracht kommen. Auch wenn zwei Staaten in Deutschland existieren, sind sie doch füreinander nicht Ausland; ihre Beziehungen zueinander können nur von besonderer Art sein. Anknüpfend an die Politik ihrer Vorgängerin, erklärt die Bundesregierung, dass die Bereitschaft zu verbindlichen Abkommen über den gegenseitigen Verzicht auf Anwendung oder Androhung von Gewalt auch gegenüber der DDR gilt. [...]

Bildung und Ausbildung, Wissenschaft und Forschung stehen an der Spitze der Reformen, die es bei uns vorzunehmen gilt. Wir haben die Verantwortung, soweit sie von der Bundesregierung zu tragen ist, im Bundesministerium für Bildung und Wissenschaft zusammengefasst. [...]

Das Ziel ist die Erziehung eines kritischen, urteilsfähigen Bürgers, der im Stande ist, durch einen permanenten Lernprozess die Bedingungen seiner sozialen Existenz zu erkennen und sich ihnen entsprechend zu verhalten. Die Schule der Nation ist die Schule. Wir brauchen das 10. Schuljahr, und wir brauchen einen möglichst hohen Anteil von Menschen in unserer Gesellschaft, der eine differenzierte Schulausbildung bis zum 18. Lebensjahr erhält. Die finanziellen Mittel für die Bildungspolitik müssen in den nächsten Jahren entsprechend gesteigert werden. Die Bundesregierung wird sich von der Erkenntnis leiten lassen, dass der zentrale Auftrag des Grundgesetzes, allen Bürgern gleiche Chancen zu geben, noch nicht annähernd erfüllt wurde. Die Bildungsplanung muss entscheidend dazu beitragen, die soziale Demokratie zu verwirklichen. [...]

Die Bundesregierung ist dem sozialen Rechtsstaat verpflichtet. Sie wird zur Verwirklichung dieses Verfassungsauftrags das unübersicht-

lich gewordene Arbeitsrecht in einem Arbeitsgesetzbuch zusammenfassen. Sie wird auch mit den Arbeiten für ein den Anforderungen der Zeit entsprechendes Sozialgesetzbuch beginnen. [...]

Wir wollen die demokratische Gesellschaft, zu der alle mit ihren Gedanken zu einer erweiterten Mitverantwortung und Mitbestimmung beitragen sollen. Dem Schutz der Menschen vor den Risiken für die Gesundheit, die durch die technisierte und automatisierte Umwelt entstehen, dienen umfassende, aufeinander abgestimmte Maßnahmen in Wissenschaft und Forschung, in der Gesundheitsgesetzgebung, in der Gesundheitsvorsorge und in der gesundheitlichen Aufklärung. [...]

Im Zuge der Lebensmittelrechtsreform wird 1970 dem Deutschen Bundestag ein umfassender Gesetzentwurf zugeleitet. Hier geht es um den bestmöglichen Verbraucherschutz, um Klarheit und Wahrheit in Werbung und Deklaration. Kindergeld, Steuerbegünstigungen und andere materielle Hilfen für die Familie müssen aufeinander abgestimmt und zugleich mit dem weiteren Ausbau der Ausbildungsförderung verbunden werden. Die weithin unzureichenden personalen Hilfen vor allem für berufstätige Mütter sind zu verbessern. Über die Erhöhung des Kindergeldes soll im Jahre 1970 entschieden werden. Für die gesellschaftspolitischen Reformen und die moderne Gestaltung unseres demokratischen Industriestaates will und braucht die Bundesregierung eine stärkere Mitwirkung der Frauen.

**VII. Отрывок из речи об отставке
бундесканцлера В. Брандта,
8 мая 1974 года**

Nachdem ich dem Vorstand meiner Partei berichtet habe, spreche ich heute Abend zu Ihnen zum ersten Mal gelöst von der Pflicht des Staatsamtes. Am Abend des 6. Mai habe ich dem Bundespräsidenten meinen Rücktritt erklärt und damit die politische und persönliche Verantwortung für Fahrlässigkeiten im Zusammenhang mit der Agentenaffäre übernommen. Diese Entscheidung konnte mir niemand abnehmen. Mein Rücktritt geschah aus Respekt vor ungeschriebenen Regeln der Demokratie und auch, um meine politische und persönliche Integrität nicht zerstören zu lassen. Dazu bedarf es eines erklärenden Wortes. Ich habe mich lange geprüft und kam zu dem Ergebnis:

1. Was immer mir an Ratschlägen gegeben worden war, ich hätte nicht zulassen dürfen, dass während meines Urlaubs in Norwegen im Sommer vergangenen Jahres auch geheime Papiere durch die Hände des Agenten gegangen sind. Mehr darüber zu sagen, verbietet das Sicherheitsinteresse unseres Staates. Doch ich warne davor, durch Indiskretionen und Spekulationen den Schaden zu vergrößern.

2. Als ich mich zum Rücktritt entschloss, war mir entscheidend, dass ich mich für einen Teil der Politik — hier meine ich unser Verhältnis zur DDR und zum Warschauer Pakt — zeitweilig nicht mehr unbefangen genug fühlte.

3. Es gab Anhaltspunkte, dass mein Privatleben in Spekulationen über den Spionagefall gezerrt werden sollte. Was immer noch darüber geschrieben werden mag, es ist und bleibt grotesk, einen deutschen Bundeskanzler für erpressbar zu halten. Ich bin es jedenfalls nicht. Ich bleibe Vorsitzender meiner Partei und werde weiter mit aller Kraft für eine Politik arbeiten, die den Menschen und dem Frieden dient.

**VIII. Орывок из правительственного пояснения
бундесканцлера Г. Шмидта
о внутренней безопасности и терроризме,
20 апреля 1977 года**

Mit Gesetzgebung allein schaffen wir den Terrorismus nicht aus der Welt. Wir müssen ihm jeden geistigen Nährboden entziehen. Dazu ist es nötig, unseren Bürgern, zumal den jüngeren, die Einmaligkeit des liberalen Rechtsstaates in unserer nationalen Geschichte stärker erlebbar, stärker bewusst zu machen, als das bisher geschehen ist.

Die Intellektuellen in unserer Gesellschaft sollten den politisch Verantwortlichen im Prozess der Aufklärung solcher junger Deutscher helfen, die noch ein unklares Urteil über Terroristen, über deren Motive und über deren scheinbare Rechtfertigung haben. Ich richte diesen Aufruf zumal an jene Universitätslehrer, Wissenschaftler, Philosophen, Schriftsteller, auf deren Stimmen die junge Generation damals, in der zweiten Hälfte der 60er Jahre in der APO-Zeit so sehr gehört hat. Jene bedeutenden und einflussreichen Intellektuellen, die am Anfang viele junge Menschen mit ihren Vorstellungen beeindruckt haben und die sich dabei doch keinen Augenblick lang die Möglichkeit

solcher schrecklichen Verbrechen vorgestellt haben, sollten ihre besondere Verpflichtung und Chance erkennen. Diese Aufklärung gelingt allerdings nicht mit den Mitteln der Einschüchterung, sondern kann nur gelingen durch argumentative Wahrhaftigkeit. Es geht ja nicht darum, das freie Denken einzuschränken, sondern darum, denen, die bisher kein klares Urteil haben, die Trennungslinie zum Terrorismus zu verdeutlichen und ihren Willen zur Verantwortung zu schärfen. [...]

Wir haben in Wahrheit zwei Aufgaben zu leisten: Zum Ersten, den Terrorismus ohne Wenn und ohne Aber und ohne jede sentimentale Verklärung der Tätermotive zu verfolgen, bis er aufgehört haben wird, ein Problem zu sein. Aber die andere Aufgabe muss es sein, die Meinungsfreiheit kämpferisch und entschlossen zu verteidigen und über jeden Zweifel klarzumachen, dass Kritik an den vielerlei Obrigkeiten nicht statthaft ist, sondern dass sie für jeden demokratischen Staat prinzipiell erwünscht ist.

**IX. Речь федерального президента Х. Келера
на форуме работодателей «Экономика и общество»,
15 марта 2005 года**

I.

In Deutschland sind offiziell 5,216 Millionen Menschen arbeitslos. Sie werden daher von mir keine Festrede erwarten. Zur Sache also:

Deutschland ist sich selber untreu geworden. Wir vernachlässigen schon lange das Erfolgsrezept, das der Bundesrepublik Deutschland nach dem Krieg Zuversicht und Wohlstand, Stabilität und Ansehen gebracht hat. Es gab Zeiten, da sprach noch niemand von Globalisierung, aber der VW Käfer lief in aller Welt — und lief und lief und lief. Damals galt in der Bundesrepublik eine Ordnung, die Leistung ermutigte und sozialen Fortschritt brachte.

Diese Ordnung ist im Niedergang, weil immer neue Eingriffe sie schleichend zersetzt haben, selbst wenn sie gut gemeint waren. Seit Jahrzehnten fallen Bundes- und Landesregierungen und nicht zuletzt Brüssel immer neue Auflagen und Regulierungen für die Wirtschaft ein, Wirtschafts- und Sozialverbände haben das ihre dazu getan, die Tarifpartner schlossen Verträge zu Lasten von Dritten, und die Bürger ließen sich gern immer neue Wohltaten versprechen und Geschenke machen. Deshalb ist

die Arbeitslosigkeit über Jahrzehnte immer weiter gestiegen. Deshalb machen hohe Abgaben Arbeit teuer und können doch nicht verhindern, dass unseren Sozialsystemen der Kollaps droht. Deshalb ist die Massenarbeitslosigkeit auch kein konjunkturelles, sondern vorwiegend ein strukturelles Problem. Das alles spiegelt sich auch im Stand der Schulden und künftigen Lasten wider. Der aktuelle Schuldenstand (1,4 Billionen Euro) und die Anwartschaften in den Sozialversicherungen (5,7 Billionen) belaufen sich auf insgesamt 7,1 Billionen Euro. Das entspricht 330 Prozent des Bruttoinlandsprodukts. Machen wir uns wirklich klar, welche Erblast das für unsere Kinder und Enkel bedeutet?

Vor 50 Jahren hat Ludwig Erhard gesagt: "Erst auf dem Boden einer gesunden Wirtschaft kann die Gesellschaft ihre eigentlichen Ziele erfüllen". Das gilt heute mehr denn je. Und die Welt bleibt nicht stehen. Demokratie und Marktwirtschaft setzen sich immer weiter durch. Wir freuen uns darüber. Es bedeutet freilich einen neuen globalen Wettbewerb um Arbeit und Wohlstand. Zugleich werden wir unerbittlich mit den Folgen des Geburtenrückgangs konfrontiert. Beides zusammen stellt unsere ganze Wirtschafts- und Sozialordnung auf den Prüfstand — ob wir wollen oder nicht. Wir haben eine gewaltige Aufgabe für gestaltende Politik vor uns.

II.

Es sind dicke Reformbretter, die wir bohren müssen. Ein mutiger Anfang ist mit der Agenda 2010 gemacht. Er wird eine positive Wirkung entfalten. Doch wir müssen unseren Menschen ehrlich sagen, dass wir es damit noch nicht geschafft haben. Wir brauchen einen modernen Sozialstaat, der mit einer nachhaltigen öffentlichen Finanzwirtschaft vereinbar ist. Wir brauchen ein effizientes Steuersystem, das Leistung belohnt, aber auch dem Staat gibt, was des Staates ist. Wir brauchen einen nationalen Aufbruch für Bildung, Forschung und Familie, der unserer Gesellschaft Zukunftsglauben und Zusammenhalt gibt. Und wir brauchen die Modernisierung der bundesstaatlichen Ordnung, um die Reformfähigkeit unseres Landes zu stärken.

Das alles erfordert Zeit — über Legislaturperioden hinweg. Taktische Reformpausen wegen Wahlterminen oder einen Zickzack-Kurs können wir uns nicht leisten. Der Schlüssel zum Vertrauen der Bürger sind Wahrhaftigkeit und Stetigkeit, Stimmigkeit und Berechenbarkeit der Politik. Ich begrüße, dass sich Regierung und Opposition in dieser Woche zusammensetzen. Aktionismus hilft nicht. Gefragt sind weitere

nachhaltige Maßnahmen gegen die Arbeitslosigkeit. Ich wünsche mir, dass auch die Grundlinien einer umfassenden Erneuerung von Wirtschaft und Gesellschaft besprochen werden. Regierung und Opposition stehen in patriotischer Verantwortung.

III.

Ich bin zutiefst davon überzeugt, dass die nötige Energie, Kreativität und Solidarität in uns stecken. Ich glaube daran, dass die meisten Menschen ihr Glück nach ihren eigenen Vorstellungen machen wollen. Dieser Wille ist gut. Er braucht Freiheit, damit er sich entfalten kann. Und indem er sich entfaltet, bindet er sich auch. Er braucht eine Ordnung, die diese Verantwortung für sich und andere fördert und belohnt. Diese Ordnung der Freiheit sollte uns leiten. Das verlangt eine Rückbesinnung auf Ordnungspolitik.

Die Ordnung der Freiheit bedeutet: Die Bürger beauftragen den Staat, die Spielregeln zu setzen. Aber das Spiel machen die Bürger. Die Regeln lauten: Privateigentum und Vertragsfreiheit, Wettbewerb und offene Märkte, freie Preisbildung und ein stabiles Geldwesen, eine Sicherung vor den großen Lebensrisiken für jeden und Haftung aller für ihr Tun und Lassen. Der moderne Sozialstaat schützt vor Not; aber er gaukelt nicht vor, dem Einzelnen den einmal erreichten Lebensstandard garantieren zu können.

Auf diese Regeln muss Verlass sein. Die Bürger müssen wissen, was auf sie zukommt. Ohne Verlässlichkeit kein Vertrauen. Ohne Vertrauen kein Aufschwung.

IV.

Ich habe in den vergangenen Monaten viele Briefe von Bürgerinnen und Bürgern bekommen, die mir verzweifelt von ihrer Suche nach einem Arbeitsplatz berichten. Diese Menschen wollen arbeiten. Angesichts der Lage auf dem Arbeitsmarkt brauchen wir in Deutschland jetzt eine politische Vorfahrtsregel für Arbeit. Was der Schaffung und Sicherung wettbewerbsfähiger Arbeitsplätze dient, muss getan werden. Was dem entgegensteht, muss unterlassen werden. Was anderen Zielen dient, und seien sie noch so wünschenswert, ist nachrangig. Eine solche Grundeinstellung wünsche ich mir von allen, die politische Verantwortung tragen. Dabei müssen wir wissen, dass wir die Massenarbeitslosigkeit nicht schnell überwinden können. Aber wenn die Vorfahrtsregel wirklich beherzigt wird, dann können die Arbeitslosenzahlen bald wieder sinken. Und zwar dauerhaft.

Die Gewerkschaften haben in den letzten Jahren Lohnzurückhaltung geübt. Damit haben sie einen wichtigen Beitrag zur Verbesserung der Wettbewerbsfähigkeit geleistet. Das verdient Anerkennung. Dieser Pfad muss fortgesetzt werden. Aber wir sind bei dem Kernproblem, den zu hohen Lohnnebenkosten, noch nicht wirklich weitergekommen. Sie haben Arbeit in Deutschland so teuer gemacht, dass viele Menschen kaum noch eine Chance auf einen Arbeitsplatz haben. Wissenschaftliche Studien belegen, dass eine Senkung der Sozialbeiträge nachhaltig zu neuen Arbeitsplätzen führt. Am wirkungsvollsten wäre es, die Kosten der sozialen Sicherung völlig vom Arbeitsverhältnis abzukoppeln.

Die Lohnkosten sind nicht nur wegen der hohen Sozialabgaben so hoch. Mehr als die Hälfte der Lohnnebenkosten beruht auf Tarifverträgen. Zu lange wurden solche Verträge zu Lasten Dritter abgeschlossen — zu Lasten der Arbeitslosen und der Steuerzahler. Und die Arbeitgeberverbände saßen dabei immer mit am Tisch.

Die hohen Lohnnebenkosten sind gerade für die Geringqualifizierten eine unüberwindbare Barriere, einen neuen Arbeitsplatz zu finden. Ich glaube, dass wir das Instrument der Lohnkostenzuschüsse noch nicht ausreichend genutzt haben. Ich weiß, die bisherigen zaghaften Versuche haben nicht die gewünschten Erfolge gebracht. Davon sollten wir uns aber nicht entmutigen lassen, sondern in diesem schwierigen Bereich des Arbeitsmarktes weiter nach Lösungen suchen. Vorschläge hierzu — von der “aktivierenden Sozialhilfe” bis zur “Magdeburger Alternative” — liegen vor. Ich ermutige die Arbeitsmarktpolitiker, diese Modelle zu erproben.

Mittlerweile ist anerkannt, dass es zur Sicherung von Beschäftigung vor allem auf Flexibilität ankommt. In dieser Hinsicht hat sich viel getan. Die “atmenden Fabriken” in der Automobilindustrie zum Beispiel zeigen, wie mit intelligenten Arbeitszeitmodellen die Stundenzahl der Nachfrage angepasst werden kann. Solche und andere betriebliche Beschäftigungsbündnisse sorgen für Flexibilität. Darum ist es wichtig, ihren Abschluss zu erleichtern — sei es nun tarifvertraglich oder gesetzlich. Das sichert und schafft Arbeitsplätze und zieht Investoren an.

Und noch etwas: Von den Menschen über 55 haben in Deutschland nur noch 40 Prozent einen Arbeitsplatz, in der Schweiz dagegen sind es fast 70 Prozent. Das kann nicht an den Menschen liegen, denn so verschieden sind Deutsche und Schweizer nun wirklich nicht. Wir können

es uns nicht leisten, auf das Wissen und die Erfahrung der Älteren zu verzichten. Es gibt darum insgesamt nur einen vernünftigen Weg: Alle Regelungen für den Arbeitsmarkt, ob gesetzlich oder tariflich, müssen darauf überprüft werden, ob sie Beschäftigung fördern.

V.

Unser Staat hat europaweit vor allem die höchsten Unternehmensteuersätze. Zugleich erzielt Deutschland mit diesen Unternehmensteuersätzen im Verhältnis zum Bruttoinlandsprodukt europaweit mit die niedrigsten Einnahmen. Das liegt daran, dass die Großen und die Findigen mit Billigung des Gesetzgebers wenig Steuern zahlen, während die kleinen und mittleren Unternehmer die volle Last zu tragen haben. Diese Betriebe leiden obendrein besonders unter dem bürokratischen Aufwand der Steuerermittlung, zumal sich unser Steuerrecht ständig ändert. Ich halte es deshalb für richtig, im Vorgriff auf eine umfassende Steuerreform mit einer Verbesserung der Unternehmensbesteuerung zu beginnen.

Politischen Mut und Hartnäckigkeit brauchen wir aber auch beim Abbau von Subventionen. Viele Studien zeigen, dass hier große Spielräume bestehen. Jüngst hat der Managerkreis der Friedrich-Ebert-Stiftung das Einsparpotential auf rund 4 Prozent des Bruttoinlandsproduktes beziffert. Eine große Reform unseres Steuer und Sozialsystems muss an Finanzierungsfragen nicht scheitern.

VI.

Wo immer ich hinkomme, berichten mir Unternehmer, dass die Bürokratie ungezählte Arbeitsplätze kostet. Jemand hat ausgerechnet, dass ein Mittelständler rund 230 Stunden im Jahr nur für Behörden und Statistiken arbeitet. Das heißt: Jedes Jahr geht ihm dadurch betriebswirtschaftlich betrachtet ein ganzer Monat verloren!

Der Bund, die Länder und die Europäische Union sollten endlich den Satz von Montesquieu beherzigen: "Wenn es nicht notwendig ist, ein Gesetz zu erlassen, dann ist es notwendig, kein Gesetz zu erlassen".

Vielleicht kann es helfen, wenn unabhängige Experten außerhalb der Politik jeden Gesetzentwurf vor der parlamentarischen Beratung daraufhin bewerten, ob er Beschäftigung fördert oder sie hemmt. In jedem Fall sollten alle Anstrengungen unternommen werden, um den Bürokratieabbau endlich wirksam voranzutreiben.

Der Kampf gegen die Bürokratie richtet sich nicht allein gegen Behörden. Oft steht der Gegner in den Reihen derer, die eigentlich vom

Bürokratieabbau profitieren sollten. Kenner der Verfahren sagen, dass der Einfluss der Wirtschaftsverbände auf die Gesetzgebung eine der Hauptursachen für komplizierte und unverständliche Gesetze ist. Es kehre also jeder vor seiner eigenen Tür.

VII.

Niedrigere Arbeitskosten, ein flexibler Arbeitsmarkt, ein vernünftiges Steuersystem und deutlich weniger Bürokratie: All das wird uns helfen, unsere Wettbewerbsfähigkeit weiter zu verbessern. Aber gerade weil wir das Lohnniveau in Deutschland nicht auf das von Polen oder China absenken wollen und können, braucht eine Strategie für mehr Arbeit in Deutschland noch ein zweites Standbein, und das sind Innovationen. Dafür sind Bildung, Wissenschaft und Forschung der Schlüssel.

Ein Land der Ideen habe ich es genannt andere nennen es Wissensgesellschaft: Nur mit ständig erneuertem Wissen, das wir schnell in Entwicklung und Produktion umsetzen, werden wir uns in der Welt der Globalisierung behaupten. Wir müssen um so viel besser sein, wie wir teurer sind. Wir brauchen Lehrer, die darauf brennen, ihren Schülern etwas beizubringen und Schüler, die sich begeistern lassen. Wir brauchen Eltern, die ihre Kinder zur Wissbegierde erziehen und auch einmal verstehen, wenn nach dem Experimentieren der Teppich ein Loch hat. Wir brauchen Ausbilder, die Freude daran wecken, ein Handwerk wirklich zu beherrschen. So kommen solides Wissen und kritisches Denken, Neugier und Experimentierfreude in die Welt.

Dafür liefert unser Bildungssystem heute nicht mehr die Grundlage. Fast 9 Prozent aller Schülerinnen und Schüler das sind jährlich rund 85.000 bleiben ohne Abschluss. Unternehmer klagen darüber, dass immer mehr Bewerber nicht richtig rechnen und schreiben können. Unsere Schulen und Universitäten sind im internationalen Vergleich bloß noch Mittelmaß. Wie lange wollen wir noch zusehen?

Dabei gibt es doch über die nötigen Änderungen im Bildungsbereich wachsende Einigkeit: früheres Lernen, mehr individuelle Förderung, vergleichbare und international anerkannte Bildungsstandards, mehr Wettbewerb und Autonomie der einzelnen Schulen und Universitäten, Förderung in der Breite und an der Spitze, lebenslanges Lernen. Umso unverständlicher ist der fortwährende Kompetenzstreit in Fragen von Bildung, Wissenschaft und Forschung zwischen Bund und Ländern. Und erst recht kann mir niemand begreiflich machen, dass an diesem

Streit die Föderalismusreform scheitern soll. Unser Land braucht bei Bildung, Wissenschaft und Forschung keine Querelen, sondern rasches Handeln.

VIII.

Deutschland hat sich vorgenommen, dass Staat und Wirtschaft spätestens ab dem Jahr 2010 insgesamt drei Prozent des Brutto-sozialproduktes für Forschung und Entwicklung ausgeben. Wie ich höre, ist sehr zweifelhaft, ob dieses Ziel erreicht wird. Das ist ein Alarmsignal, denn im Grunde brauchen wir deutlich mehr als diese drei Prozent, und das möglichst rasch. Stattdessen fallen wir ausgerechnet im Bereich Forschung und Entwicklung zurück. Die Ausgaben der öffentlichen Hand sinken, und die der deutschen Wirtschaft stagnieren. 1991 standen wir im internationalen Vergleich auf Platz drei. Heute sind wir auf Platz acht. Das muss doch für die Politik dringender Anlass sein, ihre Prioritäten zu überprüfen. Sie muss auch die Rahmenbedingungen für die Innovationstätigkeit insbesondere im Mittelstand vom Risikokapital bis zu den Genehmigungsbedingungen neu bewerten, damit wirklich alles für die Schaffung von Arbeitsplätzen geschieht.

Aber auch die Unternehmer müssen sich hier viel mehr anstrengen. Wir alle kennen Unternehmen, die dank unermüdlicher Innovation in ihren Branchen Technologie und Marktführer sind. Aber es gibt zu wenige davon. An die Spitze kommt man nicht im Schlafwagen. Erfolgreiche Unternehmer suchen den Wettbewerb und wollen auch international die Besten sein. Sie wissen: Innovationen sind ihr Lebens-, ja Überlebenselixier.

Aber immer noch bringen es hierzulande zu wenige gute Ideen bis zur Marktreife. Nur jedes zehnte Patent wird tatsächlich genutzt. Das ist nicht allein eine Folge schlechter Rahmenbedingungen. Offenbar versandet so manches auch in den Unternehmen. Wenn sich das ändern soll, muss Innovation uns begeistern, und diese Begeisterung muss das ganze Unternehmen erfassen, von der Chefetage bis in die Werkshalle. So hat es Thomas Alva Edison schon vor hundert Jahren gefordert: "Erfindet alle zehn Tage eine kleine Sache und alle sechs Monate ein großes Ding".

IX.

Ich sage das nicht, um Unternehmerschelte zu betreiben. Ich sage es, weil es mir um die Hauptaufgabe von Unternehmen und Betrieben geht, und die ist: am Markt erfolgreich zu sein und Gewinne zu machen. Das verdient immer wieder klar gesagt zu werden. In Deutsch-

land gilt es zuweilen als moralisch verdächtig, Gewinn zu machen. Das ist falsch. Wer als ordentlicher Unternehmer Gewinne erzielt, der hat andere von seiner Leistung überzeugt und ihnen geholfen. Und nur wer Gewinne erwirtschaftet, kann den Fortbestand seines Unternehmens durch Investitionen sichern, seine Mitarbeiter weiterbeschäftigen und zusätzliche Arbeitsplätze schaffen.

Gerade erfolgreiche Unternehmer wissen, wie wichtig ein offenes Betriebsklima und ein partnerschaftlicher Umgang mit den Mitarbeitern sind. Wer auf das private Umfeld seiner Mitarbeiter achtet und ein familienfreundliches Klima schafft, der fördert Engagement und Loyalität, und auch das zahlt sich aus.

Manche Unternehmen machen stattliche Gewinne, investieren aber nicht, weil sie zu wenig Vertrauen in den Standort Deutschland haben. Denen sage ich: Ihr solltet die Stärken dieses Standorts nicht gering schätzen. Und was seine Schwächen angeht: An denen arbeitet Deutschland.

X.

Vertrauen wir also auf unser Land und arbeiten wir alle an dem großen Reformwerk mit. Wir haben das Zeug dazu, die Ordnung der Freiheit gemeinsam wieder aufzubauen. Wir schaffen es, wenn jeder mitmacht. Ich spüre überall: Die Menschen sind bereit, mitzuziehen.

John F. Kennedy hat oft Cape Canaveral besucht. Es wird erzählt, er habe dabei einmal einen Arbeiter angesprochen, der gerade eine Halle fegte. "Was ist Ihr Job?", fragte er ihn. Der Arbeiter antwortete: "Einen Menschen auf den Mond bringen, Mr. President". Mancher mag darüber lächeln. Mich beeindruckt die Kraft, die hinter dieser Antwort steckt.

**X. Правительственное пояснение
бундесканцлера Г. Шредера
«Германия на правильном пути —
доверие сильным сторонам нашей страны»,
7 сентября 2005 года**

Herr Präsident! Meine sehr verehrten Damen und Herren!

Lassen Sie mich zu Beginn der Aussprache einige Sätze zu der in der Tat fürchterlichen Naturkatastrophe, die die Vereinigten Staaten von Amerika getroffen hat, sagen: Wir haben die schrecklichen Bilder,

denke ich, alle miteinander vor Augen. Das Sterben, das Leid der Menschen, die Not haben uns alle beschäftigt und tief betroffen gemacht. Wir stehen deshalb in diesen Tagen in wirklicher Solidarität zu unseren amerikanischen Freunden, vor allen Dingen zu den Opfern, und das nicht nur aus Dankbarkeit für das, was wir von unseren Freunden in Amerika nach dem Zweiten Weltkrieg bekommen haben, sondern weil für uns alle, denke ich, diese Solidarität ein selbstverständliches Gebot von Mitmenschlichkeit in solchen Situationen ist.

Deswegen haben wir unverzüglich unsere Hilfe angeboten, und zwar Hilfe, die umfassend sein soll und sein wird. Die Bundeswehr hat bisher 40 Tonnen Nahrungsmittel als Notverpflegung dorthin gebracht. Wir haben dafür gesorgt, dass Equipment, das helfen kann, des Hochwassers Herr zu werden, dorthin gebracht worden ist, und wir haben medizinische Hilfe zugesagt. Wir sind in der Lage, mit Notunterkünften zu helfen, sobald und sofern wir entsprechende Anforderungen bekommen. Wir sind mit den Hilfsorganisationen im Gespräch, wir sind bereit, umfassend Hilfe zu leisten, und ich bin froh darüber, dass in der amerikanischen Gesellschaft, auch in der amerikanischen Öffentlichkeit unsere Leistung sehr wohl anerkannt wird.

Meine Damen und Herren, dass wir helfen, ist selbstverständlich; aber es gilt auch, Konsequenzen aus dem zu ziehen, was wir nicht nur in den Vereinigten Staaten von Amerika, sondern weltweit beobachten können. Was ist die richtige Antwort auf die Häufung von Naturkatastrophen, die wir dort, aber eben nicht nur dort erleben? Um Folgen dieser Naturkatastrophen einzudämmen, zum Beispiel die Folge eines steigenden Öl und Gaspreises, der die Weltwirtschaft in Gefahr stürzen kann, ist es möglich, Teile der staatlichen Ölreserven und der Reserven an Ölprodukten freizugeben. Es wäre aber unmöglich gewesen, das im nationalen Alleingang zu machen; dafür sind sie nicht geschaffen. Ich denke, das findet hier im Hohen Hause insgesamt Zustimmung. Aber als die Vereinigten Staaten von Amerika deutlich gemacht haben, dass und warum die Ölversorgung bei ihnen physisch gefährdet ist? Weil nämlich Raffinerien ausgefallen sind, weil nämlich Produktion ausgefallen ist? Haben wir nicht gezögert, unsere Zustimmung zu einem international abgestimmten Verhalten zu geben, um auf diese Weise wenigstens Beruhigung in den Markt zu bringen. Das ist schwer genug; aber immerhin scheint etwas Beruhigung einzutreten.

In diesem Zusammenhang sollte man sehr deutlich sagen, dass es weder mit Ethik noch mit Moral in der Wirtschaft zu tun hat, wenn Mineralölkonzerne diese Situation nutzen, um auf diesen Märkten eine völlig unverantwortliche Preistreiberei zu praktizieren. In diesem Zusammenhang wird es auch nötig sein, sich die Frage vorzulegen, ob denn die Bindung des Gaspreises an den Ölpreis unter den Bedingungen, unter denen wir jetzt leben, wirklich gerechtfertigt ist.

Die Politik hat relativ wenig Möglichkeiten, in dieses Marktgeschehen einzugreifen. Dass das Kartellamt indessen genau hinschauen muss, ob das, was sich auf diesen Märkten einzustellen scheint, inhaltlich wirklich gerechtfertigt ist, finde ich, ist eine Aufforderung, die gerade in diesem Hohen Hause deutlich geäußert werden sollte.

Was kann man darüber hinaus tun? Wir als Bundesregierung haben von Anfang an im Zusammenhang mit den G-8-Staaten auf einen Tatbestand hingewiesen, der in dieser Situation besonders interessant und besonders gefährlich ist, nämlich die Tatsache, dass der hohe Ölpreis nur bedingt mit Produktion und Produktionsausfällen und auch nur sehr bedingt mit Anforderungen an den Markt, was die Nachfrage angeht, zu tun hat.

In diesem extrem hohen Ölpreis sind 20 bis 30 Dollar pro Barrel an reiner Spekulation enthalten. Wir als deutsche Bundesregierung haben im Zusammenwirken mit den G-8-Staaten versucht, wenigstens mehr Transparenz in das Marktgeschehen zu bringen, wenn schon mit nationalen Möglichkeiten allein die Preissetzung nicht infrage gestellt werden kann. In Gleneagles ist das nicht zuletzt von Großbritannien und den Vereinigten Staaten noch abgelehnt worden. Wir werden an diesem Punkt nicht locker lassen und weiter versuchen, über mehr Transparenz in Bezug auf das Marktgeschehen zu einer Beruhigung der Preissituation zu kommen, die dringend notwendig ist, wenn wir nicht Probleme heraufbeschwören wollen.

Entscheidend indessen ist etwas anderes, etwas, was wir mit nationalen Möglichkeiten sehr wohl in den Griff bekommen können: Wir müssen nach wie vor und noch entschiedener als in der Vergangenheit eine Politik betreiben, die uns vom Öl und vom Ölverbrauch unabhängiger macht. Eine Politik des Weg-vom-Öl ist dringende Notwendigkeit.

In diesem Zusammenhang ist nun wirklich über gegenwärtige und zukünftige Energiepolitik zu reden. Diese Regierung, diese Koalition

ist es gewesen, die hergegangen ist und unter großen Mühen durchgesetzt hat, dass wir eine Energiepolitik betreiben, die erstens auf Kohle und Kohleprodukten beruht, zweitens auf Energieeffizienz basiert und drittens massiv auf erneuerbare Energien setzt.

Viele haben es nicht glauben wollen, als wir gesagt haben: Das Setzen auf alternative, auf erneuerbare Energien ist bitter notwendig, um vom Öl wegzukommen; das ist notwendig, um eine Energiepolitik zu kreieren, die der Klimakatastrophe wirklich entgegenwirkt. Ich kenne die Debatten und die Art und Weise, wie über diese Politik der rot-grünen Koalition hergezogen worden ist. Inzwischen wird deutlich, dass sie ohne vernünftige Alternative ist und dass sie deshalb weitergeführt werden muss.

Um das sehr konkret zu machen: In Ihrer Zeit als Umweltministerin, Frau Merkel, haben wir erleben können, dass der Anteil erneuerbarer Energien von 4,3 auf gerade 4,7 Prozent gesteigert werden konnte. Das ist die Bilanz Ihrer Zeit als Umweltministerin. In der Zeit unserer Regierung haben wir diese Zahl mehr als verdoppeln können. Wir sind inzwischen bei 10 Prozent. Unser klares Ziel ist, bis zum Jahr 2020 auf 20 Prozent zu kommen. Das werden wir schaffen, weil wir das schaffen müssen.

Das, was Sie anstelle dessen anbieten? Nämlich eine Rolle rückwärts zur Atomenergie? Ist völlig ungeeignet, die Energieprobleme der Zukunft auch nur im Ansatz zu lösen. Das ist ein völlig verkehrter Weg.

Das, was Sie da vorhaben, bedeutet, dass die großen Energieversorger nicht das tun werden, was sie zugesagt haben, nämlich 20 Milliarden Euro in die Ertüchtigung der Netze und die Verbesserung der Qualität der laufenden Kraftwerke zu investieren. Stattdessen werden sie durch die Verlängerung der Laufzeiten von Atomkraftwerken Gewinne machen. Das ist eine Strategie, die total zum Scheitern verurteilt ist, die wirtschaftspolitisch schädlich ist, die umweltpolitisch schädlich ist und die deshalb in Deutschland nicht Wirklichkeit werden darf.

Die Unterschiede sind sichtbar und sie werden auch gesehen: auf der einen Seite eine verantwortliche, an den Klimabedingungen orientierte Energiepolitik, auf der anderen Seite ein Zurück in die Vergangenheit. Das sind die Unterschiede in der Umweltpolitik. Seien Sie sicher: Die Menschen beobachten sehr genau, was wirklich hilfreich ist und was nur in die Vergangenheit zurückführt.

In diesem Zusammenhang komme ich zu der Debatte um die so genannte Ökosteuer, eine interessante Diskussion. Anfangs konnte auf der rechten Seite des Hohen Hauses keiner schnell genug mit der Abschaffung der Ökosteuer sein. Inzwischen haben auch Sie gemerkt, dass die Einnahmen, die dadurch entstehen, in der Tat zu 90 Prozent in die Rente fließen, also die Lohnnebenkosten senken oder zumindest stabilisieren. Damit wird das erreicht, was auch Sie eigentlich wollen.

Sich jene Prozentpunkte, die nicht zur Stabilisierung der Rentenbeiträge verwendet werden, anzuschauen ist indessen wirklich interessant. Da ziehen Ihre Leute durch das Land und sagen, sie hätten entdeckt, dass man die Ökosteuer um 3 Cent senken könnte. Ich will nicht persönlich werden, liebe Freunde. Das ist deshalb eine Milchmädchenrechnung, weil der Anteil der Ökosteuer am Benzinpreis etwas mehr als 15 Cent beträgt. 10 Prozent fließen in den Haushalt. Das sind 1,5 Cent. Sie sagen gleichzeitig: Sie wollen die Mehrwertsteuer erhöhen? Das haben Sie ja gesagt? Und zwar um zwei Punkte. Eine Mehrwertsteuererhöhung um zwei Punkte bedeutet bei dem gegenwärtigen Spritpreis eine Verteuerung um zwischen 2,2 und 2,5 Cent. Das heißt, die Autofahrer zahlen bei Ihrer Strategie drauf; sie werden nicht entlastet. Das ist ein riesiger Betrug, den Sie da starten, meine Damen und Herren!

Aber keineswegs nur in diesem Punkt wird Unehrlichkeit in einer Weise sichtbar, die kaum noch zu überbieten ist. Lassen Sie uns über die Sozialpolitik reden, damit Unterschiede zwischen dem, was wir auf diesem Gebiet machen, und dem, was Sie wollen, deutlich werden.

Mit der Agenda 2010 haben wir einen Kurs eingeschlagen, der in der Tat Deutschland auf einen guten Weg gebracht hat. Ich komme zu den Ergebnissen; ich werde sie Ihnen vorrechnen.

Was war denn Inhalt der Agenda? Inhalt der Agenda war ein doppelter: Wir mussten und müssen die sozialen Sicherungssysteme in Ordnung bringen und wir brauchen die dadurch erzielten Ressourcen, um sie in wirkliche Zukunftsfelder zu investieren? Felder, die im Interesse unseres Volkes und unseres Landes sind. Dazu wollen wir ein paar Bemerkungen machen und deutlich werden lassen, was wir tun und wo die Unterschiede zu Ihnen liegen.

Ich beginne mit der Gesundheitspolitik. Wir haben im Übrigen gemeinsam; aber das haben Sie nach außen nie mehr laut gesagt, weil Sie sich aus Ihrer Verantwortung davongerobbt haben, meine Damen

und Herren; aber wir stehen dazu — mit dem In-Ordnung-Bringen eines Gesundheitssystems begonnen, das zu den besten in der Welt zählt. Das Prinzip, das dieses System trägt und hält, heißt: Das medizinisch Notwendige bekommt jede und jeder, unabhängig von seinem persönlichen Einkommen. Das ist gelebte Solidarität.

Dafür mussten wir die Balance zwischen Eigenverantwortung und solidarischer Finanzierung verändern. Wir haben das getan. Wir haben die Verantwortung gern alleine übernommen. Sie, meine Damen und Herren von der Opposition, sind nun einmal, wie Sie sind.

Aber was ist denn jetzt? Aus Schulden der Krankenkassen sind Überschüsse geworden. Für mehr als 40 Millionen Versicherte konnten die Beiträge gesenkt werden. Das ist erfolgreiche Politik. Was haben Sie dagegen anzubieten? Damit wollen wir uns doch einmal einen Moment beschäftigen. Was Sie dagegen anzubieten haben, ist, die Finanzierung dieses hervorragenden Systems der sozialen Sicherheit auf den Kopf zu stellen. Wir haben für eine neue Balance zwischen solidarischer Finanzierung und Eigenverantwortung gesorgt. Sie wollen dagegen einen Systembruch. Was Sie wollen, bedeutet schlicht, dass der Generaldirektor genauso viel in die Gesundheitskasse zahlt wie seine Putzfrau. Das ist doch nun einmal so. Das ist Ihre Politik. Wir werden nicht aufhören, das deutlich zu machen. Sie wissen doch ganz genau, dass das so ist.

Um das einigermaßen hinzubekommen, gehen Sie her und wollen eine gewaltige Bürokratie aufbauen, die 25 Milliarden Euro umverteilen muss. Ich sage Ihnen: Lassen Sie das sein! Bleiben Sie bei der solidarischen Finanzierung! Was Sie tun, ist? Erstens? In einer Weise ungerecht, die kaum noch zu überbieten ist, und erfordert? Zweitens? eine Umverteilungsbürokratie, die dem, was Sie ansonsten erzählen? Sie behaupten nämlich, Sie seien für Bürokratieabbau? Wirklich hohnspricht.

Nein. Die Alternative, die auf der Finanzierungsseite einzubinden ist, heißt eben nicht Kopfpauschale, sondern solidarische Versicherung, Bürgerversicherung, damit all diejenigen, die den Nutzen des Systems haben, entsprechend ihrer Leistungsfähigkeit auch in das System einzahlen. Das ist ein gerechtes Prinzip.

Da von Richtungen und Unterschieden die Rede ist, sollten wir auch über die Rentenversicherung sprechen. Ihr Professor aus Heidelberg hat. Sie können jetzt nicht so tun, als gäbe es den gar nicht;

er soll ja Finanzminister werden, habe ich gehört - ganz merkwürdige Vorstellungen entwickelt, was die Rentenversicherung angeht. Dieser Mann will natürlich auch dieses System von den Füßen auf den Kopf stellen — das ist nämlich das Ergebnis und behauptet: Die solidarisch finanzierte Rente gehört der Vergangenheit an. Ich, Kirchhof, will ein Modell nach dem Muster der Kraftfahrzeugversicherung. Wer ein solches Zeug redet, der hat keine Ahnung von der Lebenswirklichkeit, der versteht nicht, dass Menschen keine Sachen sind und dass man sie auch nicht so behandeln darf, als wären sie Sachen.

Wir haben die gesetzliche Rentenversicherung durch ein Prinzip ergänzt, das man Kapitaldeckung nennt und das im Grunde mehr Eigenverantwortung bedeutet. Wir haben mit der Riester-Rente eine zweite Säule unter das Dach der Rentenversicherung gestellt, damit das Dach ordentlich getragen wird. Aber eines ist klar ich habe gehört, dass viele von Ihnen ebenfalls dieser Auffassung sind: Es ist falsch, das Prinzip aufzugeben, dass ein Teil der Sicherung im Alter von Menschen durch Menschen geschieht, und zu einer reinen Kapitaldeckung überzugehen. Deswegen ist es so notwendig - vor allem im Interesse der älteren Menschen, glasklar festzustellen, dass so etwas jedenfalls in diesem Haus nicht zu machen ist. Genauso muss klargestellt werden, dass die Reden, die jener Professor ständig hält, aufhören müssen. Sie verunsichern nämlich die Menschen.

Das bestehende Rentenversicherungssystem vernünftig weiterzuentwickeln, das ist die Aufgabe, die wir gemeinsam haben. Der nächste Schritt, der getan werden muss, nachdem die Stabilität der gesetzlichen Rentenversicherung, ergänzt durch Kapitaldeckung, geleistet worden ist, ist nicht die Debatte über die Verlängerung des nominalen Alters des Eintritts in die gesetzliche Rentenversicherung, sondern eine Debatte über die Frage, wie wir es zustande bringen, dass ältere Menschen aus dem Produktionsprozess nicht einfach herausgedrängt werden und dass das tatsächliche Renteneintrittsalter dem gesetzlichen angepasst wird.

Diese Regierung, diese Koalition haben auf diesem Felde etwas vorzuweisen. In unserer Zeit ist das tatsächliche Renteneintrittsalter von unter 60 Jahren auf über 60 Jahre erhöht worden. Das ist die richtige Strategie, die wir fortführen müssen. Diese Strategie hilft den Menschen, länger im Produktionsprozess zu bleiben, wenn sie es wollen, und sie sichert die Finanzierbarkeit dieses Systems.

Die Unterschiede sind auch hier deutlich; ich habe sie benannt. Genauso werden die Unterschiede bei der Behandlung des gesamten Bereichs der Arbeitswelt deutlich. Da geht es in der Tat um das, was wir wiederum gemeinsam, ohne dass Sie darüber noch reden wollen gemacht haben, nämlich um die Reformen auf dem Arbeitsmarkt. Diese Reformen beginnen zu wirken. Sie schreiben auf Ihren Plakaten, dass wir sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze verlieren. Das ist ein großer Quatsch: Seit ihrem In-Kraft-Treten am 1. Januar 2005 beginnen diese Reformen zu wirken. Seit April dieses Jahres entstehen täglich 1.500 sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze. Das ist die Wirkung einer vernünftigen Reformpolitik.

Wir sind es, die dafür gesorgt haben, dass es für junge Leute, die unter 25 Jahre sind, einen Rechtsanspruch gibt entweder auf einen Ausbildungsplatz oder auf einen Arbeitsplatz oder auf eine Beschäftigung, die eine Perspektive in Bezug auf Qualifizierung in sich trägt. Das ist eine vernünftige Reformpolitik. Das ist eine Politik im Interesse der jungen Leute. Lassen Sie uns in diesem Zusammenhang offen reden über Statistiken, die Sie gern fälschen.

Natürlich fälschen Sie die Statistiken! Sie schreiben auf Ihre Plakate, es gebe 5 Millionen Arbeitslose. Sie haben völlig außen vor gelassen, dass Sie selber eine Reform mitbeschlossen haben, durch die zwischen 300.000 und 400.000 Menschen, die vorher in der Sozialhilfe waren, obwohl sie arbeitsfähig sind, neu in die Statistik gekommen sind. Das sind die gleichen Leute; nur die Statistik hat sich geändert. Das veraten Sie den Menschen in Deutschland aber nicht, weil Sie von dieser Art der Verlogenheit etwas haben wollen.

Hinter dieser Zahl stehen 180.000 junge Leute unter 25 Jahren, die bereits Sozialhilfekarrieren vor sich hatten. Wir sind unserer Verantwortung nachgekommen und haben sie da herausgeholt, um ihnen endlich eine Perspektive zu geben. Denn nichts ist schlimmer, als wenn Menschen in diesem Alter bereits Sozialhilfekarrieren vor sich haben und keine Perspektive in Bezug auf Ausbildung, Arbeit oder sonstige Tätigkeit.

Im Übrigen will ich mit Ihnen gerne über die Arbeitswelt reden. Wir haben eine vernünftige Balance zwischen der Flexibilität in den Unternehmen und dem Schutz von Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmern vor willkürlicher Entlassung gefunden. Ich wiederhole: Das ist eine vernünftige Balance. Diese Balance trägt wirtschaftlich, gibt den

Menschen aber auch hinreichend Sicherheit. Sie wollen das zerschlagen: Sie wollen Menschen, die einen Job haben und die gute Arbeit machen, in Unsicherheiten stürzen. Das ist nicht richtig. Es ist übrigens auch wirtschaftlich nicht vernünftig; denn auch die Stabilität dieser Gesellschaft ist Grundlage des wirtschaftlichen Erfolges, den wir haben.

Lassen Sie uns über Steuerpolitik reden; darüber rede ich gern, insbesondere jetzt. Als wir ins Amt kamen das gehört zu der Bilanz, die Sie gefordert haben, war der Spitzensteuersatz bei 53 Prozent und der Eingangssteuersatz bei 25,9 Prozent. Das war das Ergebnis Ihrer Politik. Jetzt ist der Spitzensteuersatz bei 42 Prozent und der Eingangssteuersatz bei 15 Prozent. Das hilft Menschen konkret.

Übrigens, die Konsequenz dessen ist, dass die Nettolohnentwicklung in der Zeit unserer Regierung deutlich günstiger ist als zwischen 1992 und 1998.

Das ist Ergebnis unserer Politik, meine Damen und Herren. Wir werden diese Politik fortsetzen. Wir haben angekündigt wir stehen dazu, dass wir aufgrund der internationalen Wettbewerbsfähigkeit, die sonst infrage gestellt würde, den Körperschaftsteuersatz auf 19 Prozent herunterbringen werden. Gegenfinanziert werden soll dies aus dem Aufkommen der Unternehmensbesteuerung; da wird wirklich Subventionsabbau betrieben.

Genauso werden wir es mit der Erbschaftsteuer machen, hinsichtlich deren ich immer nur gehört habe, man wolle pro Jahr 10 Prozent an sich geschuldeter Erbschaftsteuer nicht haben, um, wenn das Unternehmen zehn Jahre lang weitergeführt wird, ganz auf sie zu verzichten. Dazu haben wir viel gehört, zum Beispiel aus Bayern. Wenn es aber Ernst wird, hat man es alles nicht so gemeint. Wir werden dies wieder auf die Tagesordnung setzen, weil es eine vernünftige Steuerpolitik ist.

Dann wird erzählt, wir wollten den Menschen, die als Verheiratete mehr als 500.000 Euro an versteuerbarem Einkommen brutto oder netto haben, 3 Prozent abnehmen und diese Mittel in Bildung, Betreuung sowie Forschung und Entwicklung stecken. Das ist der Generalsekretär der FDP, einer der schlauesten Generalsekretäre, die Deutschland je gesehen hat. Jene Menschen, die diese 3 Prozent zahlen sollen über meinen Beruf kenne ich viele, die in dieser Kategorie sind, sagen: Okay, wenn ihr das an Bildung und an die Betreuung der Kinder bindet, sind wir bereit, unser Scherflein dazu beizutragen. Dies werden

wir durchsetzen, meine Damen und Herren. Ich habe damit überhaupt keine Probleme; damit dies einmal klar ist.

An einem jedenfalls sollte man festhalten: dass Besteuerung in diesem Land entsprechend der Leistungsfähigkeit der Menschen erfolgt.

Dazu muss ich wieder einmal auf jenen Herrn aus Heidelberg zu sprechen kommen. Übrigens ist Heidelberg eine wunderschöne Stadt; ich war gerade dort. Dieser Herr aus Heidelberg sagt, Leistungsfähigkeit und Besteuerung gehörten nicht zusammen, er wolle 25 Prozent für alle. Meine sehr verehrten Damen und Herren, dies ist in einer Weise sozial ungerecht, die kaum noch zu überbieten ist. Geben Sie diesen Quatsch auf! Er führt zu nichts.

Ich darf nicht sagen, dass er zu nichts führe. Ich muss sagen: Er führt zum Beispiel dazu, dass der Staat auf allen Ebenen im ersten Jahr fast 43 Milliarden Euro weniger in den Kassen hat. Genau. Man muss doch einmal klar aussprechen, was dies bedeutet: weniger Investitionen in Bildung, weniger Investitionen in Betreuung, weniger Investitionen in Forschung und Entwicklung, weniger Investitionen in die innere Sicherheit. Meine Damen und Herren, ein solches Steuerkonzept ist unsinnig. Niemand kann derartige Experimente verantworten.

Dann höre ich, dass gesagt wird, man könne das ja einmal versuchen; so ernst sei es auch nicht zu nehmen, was Herr Kirchhof da erzählt. So sagte Frau Merkel, wenn auch nicht direkt zitiert, aber doch sinngemäß. Dass Sie an dieser Stelle lachen, habe ich mir gedacht. Ich lerne doch nicht auswendig, was Ihre Fraktionsvorsitzende sagt, um es dann zitieren zu können. So weit wollen wir doch wohl nicht gehen.

Aber es ist völlig klar, was dies bedeutete. Wer bezahlt denn das, was Herr Kirchhof da vorschlägt? Darauf wird zurückzukommen sein. Zunächst einmal, meine Damen und Herren, sagen Sie, man solle diesen Vorschlag nicht so ernst nehmen, er werde frühestens in der zweiten Legislaturperiode zum Tragen kommen. Unabhängig davon, dass es keine solche geben wird es gibt ja nicht einmal eine erste — sage ich Ihnen: Wer so über Steuerpolitik, über die Grundlagen der Finanzierung unseres Staatswesens redet, wer meint, er dürfe 82 Millionen Bürgerinnen und Bürger unseres Landes zu Versuchskaninchen von Herrn Kirchhof erklären, der handelt unverantwortlich. So kann man das doch nicht machen.

Es ist richtig, hier und heute über die Finanzierungsvorschläge zu reden, die gemacht wurden. Die Finanzierung dieser merkwürdigen

Konzepte soll unter anderem über die Abschaffung der Steuerfreiheit für Nachtarbeiter, für Feiertagsarbeiter und für Schichtarbeiter natürlich auch für Arbeiterinnen erfolgen. Dies ist im Kern Ihr Konzept.

Die Menschen, die sich feiertags und nachts für uns alle krumm legen, sollen die Steuerpolitik von Herrn Kirchhof bezahlen! Meine Damen und Herren, dies kann doch wohl nicht Ihr Ernst sein. Das darf nicht sein und das wird auch nicht sein; ich bin dessen sicher.

Wer in dieser Weise mit den Rechten derer umgeht, die nun wahrlich zu denjenigen gehören, die für sich selbst und ihre Familien, vor allen Dingen aber für das Gemeinwesen da sind, der zeigt nur eines: Er hat wirklich nicht verstanden, was unsere Gesellschaft im Innersten zusammenhält, nämlich das Maß an Gerechtigkeit, das Menschen möglich ist, und das Maß an Solidarität, auf das ein jeder Anspruch hat. Darum sollte es gehen.

Ich habe deutlich gemacht, dass die Agenda einen doppelten Sinn hat: Es geht darum, Ressourcen freizubekommen, um in wirkliche Zukunftsfelder zu investieren. Wir haben damit begonnen, in Forschung und Entwicklung zu investieren. Wir sind es gewesen, die diesen Haushalt um mehr als 30 Prozent gesteigert haben. Wir haben erreichen können, dass wir inzwischen unter den großen europäischen Staaten hinsichtlich des Aufkommens an Investitionen die Nummer eins sind. Die Skandinavier sind besser und da müssen wir hin. In dieser Dekade müssen wir es schaffen, 3 Prozent des Bruttoinlandsprodukts für Forschung und Entwicklung zu verwenden. Das muss geleistet werden; das ist Kern unserer Politik.

Genauso klar muss sein, dass wir die über die Neujustierung der Sozialsysteme frei werdenden Mittel in die Bildung unserer Kinder investieren, vor allen Dingen in bessere Betreuung. Obwohl formal nicht zuständig, sind wir es gewesen, die damit begonnen haben. Wir haben 4 Milliarden Euro in die Hand genommen, um die Ganztagsbetreuung in unseren Schulen zu verbessern. Das beginnt zu wirken, meine Damen und Herren. Bis Ende 2007 werden 10 000 davon profitieren.

Wir sind es gewesen, die im Zusammenhang mit der Zusammenlegung von Sozialhilfe und Arbeitslosenhilfe zum Arbeitslosengeld II dafür gesorgt haben, dass die Kommunen Mittel freibekommen. Ihnen geht es zurzeit so gut wie selten zuvor.

Lesen Sie doch einmal die Zeitungen! Dass sie schwarze Zahlen schreiben, können Sie doch in jedem Wirtschaftsteil lesen, wenn Sie

überhaupt je den Wirtschaftsteil zur Hand nehmen. Das können Sie doch lesen, meine Damen und Herren.

Wir sind es gewesen, die gesagt haben: Von den ersparten 2,5 Milliarden Euro werdet ihr 1,5 Milliarden Euro in die Betreuung der unter Dreijährigen investieren. Das ist zukunftsgerichtete Politik; um deren Weiterführung ohne Abstriche geht es. Wir sind es gewesen, die auf diesem Feld begonnen haben, den Familien zu helfen, zuerst mit der Erhöhung des Kindergeldes, dann mit den Betreuungseinrichtungen, über die ich geredet habe.

An dieser Stelle werden wir weitermachen. Der nächste Schritt wird ein Elterngeld sein, das diejenigen, die Kinder haben wollen, in den Stand setzt? Ob Frau oder Mann? Sich ein Jahr lang um diese Kinder zu kümmern, ohne dass sie gravierendste Einbußen an Materiellem und an Karrieremöglichkeiten erleiden müssen. Das ist der Kern einer neuen Familienpolitik, ergänzt durch die Betreuungsangebote, die wir gemacht haben und weiter machen werden. Sie können ja sagen, was Sie stattdessen wollen, und die Menschen werden entscheiden können.

Das Gleiche gilt in Bezug auf die internationale Politik. Wir werden morgen im Beisein des russischen Präsidenten einen wirklich wegweisenden Schritt erleben, nämlich den, dass ein russisches Unternehmen auf der einen Seite und zwei deutsche auf der anderen Seite vereinbaren werden, die Unabhängigkeit der deutschen Energieversorgung zu sichern. Darum geht es nämlich im Klartext — indem in der Ostsee eine Pipeline gebaut wird, die ihresgleichen sucht und die zu dieser Sicherung beiträgt. Ich halte das für einen der entscheidenden Schritte, was die Sicherung unserer Energieversorgung gerade in der jetzigen Zeit angeht.

Was wir im Verhältnis zwischen Deutschland und Russland, im Verhältnis zwischen Europa und Russland eingeleitet haben und was gelegentlich von Außenpolitikern Ihrer Seite, wenn ich sie denn so bezeichnen soll, diskreditiert wird, sucht seinesgleichen. Das ist die richtige Konsequenz aus der historischen Verantwortung und das ist die richtige Konsequenz, wenn es um die Sicherung der für unsere Wirtschaft so bedeutsamen Energieversorgung geht. Das ist im Mittelpunkt dessen, was morgen geleistet werden wird.

Das zeigt, dass wir Außenwirtschaftspolitik und Außenpolitik interessengerecht, an unseren Interessen orientiert betreiben. Das zeigt im Übrigen, dass wir auf dem richtigen Weg sind. Diese Regierung

es macht Sinn, dass das so bleibt — hat Deutschland als eine mittlere Macht positioniert, die bündnisfähig und bündnisbereit ist, die hilft, wenn Freunde in Not sind, aber die Nein zu sagen in der Lage ist, wenn über einen Krieg entschieden wird, dessen Sinn wir nicht einsehen, die also Nein zu sagen in der Lage ist und das auch tut, meine Damen und Herren.

Die wirtschaftlichen Erfolge sind sichtbar. Im Arbeitsmarkt ist Bewegung, längst nicht so viel — wer wollte das bestreiten, wie ich mir wünschte. Bei den unter 25-Jährigen sind wir besser als der Durchschnitt der Eurozone. Das wird so weitergehen; ich bin dessen sicher.

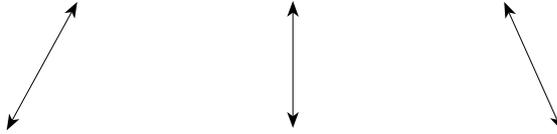
Wenn Sie sich die ökonomischen Daten anschauen, wenn Sie sich zum Beispiel vor Augen führen, dass Deutschland in dieser Phase sie ist schwierig genug; es waren drei Jahre der Stagnation, die Gott sei Dank hinter uns liegen als einziges G-7-Land Marktanteile hinzugewonnen und nicht verloren hat, wenn Sie sich vor Augen führen, dass wir im Moment auch sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze gewinnen, wenn Sie sich vor Augen führen, wie das Bestellverhalten bei der Ausrüstungsindustrie ist, wenn Sie sich vor Augen führen, dass wir 2004 wieder 10 Prozent Exportzuwachs hatten man kann davon ausgehen, dass es sich in diesem Jahr in einer ganz ähnlichen Größenordnung bewegen wird, dann wird deutlich, dass die Reformpolitik, die wir eingeleitet haben, wirklich positive Erfolge bringt und dass sie deshalb fortgesetzt werden soll.

Wir haben deutlich gemacht, was wir in der nahen Zukunft wo tun wollen. Wir werden an der Stabilisierung der Einnahmeseite bei der Krankenkasse, bei der Rente weiterarbeiten. Wir werden weiter daran arbeiten, dass endlich mehr Mittel in die Betreuung unserer Kinder gesteckt werden. Wir werden weiter daran arbeiten, dass endlich mehr in Forschung und Entwicklung sowie in Bildung investiert wird. Wir sind da auf dem richtigen Weg. Dieser Weg der Erneuerung nach innen und der außenpolitischen Positionierung des Landes als eine Friedensmacht, die die Konflikte dieser Welt möglichst friedlich lösen will, ist gut für Deutschland.

Er ist richtig und ich bin dessen sicher er wird fortgesetzt werden.

Herzlichen Dank für Ihre Aufmerksamkeit.

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

<p><i>Характеристика политического деятеля как языковой личности</i></p> <p>↕</p> <p><i>Толерантность</i></p> <p>↕</p> <p><i>Характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего</i></p>	<p><i>Характеристика коммуникативно-прагматического пространства, или контекста (контекстуальный анализ)</i></p>	<p><i>Характеристика языкового пространства, или текста (текстуальный анализ)</i></p>
---	--	---

Научное издание

ШАПОЧКИН Дмитрий Владимирович

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Монография

2-е издание,
переработанное и дополненное

Редактор	Е. В. Панькина
Компьютерная верстка	Е. Г. Шмакова
Печать электрографическая	А. В. Башкиров
Печать офсетная	В. В. Торопов, С. Г. Наумов

Подписано в печать 29.12.2018. Тираж 500 экз.
Объем 16,98 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 1100.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru